

ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ГУМАННОГО СОЦИАЛИЗМА

К 45-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

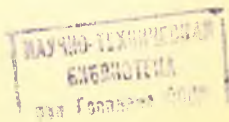
ВОЗМОЖНОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ПРОДОВОЛЬСТВИЯ

РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕФОРМЕ

НОВЫЕ АСПЕКТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ В КНР

5

МАЙ • 1990

ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ГОСПЛАНА СССР

МА И

№ 5

Издается с марта 1924 года

В номере представлены материалы, посвященные экономическим проблемам, поставленным в проекте Платформы ЦК КПСС к XXVIII съезду партии. Это статьи д-ра экон. наук В. Куликова «Экономические основы гуманного социализма», д-ра экон. наук О. Рыбакова «Размышления об экономической реформе», первого секретаря Рязанского обкома партии Л. Хитруна «Возможности увеличения производства продовольствия» и другие статьи рубрики.

45-летию Победы в Великой Отечественной войне посвящена статья В. Первышина «Победа оружия — победа экономики, общественного строя».

Внимание читателей, очевидно, привлечет сравнительный анализ двух экономических реформ 1921—1924 и 1987—1990 гг., проведенный д-ром экон. наук Р. Белоусовым.

В последнее время среди экономистов и хозяйственных руководителей широко обсуждаются вопросы обеспечения занятости населения и организации заработной платы. Эти проблемы рассматриваются в статьях В. Кулакова и В. Ковнира.

Журнал знакомит читателей с современным опытом государственного регулирования экономики в КНР, проблемами конвертируемости рубля, организации и управления народным хозяйством и др.

СОДЕРЖАНИЕ

НАВСТРЕЧУ XXVIII СЪЕЗДУ КПСС

В. Куликов — Экономические основы гуманного социализма	3
Л. Хитрун — Возможности увеличения производства продовольствия . . .	13
О. Рыбаков — Размышления об экономической реформе	21
Ю. Любимцев — Государственный бюджет и народное хозяйство	31
В. Позизов — Социальные приоритеты	41

К 45-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

В. Первышин — Победа оружия — победа экономики, общественного строя	51
---	----

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ПЛАНИРОВАНИЯ

В. Смирнов, И. Блинов, А. Виссарионов, С. Синельников — Централизованное планирование и регулирование экономики	62
---	----

Из истории социалистического планирования

Р. Белоусов — Две реформы экономики: 1921—1924 и 1987—1990 гг. .	73
--	----

ОРГАНИЗАЦИЯ И УПРАВЛЕНИЕ

М. Карпунин — Ресурсоемкость производства и новые материалы . . .	85
---	----

ТРУДОВЫЕ РЕСУРСЫ И ОПЛАТА ТРУДА

В. Кулаков — Управление трудовыми ресурсами и занятостью населения .	93
В. Ковнир — Заработная плата: теория и практика	101

НАШИ ДИСКУССИИ

Л. Корляков — Проблемы и предпосылки обратимости рубля	107
--	-----

ИЗ ПУБЛИКАЦИЙ 20-х ГОДОВ

С. Шаров — Пятилетний план и плановая работа	111
--	-----

ИЗ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА

Ю. Калмыков — Новые аспекты государственного регулирования экономики в КНР	118
--	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

В. Радаев — Проблемы хозяйственного расчета	126
А. Казаков — Эффективность научного потенциала отрасли	127

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ГУМАННОГО СОЦИАЛИЗМА

В. Куликов,

д-р экон. наук

Сегодня стало ясно, что вариант движения к социализму, который реализован в Советском Союзе, не обеспечивает обществу динамизм, производству — эффективность, людям — достойный уровень и качество жизни. Данное обстоятельство, ставшее несомненным, нередко воспринимается (и не только за рубежом, но и в нашей стране) как крах социализма вообще. Логика обыденного представления при этом проста: мы знаем только тот социализм, который существует реально, поскольку он оказался несостоятельным, значит, и социализм как таковой обанкротился.

Подобного рода суждения понятны и неизбежны в сложившихся условиях, но для науки они могут быть лишь отправным пунктом размышлений об общественном развитии, об истоках и исторических судьбах социализма. Социалистические идеи — плод не сегодняшнего дня, они возникли задолго до К. Маркса и Ф. Энгельса. На протяжении всей своей истории человечество связывало с ними чаяния о социальной справедливости, устранении угнетения и насилия. Эти чаяния и устремления неистребимы: они были, есть и будут, и их не может уничтожить провал того или иного исторического эксперимента.

Но дело, конечно, не только в чаяниях и устремлениях. В общественном развитии при всех зигзагах, отступлениях и даже срывах явно обнаруживается тенденция к его гуманизации. В конечном счете именно человек, возможности обеспечения его благосостояния и развития образуют цель и критерий общественного прогресса. **Общество реального гуманизма и народовластия и есть социализм.** Кто-то такое общество может называть и по-другому. Его право. Важна суть, а она состоит в том, что человечество движется к обществу, где не человек существует ради строя, а строй — ради человека. Таков главный отправной пункт, из которого исходит проект Платформы КПСС к XXVIII съезду. Важно поэтому определить, что можно и нужно сделать при наличных условиях для продвижения к реальному гуманизму и народовластию. Здесь ключ к решению всех вопросов, касающихся и собственности, и механизма функционирования экономики, и распределения доходов. Причем речь идет не о том, чтобы в очередной раз дать конкретные определения социализма для всех времен и народов. Он сам и представляется о нем не могут не меняться в ходе саморазвития, под воздействием мирового опыта. Речь поэтому пойдет не об отдаленном будущем, а о том, что можно сделать уже сегодня, в первую очередь о развитии форм социалистической собственности.

И сами идеи о многообразии форм социалистической собственности, о ее преобразовании как ядре перестроечных процессов, непереносимом условии реформирования всех остальных экономических структур, и

первые практические шаги в реализации данных идей встретили неоднозначную реакцию общественности. Вокруг этих вопросов развернулись бурные дебаты. Приходится констатировать, что общественное сознание во многом оказалось не подготовленным к восприятию радикальных перемен в формах присвоения и хозяйствования.

Представления о недопустимости «затрагивания» отношений собственности не случайны. В основе каждого общественного строя лежит собственность определенного типа. Естественно, что любые преобразования в этой сфере вызывают опасения: не приведут ли они к социальному перерождению общества. Подобные опасения существуют и у нас сегодня, что проявляется, в частности, в отрицательном отношении части населения к кооперации, аренде, акционерной, индивидуальной (а тем более частной) формам собственности на средства производства. Все еще не преодолено и представление, будто бы переход к многообразным формам собственности — это временное отступление. Между тем курс на такое многообразие не тактика, а стратегическая линия, взятая «всерьез и надолго». Более того, **новая концепция социализма как раз и исходит из того, что его социально-экономическая система основывается на многообразных формах собственности, их равноправии и здоровом соперничестве (конкуренции).**

Одна из главных составляющих перехода к реальному многообразию форм собственности — устранение монополии государства на средства производства, разгосударствление собственности, резкое расширение поля деятельности для разных форм коллективной (в том числе долевой и паевой), а также индивидуальной (семейной) собственности.

На последнем моменте остановлюсь особо, ибо с ним связан вопрос о допустимости частной собственности в нашем обществе. Она, как известно, сопровождает человечество на протяжении тысячелетий. Так что ее плюсы и минусы давно известны, и было бы нелепо начинать дискуссии по ее поводу с нуля, как будто бы перед нами некий неведомый феномен.

Частная собственность, безусловно, стимулирует инициативу и предприимчивость, ответственное отношение к труду. Но не менее известно и другое — в условиях товарного производства она порождает стремление к наживе. Важно и то, что тотальная приватизация приведет к капитализму. И об этом не надо стыдливо умалчивать, ибо в ситуации, когда решается судьба народа (а он ее должен выбирать с открытыми глазами), позиция умалчивания переходит в обман.

Двойственный характер частной собственности, даже если она чисто трудовая, достаточно очевиден. Вопрос в том, остается ли соотношение между разными ее сторонами постоянным или оно меняется в зависимости от условий, в которые она (частная собственность) поставлена? Думается, что указанное соотношение меняется. При условии эффективного функционирования обобществленного производства частная собственность разными путями (через кооперационные и финансовые связи) может быть интегрирована с ним. А это означает, что в тех секторах экономики, где мелкое и среднее производство остается эффективным (прежде всего сельское хозяйство, сфера услуг), частная собственность способна сыграть положительную роль в развитии социалистического производства. Речь при этом прежде всего идет о трудовой частной собственности.

Как запугивание ею, так и ожидание от нее экономических чудес далеки от истины и ведут лишь к усилению социальной напряженности в обществе. Здесь нужен трезвый, без предвзятости анализ реальных обстоятельств. Страусова политика, когда прячутся от реальных фактов (а к ним относится и существование частной собственности), не лучшая политика. Только признание наличия объективных основ функционирования данной формы собственности при социализме откроет путь для

определения тех звеньев народного хозяйства, где она может быть полезной, а также для формирования финансового и правового механизма ее регулирования, интеграции с общественным производством.

При всей важности расширения поля деятельности негосударственных форм собственности было бы ошибкой сводить только к нему преобразование экономической системы. Такое сведение равносильно идее о тотальной денационализации, а она была бы столь же волевым актом, как и проведенные в прошлом тотальная национализация в городе и насильственное кооперирование в деревне.

Государственная собственность существует не потому, что она декларируется статьей конституции (такая статья может быть или не быть). Государство не может уйти из экономической сферы уже в силу того, что государственное регулирование экономики — непереносимое условие устойчивого развития современного производства, ускорения научно-технического прогресса. Дело при этом не сводится к удельному весу государственной собственности (хотя в наших условиях он будет, видимо, значительным). Главное не в количестве — государственная собственность должна стать другой: ее из бюрократической необходимо превратить в демократически управляемую и социально ориентированную (не в лозунгах, а на деле). Такого магистрального направления преобразований отношений собственности. Решающими при этом представляются два обстоятельства.

Во-первых, требуется четко разграничить объекты и функции союзной, республиканской и коммунальной собственности. В таком разграничении видится средство демократизации экономической жизни, придания республиканским и местным Советам экономической власти, возможности самоуправления в национальных и региональных образованиях. Объективный критерий разграничения объектов различных форм собственности вытекает из особенностей той роли, которую они (объекты) играют в воспроизводственном процессе (одни из них имеют местное значение, другие — региональное или республиканское, а от функционирования третьих зависит народное хозяйство в целом).

Отстаивая необходимость образования республиканской собственности, не следует ставить под сомнение и необходимость общесоюзной собственности. Попытки устранения последней могут привести только к одному — подрыву экономических основ нашего федеративного устройства, т. е. распаду нашего единого союза. В то же время в целях укрепления власти местных Советов нужно предоставить им возможность самостоятельно хозяйствовать, самим решать местные проблемы, прежде всего социальные и экологические, а этого не достичь без наделения их собственностью.

Второе (не менее, а, может быть, даже более важное) направление в преобразовании государственной собственности состоит в формировании такой системы, при которой каждый работник и трудовой коллектив станет реальным хозяином средств производства и создаваемого продукта, участником принятия социально-экономических решений. Можно ли добиться этого?

Под воздействием происшедшей бюрократизации государственной собственности и возникшего на этой почве отчуждения трудящихся от средств производства, его результатов и управления им на данный вопрос нередко дается отрицательный ответ. Но неудача часто свидетельствует не о неразрешимости, а о трудности задачи. Не все здесь ясно и по настоящий момент, но многое определилось. Главное — перевести государственные предприятия в иной режим функционирования, сделать их действительно самостоятельными.

В экономике действует элементарное правило: управляет тот, кто имеет ресурсы. Поэтому, сколько бы ни говорилось о самостоятельности

государственных предприятий, они ею на деле обладать не будут, пока доходы по большей части централизуются. С помощью налоговой системы следует стабилизировать, а с течением времени увеличить долю предприятий в национальном доходе. Кроме того, нужно гарантировать ее использование ими по собственному усмотрению. Необходимо также соединение личной и общественной собственности и интересов посредством различных форм, включая акции и аренду.

В дискуссиях о собственности не преодолена еще детская болезнь, когда происходит «зацикливание» на термине (в лучшем случае — на его юридическом смысле). Так, частная собственность однозначно объявляется или злом, или добром, независимо и до выяснения того экономического содержания, которым она может наполняться в наших условиях. Аналогичным образом обстоит дело и с государственной собственностью. В действительности же она может быть и казенно-бюрократической, и народным достоянием. Все зависит от характера государства, способов регулирования им экономики, от того, как будут распределены экономические функции между местным, региональным, республиканским и союзным (федеративным) уровнями, от режима функционирования государственных предприятий.

Филолого-юридический подход широко представлен и в дискуссиях о земле. Так, требования о частной собственности на землю нередко сопровождаются рассуждениями о том, что крестьянин должен иметь право выращивать на предоставленной ему земле продукты по собственному усмотрению и продавать их тому, кому пожелает по договорным ценам. Спрашивается, достижимо ли все это при сохранении земли в качестве народного достояния? Безусловно. Более того, передача земли в народное достояние снимает всякие ограничения на формы землепользования, а частная собственность на землю как раз их ставит.

Есть и более конкретные, но не менее важные обстоятельства, не учитывающие которые было бы опасно. Так, в ряде районов страны (Кавказ, Средняя Азия) обрабатываемой земли на всех просто не хватит, что же делать с оставшимися без земли и как они отнесутся к получившим землю (особенно если последние будут лицами другой национальности)? А как можно передавать кому-то землю там, где живы люди, которые были ее собственниками прежде? Стабильности в обществе это, очевидно, не добавит.

Выход видится все-таки в другом. В культивировании разных форм хозяйствования на земле как народном достоянии с правом выбора конкретных форм самими крестьянами. Необходимо поддерживать совхозы и колхозы там, где они эффективны и где сельские жители заинтересованы в их сохранении и укреплении, переводить эти хозяйства на новый режим функционирования. В то же время у каждого крестьянина должно быть право выхода из колхоза (или совхоза) с получением на конкурсных основах и на условиях длительной аренды земельного надела, право передачи землепользования и собственных средств производства по наследству. Частная же собственность на землю не для повсеместного распространения. Она допустима, на наш взгляд, лишь на те земельные участки, которые служат не для хозяйствования, а для проживания.

Почему же идеи частной собственности на землю получают некоторое распространение, в том числе и среди крестьян? Причины, видимо, разные, но одна из них связана с сомнениями крестьянина, действительно ли государство даст ему возможность самостоятельно хозяйствовать. Частная же собственность на землю, как представляется крестьянину, такую гарантию обеспечит. Подобные представления во многом наивны, поскольку от произвола государства, как не раз демонстрировала история, не может уберечь и частная собственность. Но их существование со всей очевидностью показывает, что доверие к государству — не только

моральная, но и экономическая категория. Им нельзя без конца злоупотреблять, ибо, потеряв, его трудно восстановить, а без этого никакую экономическую политику проводить просто невозможно. Выход — всемерная демократизация государства, правовое оформление экономических процессов и гарантий для всех субъектов хозяйствования, приоритет закона, его неукоснительное исполнение.

Вызывает озабоченность и еще один мотив дискуссии о собственности — стремление выдвинуть на первый план проблему раздела накопленного богатства (которое, кстати, не так уж велико в подушевом его исчислении), что создает впечатление перетягивания дырявого одеяла. В условиях усиления центробежных тенденций такие мотивы неизбежны. Но очевидно и другое — сам по себе раздел имущества (даже в тех случаях, когда он необходим) к увеличению богатства не приводит. Главное, повторяю, в другом — в формировании такой системы отношений, которая бы обеспечила эффективный социально ориентированный рост.

Именно в данном контексте необходимо рассматривать и вопрос, что может дать переход к многообразию форм собственности и хозяйствования. Указанный переход не самоцель. Он нужен для создания экономической основы свободы граждан, свободного выбора работником форм и способов приложения своих способностей к труду, присвоения результатов последнего. **Плюрализм форм собственности и хозяйствования необходим и для того, чтобы использовать все возможности развития производства и повышения его эффективности, создать среду для проявления инициативы, предприимчивости и здорового соперничества.**

В последние годы представление о том, что рыночная система — достижение исторического развития, общечеловеческая ценность, мощное средство эффективного хозяйствования, завоевывает все более прочные позиции и постепенно утверждается в экономической теории, нашем сознании и практике хозяйствования. Было бы неверно сводить рынок только к инструменту перемещения продуктов и услуг от производителя к потребителю. Именно здесь выясняется, был ли затраченный труд общественно необходимым, насколько созданный продукт общественно полезен, какова мера эквивалентного обмена. Рынок — важное средство обеспечения непрерывности воспроизводственного процесса, увязывания всей экономики в единое целое. Без развитого рынка нельзя по-настоящему включить наше хозяйство в мирохозяйственные связи, сделать рубль конвертируемым. Насыщенный товарами, базирующийся на крепкой валюте и здоровой конкуренции рынок стимулирует трудовую активность, ставит каждое из предприятий в ответственное положение, ориентирует их на удовлетворение потребностей населения, а не на формальное выполнение плановых заданий. Способность рынка обеспечивать увязывание интересов производителя и потребителя при приоритете последнего как раз и позволяет органически сомкнуть его с экономической системой социализма. Весь вопрос, однако, в том, как этого достигнуть.

По данной проблеме распространено немало упрощенных представлений. Так, еще недавно казалось, что все дело в недооценке товарного производства. Однако начиная с 1985 г. ни в одном официальном документе важность его использования не ставилась под сомнение. Более того, не раз обращалось внимание на отрицательные последствия его недооценки. В управлении производством отпустили административные вожжи. В результате административные связи в хозяйстве нарушились, а рыночные не возникли. Взаимные поставки срываются. Регионы недодают друг другу многие важные продукты, включая продовольствие. Причем в условиях усиливающейся материальной небезопасности рубля предприятия предпочитают действовать по схеме, знакомой по пер-

вым страницам «Капитала» К. Маркса, обменивая продукт на продукт. Таким образом, вместо перехода к рыночной системе по ряду направлений наблюдается натурализация отношений.

Внутри страны (да и за рубежом) не раз раздавались рекомендации: надо, мол, начинать с разветвления мелкого бизнеса. При этом упускается из виду, что, приняв указ «Об индивидуальной трудовой деятельности» и закон «О кооперации», мы на такой путь, собственно, и встали. Но, к сожалению, вместо того, чтобы дать цивилизованный рынок, индивидуальная трудовая деятельность и кооперация в немалой степени приобрели спекулятивный характер. Кстати говоря, официальная статистика, характеризуя их деятельность, не раскрывает спекулятивную составляющую, чем существенно завышает их вклад в товароборот.

Все это свидетельствует о чрезвычайной сложности перехода к рыночной системе. В истории всех стран, включая и царскую Россию, он занимал много десятилетий. Мы же теперь поставлены в условия, когда необходимо возобновить произвольно разрушенную около шестидесяти лет назад рыночную систему в сжатые сроки. Альтернативы этому нет.

Выделим наиболее важные составляющие такого перехода. В первую очередь требуется на деле овладеть многообразными формами собственности и хозяйствования, реорганизовать государственную собственность, в частности, превратить государственные предприятия в экономически самостоятельные субъекты хозяйствования. Именно многообразие форм собственности и хозяйствования, их равноправие и здоровая конкуренция образуют объективную основу системы товарного производства, создают соответствующую экономическую среду.

Основополагающее значение имеет и преодоление дефицитности, в условиях которой ни один экономический закон не может нормально действовать, а экономика — эффективно функционировать. Именно поэтому наивно уповать на рыночный механизм, пока сохраняются огромные дефициты, что лишний раз подтверждается обнаружившимся в последнее время при снятии некоторых ограничений стремлением не только кооперативных, но и государственных предприятий увеличивать доходы, не расширяя производства и не повышая качества изделий. Рассуждения же о групповом эгоизме здесь бесполезны, ибо речь идет о **нормальной реакции на ненормальную ситуацию**. Причина — в ней, а не в эгоизме.

Нередко можно услышать: вот если бы сразу был налажен финансовый контроль за кооперативами, то спекулятивные мотивы в их деятельности давно были бы пресечены. Конечно, такой контроль надо налаживать, и времени здесь потеряно немало. Но ясно и другое. Финансовый контроль эффективно срабатывает в равновесной экономике, когда появляются сравнительно незначительные отклонения вверх и вниз. При наличии же огромного неудовлетворенного спроса финансовый контроль в лучшем случае способен лишь уменьшить негативные последствия, но не ликвидировать их.

Накопленные за десятилетия дефициты за короткий срок, безусловно, не устранить. Суждения иного рода были бы очередным обманом народа. Реально другое — сияние в течение одного-полутора лет, используя чрезвычайные меры, напряженности по тем товарам, недостаток которых вызывает у населения наибольшее раздражение. На перспективу же выход один — коренная структурная перестройка экономики. Ибо экономика, в которой только около 25% промышленности работает на потребителя, а сельское хозяйство, инфраструктура и экспортный сектор отстали, не может не быть дефицитной. Причем в указанной перестройке межотраслевым перераспределением капиталовложений, влияющим лишь на приростные величины, ситуацию коренным образом не изменить. Здесь не обойтись без закрытия одних и ввода в действие других производств.

Итак, нам нужен полнокровный рынок, способный эффективно регулировать производство. Но для этого, в о-п е р в ы х, необходимо, чтобы он сложился во всех обязательных для него структурах, включающих в себя в качестве неперенных компонентов рынки предметов потребления и услуг, средств производства и труда, инвестиции и научных разработок, ценных бумаг и валют. В о-в т о р ы х, требуется оздоровить кредитную и денежную системы, важность чего до сих пор явно недооценивалась. В результате не только своевременно не были приняты меры по регулированию инфляции, но и были осуществлены такие шаги (увеличение расходной части бюджета за счет многократного превышения дефицита последнего над допустимым уровнем, наращивание капитальных вложений при снижающейся их эффективности и др.), которые привели к утрате контроля над денежным обращением, превращению инфляции в проблему номер один. Конечно, в динамично развивающейся экономике ее полностью устранить нельзя, но ввести в нормальные рамки можно и нужно.

Простых решений здесь нет. Правда, в качестве такового нередко называется денежная реформа, число сторонников которой растет и справа, и слева. Полностью исключать вероятность того, что экономика окажется в сверхкритической ситуации, когда иного выхода не будет, нельзя. Но это все-таки крайняя мера. Ведь она станет открытым признанием, что государство оказалось не в состоянии обеспечить нормальными средствами экономическое развитие. А это будет работать не на повышение, а на снижение и без того ослабленного авторитета государственной власти. Очевидно также, что денежная реформа, если не будет осуществлен переход к новой системе хозяйствования, вызвав нежелательные социальные последствия, в итоге ничего не даст, ибо через два-три года произойдет возврат к прежней инфляционной ситуации.

В мировой практике есть немало цивилизованных и находящихся в русле намечаемых преобразований методов скрывания денежных средств и их откочки из обращения. О многих из них писалось в печати, и они представлены на рассмотрение правительства. Дальнейшие же разговоры о денежной реформе, на наш взгляд, способны принести еще больший вред, чем само ее проведение.

В-т р е т ь и х, следует постепенно, по мере снятия напряженности на рынке, переходить к свободному ценообразованию на основную часть промышленной и сельскохозяйственной продукции, а также услуги. При этом, безусловно, не избежать одновременного пересмотра цен на отдельные товары (подобные пересмотры, поскольку они сохраняют сложившуюся систему ценообразования, еще не есть его перестройка, но они, сокращая перекосы в ценах, способны облегчить переход к рыночному регулированию последних). Главным же сдерживающим фактором роста цен должен стать не административный диктат, а конкуренция товаропроизводителей на основе насыщения рынка.

В-ч е т в е р т ы х, необходима демонополизация не только производства, но и торговли, кредитного обслуживания, научного обеспечения. А это предполагает преодоление дефицитов и насыщение рынка товарами; диверсификацию крупных предприятий; экономическое поощрение развития мелких и средних предприятий, финансовых и научных учреждений, а также семейных хозяйств; принятие антимонополистического законодательства. Только таким путем можно избавиться от диктата производителя, обеспечить потребителю право решающего голоса на рынке.

В-п я т ы х, нужно сделать рынок открытым, т. е. превратить его в звено мирового рынка, без чего нельзя включать народное хозяйство в мировую экономику. Сложившийся в прошлом механизм внешнеэкономических связей исходил из их подсобной роли. Он играл роль своего

рода шлюзового отсека (или барокамеры), ограждающего экономику социалистических стран от воздействия внешней среды. Это обуславливало отстраненность предприятий от внешнеэкономических связей, т. е. разобщенность производства и внутреннего рынка, с одной стороны, и внешней торговли, мирового рынка — с другой¹. Ленинское положение о государственной монополии на внешнюю торговлю получило упрощенное истолкование. Хотя согласно закону о введении данной монополии (апрель 1918 г.) право на внешнеэкономическую деятельность могло быть предоставлено не только Министерству внешней торговли, но и другим организациям, она во многом свелась к монополии указанного министерства.

Формируя полнокровный рынок, необходимо вместе с тем учитывать мировой опыт, свидетельствующий о том, что предоставленный самому себе рынок ведет к развязыванию стихии. **Социалистическому хозяйству нужен не любой, а организованный рынок.** Организующее начало в его функционировании способны внести такие институты, как ярмарки, банки данных, товарные и фондовые биржи, центры оптовой торговли, валютные аукционы.

Регулирование рынка — это одна из основных экономических функций государства. Но для ее успешного выполнения государство должно отказаться от прямого директивного планирования и управления народным хозяйством и перейти к косвенному регулированию экономики и разработке программ, от реализации которых зависит функционирование общественного производства в целом. Государство ответственно и за проведение антимонополистической политики.

Через регулирование рынка, через централизованное обеспечение общих условий функционирования народного хозяйства как раз и обеспечивается единство планомерности и товарно-денежных отношений.

Однако для того, чтобы что-то регулировать, это что-то надо иметь. Поэтому перед нами стоит двоякая задача: с одной стороны, создавать полнокровный рынок, не идеализируя его, видя его плюсы и минусы; а с другой — формировать механизм, который бы способен его (рынок) регулировать и тем самым гасить его минусы.

Социалистическая собственность по своей природе трудовая, а это означает, что каждый ее субъект (будь то отдельный работник или трудовой коллектив любого ранга) реализует свою причастность к собственности на основе и в меру трудового вклада. Таков всеобщий принцип образования доходов в социалистическом обществе: здесь все надо зарабатывать и жить соответственно этому. Из природы социализма, таким образом, вовсе не вытекает ни уравниловка, ни «разделизм», ни попытки любыми средствами (включая силовые) увеличить свою долю в общественном пироге, ни равенство в нищете, ни иждивенчество тех, кто способен к труду.

Элементарная истина гласит: люди живут так, как работают. Но справедливо и обратное: в цивилизованном обществе люди работают так, как живут. В результате образуется замкнутый круг: живем плохо, потому что плохо работаем, а работаем плохо, потому что низкий уровень жизни не создает должных стимулов к труду². Где же выход из этого круга?

Видимо, двигаться нужно в двух направлениях. С одной стороны, нужно (и можно) активизировать человека как работника через оздо-

¹ Предприятия должны выступать как товаропроизводители не только по отношению к внутреннему, но и к внешнему рынку. Это позволит создать реальную рыночную среду и преодолеть разобщенность внутреннего и мирового рынков.

² По международным расчетам, СССР в 1985 г. занимал 68-е место по производству валового национального продукта на душу населения и 77-е место по душевому личному потреблению.

рование потребительского рынка и развитие социальной сферы. Задача здесь состоит в том, чтобы преодолеть перевернутость нашей экономики, когда «производство работает ради производства» и на военные нужды, а не на человека³. А с другой стороны, следует постоянно создавать благоприятные условия для труда, реально оценивать его независимо от того, в какой форме хозяйства (кооперативной или государственной) человек занят. Формируя такие условия, общество тем самым обеспечивает социальную защищенность для всех, кто способен к труду.

Путь к эффективному, производительному труду не в ужесточении административных мер, не в «дисциплине голода», не в благотворительности для всех и вся, а в создании неограниченных возможностей трудиться и зарабатывать, а на заработанные деньги приобретать все те продукты и услуги, которые человек считает необходимыми для себя. Речь при этом идет не только о привычном для нас круге товаров (продукты питания, одежда, обувь, бытовая и радиотехника, автомобиль). С переходом к рыночной экономике их круг будет расширяться, в том числе и за счет ранее значительно дотируемых или бесплатных товаров и услуг.

Так, для советских людей стало привычным бесплатное получение от государства жилья, что вполне соответствовало натурализации отношений и условиям острой его дефицитности. Но можно ли считать такое распределение нормой? Сoglасуется ли оно с формированием благосостояния по труду? Постепенно, видимо, целесообразно осваивать иной подход: общество гарантирует всем определенный уровень жилищного обеспечения (право на жилье), но каждый человек, желающий построить дом или купить квартиру и заработавший для этого деньги, должен иметь возможность реализовать свое желание. В русле данного подхода лежит и дифференциация оплаты государственного жилья в зависимости от его качества и места расположения, повышение платы за излишки жилой площади, отмена всех необоснованных привилегий в распределении и использовании жилья.

Аналогичный подход (сочетание гарантированного бесплатного обеспечения на определенном уровне и платности при его превышении) стоит распространить на здравоохранение, образование, спортивное и культурное обслуживание. Ясно, однако, что переход к этому можно осуществить лишь по мере изменения системы и уровня заработной платы.

Неоднозначно в обществе и отношение к доходам на акции. Не ведут ли они к наживе, паразитизму и т. п.? Зависимость ответа от источника (трудовой он или нетрудовой) средств, на которые приобретаются акции, очевиден. Поэтому дальше речь пойдет лишь о заработанных средствах. В социально же экономическом плане акция в наших условиях представляет форму увязки общественной и личной собственности (соответственно, интереса), один из способов стимулирования сопричастности работника к управлению производством, к заботам о его эффективности.

Переход на новые принципы хозяйствования приведет, с одной стороны, к значительному повышению уровня жизни многих слоев населения, а с другой (особенно в первый период) — к заметному усилению дифференциации материального положения населения. Не все смогут обеспечивать себе достойные условия жизни⁴. Причины разные: и возраст, и состояние здоровья, и многодетность, и временная потеря работы, и т. п. Принципы гуманизма обязывают создать для этих людей

³ В валовом национальном продукте в СССР доля личного потребления составляет 44%, а военных расходов — 15,4—17,6; в США же соответственно — 68 и 7,1%.

⁴ Доля таких людей во всех развитых странах довольно значительна. По мнению ряда западных социологов, около трети населения.

особый механизм социальной защиты, обеспечивающий им уровень жизни не ниже социального норматива (а он по мере роста богатства общества будет повышаться). Данный механизм должен включать индексацию фиксированных доходов по мере изменения уровня цен, материальную помощь малообеспеченным и многодетным семьям, а также гарантированность минимальной заработной платы.

Принципиальный вопрос (предмет споров и понятной обеспокоенности) — гарантии права на труд. Мы обязаны отдавать себе отчет, что в условиях структурной перестройки, действительного хозрасчета и рыночной конкуренции, прекращения всеобщего иждивенчества и содержания убыточных предприятий за общественный счет опасность потери рабочего места становится реальностью. Уже сейчас в ряде районов страны незанятая часть трудоспособного населения достигла значительных размеров. Так, для выхода на уровень, принятый за рациональный, необходимо дополнительно вовлечь в производство в Средней Азии около 900 тыс. чел., в Закавказье — около 500 тыс. чел. В связи с усилением процессов высвобождения рабочей силы из действующего производства проблема занятости может обостриться и в других районах страны. Поэтому требуется безотлагательно приступить к налаживанию механизма поддержания эффективной занятости, подготовки и переподготовки кадров, обеспечения социальной защиты тех, кто вынужден изменить профессию или место работы. А для тех, кто временно не работает, необходимо гарантировать пособия, обеспечивающие приемлемый минимум средств существования.

Приведенные выше факты и рассуждения еще раз подтверждают, что не следует идеализировать рыночное регулирование (а эйфория на этот счет имеет место). Рынок сам по себе не решает всех проблем и даже расширяет пространство для применения методов, основанных на социальной солидарности. А для мобилизации средств на социальные нужды требуется активнее использовать и прогрессивный налог на повышенные доходы, и разного рода благотворительные фонды, и местные ресурсы.

В настоящее время существует и еще один вопрос, который пока не стал предметом специального изучения и обсуждения. Речь идет о необходимости кардинального преобразования организации снабжения населения потребительскими товарами. Цель такого преобразования — устранение, образно говоря, раковой опухоли, разросшейся на стыке производства и потребления. Без такой хирургической операции все намечаемые меры, направленные на стабилизацию рынка (расширение производства и импорта потребительских товаров), могут обернуться усилением теневой экономики, власти мафии. Здесь нужен комплекс действенных мер по вытеснению подпольных магнатов из экономического пространства, нейтрализации сколоченных неправомерными путями капиталов. Удар по дельцам теневой экономики, несомненно, вызовет поддержку у населения, т. е. будет иметь не только экономический, но и политический эффект.

Мы, таким образом, стоим на пороге действительно радикальных преобразований всех структур экономической системы. Предстоит совершить, как это намечено в проекте Платформы ЦК КПСС XXVIII съезду, переход от единообразия к многообразию форм собственности и хозяйствования; от административно-бюрократической — к регулируемой рыночной системе хозяйствования; от уравнительности и иждивенчества — к дифференциации на основе трудового вклада и социальной защищенности каждого члена общества. Переход этот архисложен, но альтернативы ему нет.

ВОЗМОЖНОСТИ УВЕЛИЧЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПРОДОВОЛЬСТВИЯ

Л. Хитрун,

*первый секретарь Рязанского
обкома КПСС,
народный депутат СССР*

Из всего комплекса проблем, стоящих перед народным хозяйством страны, необычайную остроту приобрели вопросы продовольственного обеспечения. И не случайно любая дискуссия, будь то дебаты народных депутатов, встречи ученых за «круглым столом» или полемика публицистов на страницах печати, зачастую выходит на обсуждение продовольственного положения, состояния сельского хозяйства, перспектив становления новых производственных отношений на селе. По существу, судьба перестройки во многом зависит от того, насколько энергично политические и экономические реформы в этот переходный период будут подкрепляться наращиванием продовольственных ресурсов.

Повышение эффективности сельскохозяйственного производства — не только единственный объективный критерий оптимальности экономических преобразований, но и главное условие их социальной поддержки, что многократно повышает ответственность экономистов всех уровней.

При этом представляются неординарными итоги развития аграрной сферы экономики Рязанской и некоторых других областей центра России.

Рязанскую землю нередко называют трудной областью. На ее территории площадью 40 тыс. км² в течение продолжительного периода накопились сложнейшие проблемы, имеющие весьма противоречивый характер. Так, среднегодовое производство молока в одиннадцатой пятилетке сократилось на 10% по сравнению с предыдущей, мяса — на 8, зерна — на 23%. Урожайность зерновых культур составила в среднем 11,5 ц/га, надой на фуражную корову едва превышал 2 тыс. кг.

За последние две пятилетки на развитие материально-технической базы сельского хозяйства было направлено свыше 3 млрд. руб., однако адекватного роста производства сельскохозяйственной продукции не произошло. С 1980 г. фондообеспеченность возросла более чем в 1,5 раза, а фондоотдача за этот период осталась прежней и составила 48 руб. на 100 руб. основных фондов. Да и по уровню развития непроизводственной сферы, обеспечения социальными и бытовыми условиями Рязанская обл. оказалась также на одном из последних мест в Российской Федерации.

Главные причины такого состояния аграрного производства области, на наш взгляд, следующие:

нарушение зональной специализации. Известно, как велика зависимость сельскохозяйственного производства от природных, почвенно-климатических условий, и ослабить ее можно за счет интенсификации производства (комплексной механизации, мелиорации, химизации и др.). Сельские труженики области на своем опыте убедились, как возрастает уязвимость аграрного производства при несоответствии специализации региона его природным условиям.

Наличие более 600 тыс. га заливных лугов и пастбищ Приокской поймы — этой жемчужины центральной России, хорошие агроклиматические характеристики: осадки, суммы эффективных температур, исторически сложившиеся традиции, — все это диктовало необходимость

преимущественного развития животноводства, в то время как оно сокращалось. Пренебрегли и замечанием В. И. Ленина о том, что в Рязанской, Орловской, Тульской, Нижегородской губерниях «продуктивность скота получает молочнохозяйственное направление, и весь характер земледелия приспосабливается к тому, чтобы получать возможно большее количество возможно более ценных рыночных продуктов этого рода», а также, что «преобладающее значение имеют не зерновые продукты, а продукты скотоводства»¹.

Из-за неверно выбранных в 60-х гг. приоритетов происходило резкое увеличение посевных площадей под зерновые культуры, в отдельные годы до трех четвертей пашни, что привело к нарушениям порядка чередования культур, ломке севооборотов, неграмотному ведению земледелия, уничтожению многолетних бобовых трав;

отступление от научного подхода к ведению растениеводства и животноводства, волевое навязывание упрощенных надуманных технологий, приемов возделывания сельскохозяйственных культур и производства продукции животноводства;

усиление оттока сельского населения в города и за пределы области из-за необоснованной, иррациональной концентрации промышленных предприятий в областном центре. Развитие и размещение производительных сил без учета воспроизводства и миграции трудовых ресурсов привели к сокращению за последние 17 лет численности сельского населения области на 300 тыс. чел. На 2,5 млн. га сельскохозяйственных угодий осталось 140 тыс. трудоспособного населения, средний возраст которого составляет около 44 лет. Рязанское село обезлюдело, острый дефицит рабочей силы образовался практически во всех отраслях народного хозяйства;

неверие в собственные силы, вялая организаторская работа формировали потребительскую психологию, настроение безысходности.

И как результат, в 1986 г. во всех категориях хозяйств области на 100 га сельскохозяйственных угодий было произведено всего лишь 64 ц мяса и 344 ц молока. Эти показатели, особенно по мясу, почти в 1,5 раза ниже средних по Нечерноземной зоне России. Потребление мяса на каждого жителя составило 59, молока — 323 кг.

Рассматривая варианты моделей и методы хозяйствования в целях улучшения создавшегося положения, областная партийная организация пришла к следующему **выводу**. Просить Центр об уменьшении поставок в союзно-республиканский фонд было бы ошибочным. Только **через само производство** область имеет возможность **реально влиять на распределение**, наращивая товарную продовольственную массу сверх поставок и реализуя ее на местном рынке. Для этого по основным направлениям, таким, как повышение производительности труда, улучшение продовольственного обеспечения населения, развитие социальной инфраструктуры, ускорение жилищного строительства, увеличение товаров народного потребления, и другим нами разработано свыше двадцати **целевых комплексных программ** перспектив развития каждого района, каждого хозяйства области. Их задача — обеспечение системного высокопроизводительного труда.

Три года назад были разработаны основные направления **программы «500, 100 и 30»** (500 ц молока, 100 ц мяса в расчете на 100 га сельскохозяйственных угодий и 30 ц зерна с каждого гектара). Это не простое сочетание цифр, за ними мы видим прежде всего интенсификацию сельскохозяйственного производства, удовлетворение потребностей населения, повышение его жизненного уровня. Программа стала основой консолидации всех здоровых сил, будь то сельский труженик, рабочий промышленного предприятия или ученый. Выполнение програм-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 256.

мы позволяет обеспечить плановые поставки в союзно-республиканский фонд и значительно улучшить местное продовольственное снабжение. Суть программы — система приоритетов, новых подходов, рациональных технологических и организационных решений, направленных на увеличение конечного продукта, решение проблемы продовольственного самообеспечения.

Например, разработан иной подход к расчету обобщающего показателя интенсификации сельскохозяйственного производства — **интенсивность животноводческой отрасли измеряется по объему продукции с гектара земли**. К сожалению, он имеет пока лишь частный, притом территориальный характер.

На наш взгляд, целесообразно в масштабах страны оценивать развитие сельскохозяйственного производства именно по выходу продукции на гектар сельскохозяйственных угодий с учетом стоимости основных и оборотных фондов, или по методу ресурсного потенциала. Такой подход даст объективную картину интенсификации производства продукции.

А ведь до сих пор считается вполне нормальным сравнивать показатели областей без учета уровня фондообеспеченности. Например, есть области, имеющие по 400 тыс. руб. основных фондов на 100 га сельскохозяйственных угодий, и области, где фондообеспеченность в 4—5 раз меньше. Необходимо отказаться от этой экономически неверной методики, которая сводится к расточительной формуле «максимум средств на минимум продукции», а не наоборот.

Для Рязанской обл. 1990 г. не только завершающий год пятилетки, но и время подведения итогов программы «500, 100 и 30». И уже сейчас можно сказать, что люди поверили в свои возможности, обрели большую самостоятельность, о чем говорят их реальные достижения. Продуктивность дойного стада в области за 4 года возросла почти на 800 кг и достигла в минувшем году 3100 кг, а в ряде районов увеличение составило 1100—1200 кг на фуражную корову. Среднесдаточная масса крупного рогатого скота по сравнению с 1985 г. увеличилась на 60 кг. Стабильно растут объемы производства и продажи государству мяса, молока (табл. 1).

Таблица 1
(тыс. т)

	1986 г.	1987 г.	1988 г.	1989 г.	Итого за 4 г.	в % к плану 4-х лет	в % к 1981—1985 гг.
Мясо (живая масса)	122	136	144	154	556	111,3	130,0
Молоко	717	773	856	895	3 241	111,3	132,0

Со значительным опережением областью выполнен план четырех лет по продаже всех видов животноводческой продукции. Прибавка в закупках молока к среднегодовому уровню одиннадцатой пятилетки составила 32%, мяса — 30, яиц — 16%, зерна — почти в 1,5 раза. Только за последние 2 года сверх плана реализовано 250 тыс. т молока и 40 тыс. т скота и птицы. Вся сверхплановая продукция осталась в области и улучшила снабжение рязанцев основными продуктами питания.

В Рязани и районных центрах не только в магазинах потребкооперации и на колхозных рынках, но и в государственной торговой сети хотя еще и недостаточно, но уже ведется продажа мяса птицы, говядины, свинины, субпродуктов, что позволило достичь показателей пот-

ребления основных продуктов питания на душу населения, предусмотренных областной продовольственной программой, разработанной в 1982 г. (табл. 2).

Таблица 2
(в кг)

	Областная продовольственная программа в 1990 г.	Фактически				+ к программе 1990 г.	
		1986 г.	1987 г.	1988 г.	1989 г.*	1988 г.	1989 г.*
Мясо и мясопродукты в пересчете на мясо . .	64	60	64	69	73	+5	+9
Молоко и молочные продукты в пересчете на молоко	346	354	356	397	417	+51	+71

* Данные 1989 г. — расчетные.

Однако наряду с позитивными сдвигами в развитии аграрной сферы экономики области есть еще немало недостатков: отдельные направления программы недостаточно глубоко проработаны, мала степень научного предвидения конечных результатов, недостает объективной оценки возможностей и ресурсов. Тем не менее хотелось бы сказать о **системе мер по наращиванию продовольственных ресурсов в области**. Следует придать этому процессу поступательное, динамичное движение вперед, необратимый характер, а в ряде направлений обеспечить сильный прорыв. Конечно, не все наши подходы в решении этой проблемы можно шаблонно перекладывать на тот или иной регион, использовать в виде готовых рецептов. Целесообразно по данному вопросу развернуть широкую, конструктивную дискуссию, которая будет полезна многим. Мы, в свою очередь, готовы перенять все позитивные методы и решения.

В Рязанской обл., как и в целом по стране, совсем недавно существовала практика разработки мероприятий, которые носили узкоотраслевой внутриведомственный характер, детализировали план и были подчинены его выполнению. Помимо этого, формирование всевозможных встречных, повышенных обязательств проводилось без учета объективных реалий. Жизнь потребовала отказаться от этих традиционных закостеневших схем.

Современные областные комплексные программы развития сельского хозяйства отличаются научно обоснованной и, как следствие, реалистической постановкой целей и задач, выбором нетрадиционных методов их решения. Идеи, положенные в их основу, не носят жестко регламентированного характера, а включают подходы и решения, реализующие конкретные условия и ресурсы каждого хозяйства, каждого района.

Так, пригородный Рязанский р-н с высокой технической оснащенностью, с достаточной обеспеченностью кадрами, начинавший с более выгодной позиции, предполагает выйти на производство 1 тыс. ц молока, 400 ц мяса на 100 га сельскохозяйственных угодий и получить 40 ц зерна с каждого гектара, а в Сапожковском р-не рассчитывают произвести пока лишь молока 373 ц, мяса — 65 ц и получить 20 ц зерна.

Основная тяжесть выполнения программы легла на главное звено — колхозы и совхозы, но учитывается и вклад аграрных цехов промышленных и строительных предприятий, личных подворий. Так, подсобные хозяйства граждан в 1989 г. произвели 19,3% мяса, молока —

16,5, шерсти в чистом волокне — 31,1, овощей — 40,2, картофеля — 41,4%, а вклад завода «Торфмаш» и объединения электронных приборов в обеспечение продовольствием своих трудовых коллективов составил на каждого работающего соответственно по 63 и 43 кг мяса.

Проблема значительного наращивания продовольственных ресурсов, главным образом мяса и молока, поставила нас перед **необходимостью пересмотра специализации** сельскохозяйственного производства области и отдельных ее районов. В свою очередь, выдвижение животноводства на доминирующую роль заставило по-новому подойти к **системе приоритетов в растениеводческих отраслях** и разработать свою систему земледелия. При этом, во-первых, мы попытались по-новому, отбросив шаблоны и стереотипы, оценить биоклиматический потенциал региона. Большую помощь в этом деле оказали ученые АН СССР и специалисты Госкомгидромета, которые тщательно проанализировали агрометеорежим области и сделали важный вывод, что пятнадцать из последних двадцати лет сопровождалось жаркими, засушливыми периодами в первой половине вегетации культурных растений. Игнорирование этих особенностей, недопонимание их значения приводили к снижению урожайности и нестабильности в развитии растениеводства.

Поставленная перед специалистами, учеными и практиками задача **повышать продуктивность культур** не вопреки погодным условиям, а в согласии с ними, использовать на урожай влагу, а также всю сумму эффективных температур заставила по-новому осмыслить подходы к выбору оптимальных сроков сева, иначе взглянуть на технологические приемы обработки почвы, способы уборки зерновых и кормовых культур, формы организации труда в периоды наивысших нагрузок на людей и технику.

Во-вторых, нельзя забывать о том, что хлебороб до сих пор в долгу перед землей. Каждый гектар рязанской пашни терял в среднем за год из-за эрозии, неправильного ухода 0,35 т гумуса. Поэтому важнейшим направлением совершенствования всей системы хозяйствования стало **накопление в почве органического вещества**, которое, выполняя роль своеобразного «банка плодородия», аккумулирует элементы питания, поставляя их растениям при умелом воздействии человека в нужный момент в необходимом количестве. Для этого используется и постоянно обновляется весь арсенал средств, включающий многолетние бобовые травы, зеленые и органические удобрения, солому.

Ключевой проблемой сельского хозяйства остается **наращивание производства фуражного зерна**. Совершенствование структуры посевных площадей и зернового клина, форсированный, широкомасштабный переход к высокопродуктивным сортам, внедрение севооборотов и интегрированной системы защиты растений — вот рычаги, опираясь на которые в последние годы удалось заметно продвинуться в направлении интенсификации зернового хозяйства. При сокращении посевных площадей за 4 года более чем на 100 тыс. га не только повышалась урожайность, но и увеличивались валовые сборы зерна. Так, если в среднем за одиннадцатую пятилетку в области производилось 1237 тыс. т зерна, то за указанный период он увеличился более чем на 0,5 млн. т, урожайность возросла на 6 ц/га. Это доказывает, что не гектары определяют высокую урожайность, а совершенно иной, более бережный подход к земле, и тем самым несостоятельность и порочность принципа «больше гектаров — больше зерна».

В-третьих, переориентация сельского хозяйства на преимущественное развитие животноводческой отрасли потребовала придать растениеводству четко выраженный **кормонаправленный** характер. Это нашло отражение в оптимизации структуры посевных площадей через рез-

кое увеличение посевов бобовых многолетних трав, зернобобовых культур, организацию зеленого конвейера, повышение продуктивности естественных кормовых угодий и в первую очередь поймы.

Подлинный переворот в формировании надежной кормовой базы призвано произвести **внедрение технологии** получения кукурузного зерна наряду с традиционным выращиванием ее на силос. Если в 1988 г. лишь немногие рискнули посеять скороспелые гибриды кукурузы, то в 1989 г. ее убрали с площади 12 тыс. га, получив урожайность зерна более 40 ц, а в большинстве хозяйств 80—90 ц. И это в области, в которой совсем недавно урожайность зерновых колосовых 13 ц/га считалась достижением.

Принимаемые меры по интенсификации кормопроизводства позволили в среднем за последние 4 года заготовить на условную голову скота почти в 2 раза больше разнообразных кормов, чем за предыдущее пятилетие, что резко повысило продуктивность и эффективность животноводства. Но было бы неверным объяснять успехи в развитии животноводства лишь улучшением кормовой базы. Также выработан комплекс приоритетов как долговременного, так и тактического характера, опирающихся на максимальное использование имеющихся **ресурсов** — генетического потенциала животных, внедрения новых технологий, а также всего спектра средств, реализующих его через обеспечение полноценного, сбалансированного кормления в соответствии с возрастными и физиологическими особенностями животных, создания благоприятных условий их содержания и использования, моральной и материальной заинтересованности животноводов, строгого соблюдения технологической дисциплины.

Однако, если в молочном животноводстве поступательное наращивание производства молока приобретает закономерный характер, то гораздо сложнее решаются вопросы увеличения производства мяса. Это обуславливает необходимость **переориентации** отрасли с молочно-мясной специализации на мясо-молочную, что не ослабляет внимания к производству молока. Определены главные направления в реализации этого курса. В предстоящее пятилетие планируется построить в каждом районе комплексы по откорму крупного рогатого скота с единовременной постановкой 5—10 тыс. голов. Так как без развития свиноводства невозможно обеспечить высокие темпы производства мяса, предполагаем ежегодно вводить по две-три крупные свиноводческие фермы с таким поголовьем, чтобы за счет наращивания производства свинины прибавлять в год на каждого жителя области по 2 кг мяса и к 1995 г. довести его потребление до 90 кг. Это позволит значительно снизить остроту продовольственной проблемы и существенно расширить ассортимент мясной продукции. Разумеется, это будет достаточно сложный процесс, поскольку он предполагает не только интенсификацию кормопроизводства, но и резкое **наращивание мощностей строительной индустрии**, имея в виду **опережающее развитие социальной инфраструктуры**.

Повышение эффективности общественного животноводства осуществляется за счет дальнейшего углубления внутрихозяйственной специализации и межхозяйственной кооперации, технического перевооружения животноводческих ферм, создания неразрывной технологической цепи производства продукции.

Успешная реализация комплексных программ развития аграрного производства имеет важнейшее значение не только в кардинальном улучшении продовольственного обеспечения населения области, но в условиях полного хозрасчета и самофинансирования является, по существу, единственным источником, базисом финансирования социальных программ возрождения села, укрепления экономической самостоя-

тельности хозяйств. В этом мы добились в последние годы реальных результатов. Так, в среднем за 4 года прибыль колхозов и совхозов увеличилась по сравнению со среднегодовым уровнем одиннадцатой пятилетки в 6 раз и в 1989 г. составила более 440 млн. руб. В области не осталось убыточных хозяйств.

Вместе с тем расчеты показывают, что лишь получив, не менее чем 1 млрд. руб. прибыли, можно всерьез прогнозировать и программировать успешное продвижение вперед в развитии всех отраслей агропромышленного комплекса области и социальном обустройстве деревни.

Приняты и задействованы весьма напряженные **социальные программы развития села**, которые органично дополняют комплексную программу «500, 100 и 30» и создают весомые предпосылки для ее реализации. Их основные направления — жилищное и дорожное строительство, возведение объектов социально-культурного назначения. Учитывая, что все центральные усадьбы колхозов и совхозов связаны дорогами с твердым покрытием, поставлена задача обеспечить строительство развитой сети внутрихозяйственных дорог, провести благоустройство животноводческих ферм. Программа «Дороги» предусматривает увеличить их протяженность в 3 раза. Нарастают темпы жилищного строительства. По сравнению со среднегодовым уровнем одиннадцатой пятилетки ввод его увеличился на 14 тыс. м². Это существенный вклад в реализацию областной программы «Жилье — 2000», в развитие социальной сферы, возрождение ранее брошенных сел и деревень, рост производства сельскохозяйственной продукции.

Вместе с тем нельзя не отметить, что процессы, происходящие в аграрной сфере экономики области, нередко носят **неоднородный характер**. До сих пор мы еще сталкиваемся с медлительностью экономических преобразований, их половинчатостью и непоследовательностью, со старыми методами хозяйствования, принципом работы от «колеса», а не от «колоса». Это объясняется тем, что как хозяйственные руководители, так и ученые-экономисты мало уделяют внимания конструктивному поиску и анализу новых форм хозяйствования. Продолжается и противодействие формам, уже доказавшим свою эффективность и жизнеспособность, таким, как аренда, кооперация и др. Практические работники нередко выжидают и осторожничают.

Таким образом, мы рассматриваем необходимость обеспечения наиболее благоприятного режима для повсеместного внедрения новых форм организации труда и многоукладности сельской экономики как проявление объективно назревшего процесса перестройки производственных экономических отношений. В проекте Платформы ЦК КПСС к XXVIII съезду партии отмечается, что «основой решения продовольственной проблемы должно стать развитие всех форм хозяйствования на земле — одинаковые возможности должны иметь государственные, кооперативные, индивидуальные хозяйства, разнообразные формы хозяйствования — подрядные, арендные, семейные и другие»². Однако не следует забывать, что воспитание чувства хозяина и умения им быть не приходит одновременно с возвращением крестьянину права быть хозяином, это естественный процесс, который нельзя форсировать принудительными методами и средствами, но и нельзя искусственно сдерживать.

Сейчас более 80% подразделений колхозов и совхозов области работают на внутрихозяйственном расчете, из которых около 60% используют чековую форму контроля затрат. Однако во внедрении хозяйственного расчета еще немало формализма, от него трудно ждать высокого эффекта, если он не будет нацелен на снижение издержек, повышение производительности труда.

² Экономика и жизнь. 1990. № 8. С. 4.

Такой хозяйственный расчет не может нейтрализовать затратный механизм. Например, в 1988 г. подразделения колхозов и совхозов области, которые работали на коллективном подряде, из-за плохой организации труда и учета допустили перерасход средств на производство продукции в сумме 13 млн. руб., и поэтому многие практики пришли к выводу, что только хозрасчет на основе арендных отношений с оплатой за конечный результат отвечает требованиям времени. В Рязанской обл. насчитывается уже 530 мелкогрупповых специализированных внутрихозяйственных арендных коллективов, работающих на принципах купли-продажи. Реализация всего пакета правовых актов («О земле», «О собственности», «Об аренде и арендных отношениях» и др.) станет реальной гарантией возвращения производства в сферу действия объективных экономических законов.

Характерной особенностью комплексной программы развития сельского хозяйства является и то, что она не только опирается на научные подходы, умение правильно ориентироваться в обстановке и принимать самостоятельные решения, но и сама явилась своеобразным катализатором процессов интеграции науки и производства, обозначила новые горизонты научно-технического прогресса в ведущих отраслях сельского хозяйства области. Курс на укрепление союза науки и аграрного производства реализуется через два главных направления. С одной стороны, поиск и инвентаризация новейших научных разработок, технологических, технических и организационных решений, адаптированных к местным почвенно-климатическим условиям. С другой — подготовка высококомпетентных кадров, специалистов и руководителей, восприимчивых к новейшим достижениям научно-технического прогресса, переподготовка кадров массовых профессий, изменяющая традиционные представления и позволяющая существенно поднять эффективность сельскохозяйственного производства.

Глубоко анализируются и обобщаются достижения передовых областей Российской Федерации и Украины в животноводстве, Белоруссии, ГДР, Чехословакии — в повышении культуры земледелия и плодородия почвы, Молдавии — в интенсификации садоводства, более критически оцениваются полученные результаты.

Большую пользу принесло сотрудничество с Молдавским научно-производственным объединением «Гибрид». В 1989 г. колхозы и совхозы убрали кукурузу на зерно с площади 12 тыс. га, валовой сбор составил около 50 тыс. т. Руководители, специалисты хозяйств убедились, что кукуруза на зерно вызревает и на рязанских полях. Высокий урожай заставил по-иному взглянуть на эту культуру, способную сделать коренной переворот в формировании фуражного баланса и застраховаться в засушливые годы от бескормицы. Без этого высокоэнергетического корма нельзя говорить об увеличении свинопоголовья. В текущем году планируется расширить посевные площади под кукурузу до 15% площади пашни, половину из них убирать на зерно и корма.

В агропромышленном комплексе области создана система учебы, которая включает ежегодные циклы научно-практических конференций. По-новому организованы постоянно действующие тематические семинары, стажировка руководителей и специалистов в лучших хозяйствах нашей и других областей, союзных республик, за рубежом. За 3 года только на факультете повышения квалификации сельскохозяйственного института получили переподготовку 3,2 тыс. руководителей и специалистов. Координировать усилия ученых, практиков призваны созданные в 1989 г. отраслевые научно-производственные общества.

Сельское хозяйство нуждается в конструктивных решениях и предложениях, позволяющих в кратчайшее время существенно повысить эффективность производства и производительность труда.

РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕФОРМЕ

О. Рыбаков,

д-р экон. наук

Сложность хозяйственной ситуации в нашей стране возводит вопрос ускорения экономической реформы в ранг первостепенных, ибо от его удачного решения в значительной степени зависит успех или неуспех всей перестройки. Именно этим объясняется то внимание, которое уделено данной проблеме в проекте Платформы ЦК КПСС к XXVIII съезду партии «К гуманному, демократическому социализму». Партия решительно высказывается за последовательную реализацию радикальной экономической реформы, хотя и понимает, что выбранный путь оказался намного труднее, чем виделось вначале. Движение в указанном направлении связано не только с поэтапной (пока часто запаздывающей) выработкой представлений о необходимости проводить те или иные преобразования в хозяйственном механизме, но и с тяжелым, порой болезненным преодолением многих укоренившихся понятий и штампов. Выступая на 3-м (внеочередном) Съезде народных депутатов, Президент СССР М. С. Горбачев призвал к ускорению экономической реформы, решительным действиям по ее радикализации.

На съездах народных депутатов СССР, заседаниях Верховного Совета СССР, в печати и других средствах массовой информации не стихают споры о сущности проводимой экономической реформы, а следовательно, и нового видения социализма. Определиться в этом очень важно. Проводить реформу, создавать новый хозяйственный механизм прагматически, только подгоняя его под сегодняшние конкретные задачи, нельзя. Так, обсуждая вопросы собственности, мы не просто углубляем реформу, но и выходим на новый облик социалистических производственных отношений. От этого никуда не уйти. Следует четко представлять себе, что мы вкладываем в понятие «больше социализма».

Острое и заинтересованное обсуждение названных проблем развернулось в ходе дебатов по проекту Платформы ЦК КПСС к XXVIII съезду партии. В проекте справедливо указывается, что облик будущего невозможно обрисовать конкретно, во всех деталях. При излишней детализации возникает опасность впасть в новые догмы, создать мертворожденные схемы, которые будут перекрывать путь к творческому перестроению базиса нашего общества. Но нельзя идти вперед и без четких ориентиров, без знания того, что строим. Иначе опять на каждом этапе экономической реформы будет обнаруживаться, что мы идем непоследовательно, не учитываем всю глубину и сложность проблем, открывшихся на избранном пути, а зачастую ошибаемся.

Мы исходим из того, что человечеству уготована социалистическая судьба. Неверие в социализм — это реакция на тот искаженный догматическими представлениями и не очень привлекательный в практическом отношении облик нашего реально построенного общества. И не социалистическая идея в том виновата. Но что же тогда мы понимаем под термином «больше социализма»? Ответ на данный вопрос важен не только с теоретических позиций, но и с точки зрения оценки тех или иных направлений экономической реформы, прежде всего изменений в формах собственности. К сожалению, многое воспринимается в двух измерениях, в двух цветах — это соответствует социализму, а это нет. Но какому социализму: тому, к которому стремимся, или тому, который мы уже построили? Не решив этого вопроса, трудно трезво оценить пути углубле-

ния экономической реформы. Ведь в проекте Платформы ЦК КПСС сказано, что «это будет совсем другое общество (разрядка моя.— О. Р.), которое сложится в условиях демократии, на базе мощного культурного и научно-технического прогресса, будет основываться на гуманистических ценностях народов нашей страны и всего человечества. А если это другое общество, то и сам критерий социалистичности должен быть другим.

Поэтому я бы не стал разрывать дискуссии, которые развернулись по вопросу о новом облике социализма и о содержании осуществляемой экономической реформы. В данном отношении весьма интересными представляются некоторые суждения о природе построенного нами общества, появившиеся в последнее время в связи с обсуждением проекта платформы. Многие авторы задаются вопросом, так ли уж прост современный мир, чтобы видеть в нем лишь социализм или капитализм. Нет ли здесь явлений более сложных, более многоцветных? Скажем, тот капитализм, который глубоко изучил К. Маркс,— на основе чего сделал вывод, что он обречен,— уже не существует¹. Изменилась и роль государства, прежде всего в социальной политике, в деле социальной защищенности человека. Регулирование производства и государственно-программные методы управления им наряду с широкими рыночными отношениями — реалии сегодняшнего капиталистического общества. От этого нельзя отмахнуться, подобные явления надо глубже изучать и использовать в рамках нашего социалистического выбора.

Если же анализировать реально построенное у нас общество, то и тут, видимо, не приходится говорить о социализме в его идеале. Рассуждать, что это все-таки социализм, но деформированный, тоже малопродуктивно, ибо мы сами утверждаем, что всеобщее огосударствление лишило общество многих присущих социализму черт. Все больше завоевывает общественное мнение представление, что отчуждение большинства трудящихся от средств производства, от власти в результате всеобщего огосударствления общества, которое явилось базой для процветания командно-административных методов, в сущности, противоречит социализму.

Безусловно, поднятая проблема прямо связана с экономической реформой. Ведь речь идет о таких основополагающих вещах, как оценка экономического развития, его мотивация. Извращается само понятие общественного богатства: государство богаче, когда оно обладает более мощным экономическим потенциалом (заводы, железные дороги, машины, громадные проекты освоения всего того, что еще не освоено, и т. п.). При этом страшно то, что теряется конечная цель, ради которой создается такое богатство,— удовлетворение потребностей людей, формирование всех условий для всестороннего развития человека.

Более того, богатство входит в прямое противоречие с социальной стороной дела. Мы стремимся строить заводы и создавать машины для организации новых заводов и производства новых машин, перегораживать реки для строительства электростанций с целью увеличить выплавку стали и т. д. В результате средств для повышения благосостояния просто не хватает и задачи жизненного уровня трудящихся, хотим мы этого или нет, решаются на основе остаточного принципа. Внешне же все выглядит благополучно: растут показатели национального дохода, совокупного общественного продукта, обнаруживается хорошая динамика развития отраслей промышленности (но это происходит при более

¹ Кстати, такое представление есть и у современной социал-демократии, к опыту которой мы почему-то продолжаем относиться с недоверием, и у видных буржуазных ученых. Так, Дж. К. Гэлбрейт (почетный профессор экономики Гарвардского университета) проводит мысль, что капитализм не мог бы выжить в своей изначальной или чистой форме. Но под действием различных факторов он смог приспособиться (См.: Советская культура. 1990. 4 февраля).

значительном увеличении затрат — так называемая затратная экономика). Однако рапорты об экономических успехах, темпах роста производства никак не подкрепляются реальным ростом благосостояния (расхождение слов и дел).

Вышесказанное заставляет серьезно задуматься. Особо хотелось остановиться на одной опасности. За категоричностью суждений, социализм ли это или что-то другое, подлинный он или мнимый, кроется, хотим мы того или нет, тоска по новым определениям, схемам, а значит, и догмам. И хотя в данной области немало споров, пока сила стереотипов, догматических схем преобладает. Я разделяю точку зрения тех специалистов, которые считают, что судить о социалистичности общества только лишь по критерию общественной собственности на средства производства недостаточно. Порок построенной нами модели социализма как раз в том, что не соблюдена «мера социализации» общества, выразившаяся в огосударствлении всего и вся. Поэтому плюрализм форм собственности (включая индивидуально-трудовую) не противопоказан социализму, более того, он помогает полнее раскрыть сущность последнего, его общечеловеческие стороны, создать новые стимулы труда, устранить уравнилельно-иждивенческие мотивы, которые в настоящее время все больше проявляются.

Сейчас важно ответить на следующий вопрос: если построенное нами общество не является последовательным воплощением истинно социалистических принципов и идеалов, то оправданно ли новые законы, элементы нового экономического базиса оценивать с точки зрения их адекватности, совместимости с этим обществом? Тем более что мы собираемся строить «совсем другое общество», ставим задачу выработать принципиально новый взгляд на социализм. Представляется, что в отрицательном ответе на данный вопрос находится ключ к решению многих наших сегодняшних проблем.

В настоящее время стоило бы вернуться к ленинским утверждениям о том, что социализм окончательно победит, когда создаст более высокую производительность труда, чем при капитализме, что он будет демонстрировать свое преимущество благодаря своим хозяйственным успехам. И хотя сегодня мы предпочитаем стыдливо умалчивать об этих выводах В. И. Ленина, жизнь сама доказывает их верность. Многие наши пропагандистские усилия, наши программы и планы в области экономической реформы вызывают недоверие у определенной части народа именно потому, что он сталкивается с пустыми полками магазинов, с продолжающимся ухудшением экономической ситуации. Нельзя забывать, что идет пятый год перестройки.

Нужен новый подход в оценке построенного нами общества, освобожденный от старых догм взгляд на социализм. Без этого невозможно представить в законченном виде и саму экономическую реформу. Приходится констатировать, что пока формирование полного представления о ее сущности у нас далеко не завершилось. Конечно, сделать это непросто, и работа в данном направлении началась, но и отставание в указанной сфере все острее дает о себе знать. Так, на первом этапе экономической реформы не была дана ее оценка как **комплекса** необходимых мероприятий, оценка тех изменений, которые произойдут в производственных отношениях. В результате мы пошли по пути проведения отдельных мер, не видя часто целого. В 1987 г. мы уже полагали, что принятие Закона о социалистическом предприятии, изменения в верхних экономических эшелонах (некоторая перестройка плановых и финансовых органов, отраслевых министерств) в совокупности с развитием кооперации и трудовой индивидуальной деятельности позволят вывести экономику из застоя. Но были отодвинуты решения в области оптовой торговли, реформа цен и другие важнейшие мероприятия. Как следствие — положение в народном хозяйстве не улучшилось.

Кстати, и опыт социалистических стран наталкивает на подобные размышления. У них также основной мишенью критики в свое время стала непоследовательность самих концепций экономических реформ, вернее недостаток продуманных концепций. А отсутствие законченной концепции ведет неизбежно к непоследовательности, некомплексности в работе по созданию самого механизма реформы. Провозгласив, например, рыночные отношения важнейшим элементом общественных отношений, невозможно на пути преодоления экономических срывов уповать на спасительную роль всемогущих министерств. Бесперспективно также рассчитывать на социалистический рынок, не проведя денежной реформы, не введя настоящую оптовую торговлю. Трудно усидеть сразу на двух стульях. Мы постигаем на собственном опыте эти истины, но как медленно и трудно.

Конечно, наша экономическая реформа, во всяком случае, как она воспринималась еще два года назад, выглядела взаимосвязанным комплексом мер общего и конкретного характера. Но уже в ходе ее реализации начала появляться разобщенность в проводимых мероприятиях, откладывание одних нейтрализовывало действия других, что превратило самостоятельность социалистических предприятий, предоставленную соответствующим законом, в фикцию. Это все равно, что построить современный автомобиль, отложив на потом его комплектацию колесами. Сколь он ни будет красив, двигаться не сможет.

Понимание этого созрело, особенно после принятия Съездом народных депутатов СССР и Верховным Советом СССР фундаментальных законов о собственности, земле, аренде и др. Без них никакая экономическая реформа невозможна. Но сколько же еще предстоит сделать, чтобы создать целостный комплекс мероприятий, который позволит начать реальное движение вперед. Сколько же иллюзий и догм предстоит преодолеть на данном пути (в частности, теперь не уйдешь от того факта, что значительная часть общества не подготовлена и не воспринимает ни кооперацию, ни рынок).

Наиболее болевой точкой в настоящее время является оценка указанных процессов с позиций, соответствуют ли они общепринятому (а вернее, воспринятому сквозь штампы прошлой пропаганды) представлению о социализме. Еще очень силен синдром подозрительности: нет ли здесь «скатывания» на рельсы капитализма, нет ли предательства социалистических завоеваний? При любых наших планах углубления экономической реформы этого нельзя не учитывать. К сожалению, дискуссии по названному поводу идут не только в «цивилизованном порядке», но и выплескиваются на улицу, приобретают митинговый характер, когда здравая мысль или конструктивное предложение подменяются голословностью, резкостью высказываний, граничащих порой с полным нигилизмом.

Весь ход экономической перестройки в СССР показал, насколько важно сегодня держать в поле зрения общие, базовые проблемы не только экономического, но и психологического порядка, соблюдать последовательное и комплексное продвижение на пути реформы. Немаловажно и то, чтобы постоянно и своевременно создавать соответствующий настрой общества на реформу. Сейчас нередко нововведения возникают как снег на голову. А не учитывать степень подготовленности общества к радикальной реформе нельзя, это чревато многими осложнениями. По нашему мнению, на данный фактор пока мало обращается внимания.

Наверное, не будет натяжкой сказать, что одним из краеугольных камней в фундаменте новой реформы стал переход к рыночным отношениям. Тема рынка широко дискутируется на всех уровнях. Для некоторых он стал каким-то заклинанием: от него ждут чуда, быстрого и чуть ли не автоматического решения всех проблем. Не признавать рынок считается сейчас опасным, ибо рискуешь сразу же оказаться «антиперестро-

ечником». С другой стороны, в обществе сильно и отторжение рынка, в нем усматривают сползание к капитализму, ему приписывают все беды.

Идеологическое неприятие рынка выразилось на практике в такую его зажатость, осторожность и половинчатость мер по его внедрению, что он стал работать против общества, в пользу теневой экономики. Но без рынка нельзя. Без него никакую экономическую самостоятельность на деле обеспечить невозможно. Да и реальные потребности общества помимо рынка не определить.

Так что же означает категория «социалистический рынок», с какими преобразованиями в обществе связан переход к рыночным отношениям? Здесь, по нашему мнению, полной ясности пока нет.

Определение «социалистический», видимо, включает в себя то, что рынок в значительной степени регулируется государством. Хотя в современном мире вряд ли можно найти сколько-нибудь развитое капиталистическое государство с полностью свободным рынком, таким, каким он был, скажем, в конце XIX века. Тот же Гэлбрейт утверждает, что те, кто стоит за возвращение к свободному рынку времен Смита, не правы настолько, что их точка зрения может быть сочтена психическим отклонением клинического характера (излишнюю эмоциональность данного выражения оставим на его совести.— О. Р.). Нужна постепенность и осторожность, говорит он, начинать следует с производства потребительских товаров и услуг, жилищного сектора, системы здравоохранения. И обязательно регулирующая роль государства, особенно в защите интересов граждан².

Но регулирование рынка без опасения впасть в администрирование — тоже дело непростое. Для того чтобы и рынок «работал», и государство могло оказывать на него необходимое воздействие, требуется сложная и тонкая система регулирования через цены, банки, кредит и многое другое. В этом смысле мы и воспринимаем понятие планово-рыночная экономика, использованное в проекте Платформы ЦК КПСС, хотя над самим термином стоило бы еще подумать.

В дискуссиях, развернувшихся и в нашей стране, и в восточноевропейских странах, настойчиво звучит мысль о том, что попытка внедрить рыночные механизмы при сохранении старых структур управления, прямого государственного вмешательства в те или иные сферы народного хозяйства не приносит успеха. Создание же системы тонко действующих стимулов, экономических рычагов, с помощью которых государство только и может воздействовать на экономическую жизнь, идет непросто. Нужна целостная и увязанная система инструментов. Есть, видимо, резон еще раз задуматься над этими проблемами. Решить же их, не ликвидировав сохранившуюся до сих пор **громоздкую пирамиду** аппарата министерств, различных главков и управлений, которые действуют в основном по-старому, невозможно. Сокращение последних посредством объединения под одной крышей качественных изменений в управление не внесло.

Опыт восточноевропейских стран дает также повод для раздумий о путях перехода к рыночным отношениям. Если мы признаем их важнейшим регулятором производства, то надо четко представить себе, какие экономические условия необходимы для успешного функционирования рынка. По существу, у нас пока нет законченной теории переходного периода, что признал Л. Абалкин на Всесоюзной научно-практической конференции, проходившей в ноябре 1989 г.

Недостаточная насыщенность потребительского рынка товарами неизбежно связана с возникновением монополизма производителей, который при всей чистоте рыночных отношений ведет к антиконкуренции, к взвинчиванию цен, а в ряде случаев и к сдерживанию производства для

² См.: Советская культура. 1990. 4 февраля.

создания дефицита (с целью удержания монопольно высоких цен). Нельзя забывать, что при капитализме рынок развивался одновременно с производством, когда его возможности переросли простой товарообмен. Поэтому внедрить рыночные отношения без создания соответствующих условий и регулирующих механизмов — значит открыть, как показывает опыт многих зарубежных стран, дорогу безудержному повышению цен.

Представляется, что подобные аспекты мирового опыта мы недостаточно учитываем в хозяйственной практике. Пример тому — положение с кооперацией. Кооперативное движение во всем его многообразии жизненно необходимо для развития социалистической экономики. Приняв данное важнейшее и, безусловно, правильное решение, мы сразу пошли на то, чтобы открыть дорогу кооперации без всяких условий и ограничений, надеясь, что она быстро пополнит наши скудные товарные ресурсы. Однако надежды не сбылись. Более того, товары продолжают исчезать, а многие кооператоры наживаются. В чем причина?

Можно утверждать, что здесь сработал рынок. Кооператор, как участник рыночных отношений, имеет единственный стимул — заработать. Без создания соответствующей среды для его деятельности (системы налогообложения, порядка выдачи местными органами власти лицензий на ту или иную деятельность, принципов ценообразования, решения вопросов снабжения и др.) он (стимул) и стал определяющим. Нужно ли осуждать кооператоров за то, что они наживаются? Нет. Скорее обвинение надо отнести на счет отсутствия на первом этапе реформы многих необходимых условий для их деятельности, т. е. непродуманности некоторых осуществленных тогда мероприятий.

И хотя теперь мы поправляем дело, приняв законы о собственности, кооперации и аренде, разрабатывая налоговую систему, но негативные последствия тех ошибок еще долго будут мешать кооперативному движению. Во-первых, кооператоры уже дискредитированы в глазах населения, даже те, кто работает с пользой для общества. Во-вторых, разработку системы налогообложения, запреты на определенные виды посреднической деятельности кооператоры воспринимают сейчас как отступление, непоследовательность в политике. Нельзя не учитывать и другую сторону дела. Так, венгерские специалисты, анализируя причины роста теневой экономики в стране, указывают на важную роль в этом высокого уровня налогообложения на предпринимательскую деятельность и личные доходы граждан. Поэтому многие кооперативы, частные фирмы не спешат официально регистрироваться, предпочитая действовать нелегально. В-третьих, увеличение накоплений «незаработанных» средств за счет вседозволенности в кооперативном движении уже произошло³.

Этого, наверно, можно было бы избежать, продумай заранее все аспекты деятельности кооперативного сектора, задействуй регуляторы, соединяющие стремление кооператоров заработать с общественно полезной направленностью деятельности. Безусловно, имеющаяся в восточноевропейских странах практика в данной области во многом могла бы помочь. Сейчас же ситуация такова, что свой не очень удачный опыт порождает у некоторых специалистов мысль, а не лучше ли пока экстренными, внерыночными мерами первоначально насытить потребительский рынок, жестко обойтись с теми, кто сознательно поддерживает дефицит⁴, и только потом на цивилизованном поле взращивать наш рынок.

И коль речь зашла о противозаконных аспектах деятельности кооперативов, то надо заметить, что вести борьбу с экономической преступ-

³ По сообщениям прессы, только за 1989 г. пресечено почти 8 тыс. преступлений представителей кооперативного движения, что в 5,2 раза больше, чем в 1988 г. Так, в Москве и Ленинграде, Армянской и Украинской ССР, Алтайском и Краснодарском краях и т. д. выявлены хищения на суммы от 10 тыс. до 8 млн. руб. Более 1,2 тыс. кооперативов уклонились от подачи деклараций о доходах.

⁴ Тысячи простаивающих вагонов с ценными товарами, заполненные хранилища в магазинах при почти пустых полках тому свидетельство.

ностью, которая кое-где сложилась как система и приобрела организованный характер, нельзя только с помощью правоохранительных органов. Нужны изменения в обществе в целом и прежде всего в производственных отношениях. Скажем, в течение многих лет с нарастающим ожесточением мы критикуем недостатки хранения овощей и фруктов на крупных базах, где добрая половина их портится (или их портят). Мысль же дальше усиления деятельности милиции в этом направлении не идет. А нужно было организовать хранение продукции у производителя, создать транспортные возможности для регулярной ее доставки в магазины (причем стоило бы сдать данные объекты в аренду производителям) и поставить благосостояние овощеводов в зависимость не только от продажи, но и сохранности продукции, тогда бы закупать овощи в государственном масштабе не пришлось бы. Так поступают во всем мире. Мы же десятки лет не можем решить данную проблему.

Вообще стремление к гигантомании дорого нам обходится. Децентрализация, опора в сфере снабжения населения на мелкие и средние предприятия, гибко реагирующие на изменения условий и спрос, — вот главный путь успешного решения подобных проблем.

Поддержку у народных депутатов СССР на II съезде получил тезис, прозвучавший в докладе Н. И. Рыжкова, о том, что нельзя безоглядно сразу ринуться в пучину рыночной стихии без создания необходимых условий и действенных регуляторов. Неизбежным следствием такого решения были бы виток галопирующей инфляции, падение роли всех экономических стимулов, безработица, обострение социальной напряженности. С другой стороны, затыжка с реформой не только отодвигает выход из кризиса, но и усугубляет экономическое положение в стране, усложняет условия проведения самой реформы.

Сегодня принят Закон о собственности. И снова не обошлось без дискуссий, особенно в таком острейшем вопросе, как частная собственность. Некоторые специалисты в попытках отгородиться даже от призрака частной собственности проводят идею, что необязательно быть собственником, чтобы стать хозяином. Этого можно достичь через аренду, другие формы отношений. Но если проанализировать проекты законов о собственности, об аренде и др., то не трудно увидеть, что на деле мы идем несколько иным путем. Взять хотя бы такое положение — возможность выкупа у государства средств производства за счет доходов от их аренды. Разве политэкономическая суть дела меняется от того, будет ли являться собственником один человек или отдельный коллектив?

Аргументы против допуска частной собственности приводятся самые «неотразимые». Обычно задается вопрос: кому и как распродать 4,1 трлн. руб. нашего общественного богатства? Воротилам теневой экономики⁵? Такая постановка вопроса представляется просто абсурдной, а скорее всего, сознательно провокационной. Распродавать национальное богатство, передать в частную собственность Уралмаш или ВАЗ — это значит изменить не только социализму, но и просто здравому смыслу.

Дело в другом — в дополнении форм общественной, коллективной и групповой собственности индивидуальной собственностью на средства производства в сфере мелких предприятий, изготавливающих, скажем, товары народного потребления и оказывающих услуги населению, т. е. близких по своей деятельности к кооперативам. Но при одном неперемennom условии — подобные предприятия должны появляться не столько путем разгосударствления и распродажи, сколько в результате создания новых предприятий, прибавляющих и обогащающих наш производственный потенциал. При этом крайне важны законодательные ограничения по числу работающих по найму (например, 5—10 чел.), регулирую-

⁵ Принадлежащее им имущество, включая производственные фонды, по самым скромным подсчетам, оценивается в 300 млрд. руб. (Правда. 1990. 6 марта).

шая роль государства (через механизм налогообложения), система охраны труда, установление минимального уровня заработной платы рабочих и многое другое. Важно, как пойдет дальше экономическая реформа. Ведь ее придется и углублять, и совершенствовать. Если отвлечься от прежних теоретических посылок, а вернее догматических представлений о социализме и свойственных ему формам общественной собственности, то все, что может работать на общество, развитие его производительных сил, не противоречит социалистической идее. Ее смысл в создании человеку всех условий для удовлетворения материальных и духовных потребностей, свободного развития личности, в отсутствии механизма угнетения или эксплуатации человека. Экономическая независимость дает основу и для духовной независимости личности.

Опыт частнопредпринимательской деятельности в социалистических странах есть. Он свидетельствует, что при преобладании общественных форм собственности, регулирующей роли государства наличие мелкой частной собственности не ведет к размыванию социализма. Так, в КНР было разделено право собственности и право хозяйствования. Жизнь показала недостаточность такого разделения. Арендатор мало заботился о сохранении средств производства, земли. Главным для него было быстрее, любым путем получить прибыль. Тогда пошли на то, чтобы право хозяина закреплять через собственность. Это сразу решило многие сложные отношения с государством. В ГДР же при существовавшей в прошлом централизованной системе управления долгие годы функционировали мелкие частные предприятия по выпечке свежего хлеба. И никаких опасений в размывании социалистической собственности они не вызывали. Резкой активизации экономической жизни способствовало разрешение частнопредпринимательской деятельности во Вьетнаме, причем не просто разрешение, но и уравнивание ее в правах с социалистическими укладами. Главенствующая роль при этом осталась за государством. Оно призвано регулировать все отношения, в том числе и предотвращать возможность появления эксплуатации чужого труда.

Нам стоило бы повнимательнее присмотреться к такой практике. Иначе мы рискуем впасть скорее в терминологический спор о формах собственности в СССР, тем более что и опыт ряда западных стран в создании мелких фирм, которые держатся, по существу, на собственном труде владельца, показывает эффективность подобной формы деятельности. Важно лишь, чтобы не терялись социалистические ориентиры.

Известны и рассуждения западных теоретиков о том, что социализация сферы распределения (т. е. государственное вмешательство и контроль) дает большую возможность защищать права трудящихся, чем социализация самого производства (т. е. обобществление его). Вопрос спорный, но ясно одно: государственные формы собственности в СССР отнюдь не защищали автоматически трудящихся от произвола торговли, нарушений в сфере распределения материальных благ и т. д. Да и в социальной сфере недостатков у нас немало. Поэтому еще раз хочется подчеркнуть, что не только сам кооператор виноват в том, что не сработал полностью на общественные нужды. Виновато и государство, главным образом в том, что не создало достаточно сильной регулирующей системы (хотя бы через ценообразование и налоги).

Многое дает изучение мирового опыта в области денежной реформы и финансовых отношений. Особо важно, на наш взгляд, учесть социальные последствия, которые могут быть вызваны теми или иными мероприятиями в данной области. Ряд восточноевропейских стран во многом прошли такой путь, и вряд ли стоит повторять их опыт, особенно там, где, по их собственному признанию, он был отрицательным. Это относится прежде всего к денежной реформе.

В публичных выступлениях у нас все чаще высказываются опасения вызвать денежной реформой большие социальные потрясения. Но

вот вопрос: чьи интересы может затронуть умно и продуманно проведенная денежная реформа, чье спокойствие мы бережем? Если, скажем, предложить обменять один к одному денежные вклады населения размером 25—30 тыс. руб., а уже сверх этой суммы менять один к десяти, то вряд ли трудовое население будет в обиде. Или создать параллельную валюту, выплачивать в ней 20% заработной платы, но полностью обеспечить ее полноценными товарами. И постепенно расширять сферу применения этих «новых денег».

Не хотелось бы здесь давать конкретные рецепты. Это дело специалистов. Следует лишь подчеркнуть, что нужно создать сейчас любыми методами систему отбора «шальных» денег у тех, кто их получил, но не заработал. Иначе мы вряд ли наполним товарами рынок, а все усилия будут уходить на снабжение в основном тех, кто уже сумел скопить большие деньги на деятельности, далекой от трудовой. По выражению А. Н. Яковлева, «взбесившиеся» деньги пожирают не только товары, но и власть⁶.

С реформой цен, на наш взгляд, также дальше тянуть нельзя. И здесь мог бы пригодиться мировой опыт. Например, практика индексации доходов, когда они увеличиваются автоматически при росте цен и защищают интересы широких слоев трудящихся. Государство при этом не остается внакладе, так как повышение доходов может осуществляться с известным разрывом во времени. Но в целом, как представляется, без непопулярных мер не обойтись. Повышение цен под влиянием рынка при сдерживании роста заработной платы (так называемая «шоковая терапия») — мера социально острая, но в конце концов результаты она дает. Очень показателен в этом плане опыт Польши. Там в настоящее время потребительский рынок наполняется товарами, а галопирующий рост цен прекратился.

Особо хотелось бы обратить внимание на зарубежную практику подготовки общественного мнения при проведении денежных реформ или повышения цен. Это непростая, но крайне необходимая работа⁷. Опыт и Венгрии, и Польши показал, что открытое, честное, заранее проведенное объяснение причин и возможных последствий предстоящих мероприятий (скажем, повышения цен) дает возможность найти взаимопонимание с трудящимися и осуществлять их с меньшими социальными потрясениями. Подготовку населения и всенародное обсуждение целесообразно начинать не накануне, а задолго, иногда за полгода, до самого акта повышения цен. Это дает свои положительные результаты. Проведение подобных акций неожиданно (например, того же повышения цен, пусть и в порядке коммерческой торговли) очень больно бьет по общественному мнению.

И еще одно важное соображение. Перестройка экономики должна постоянно выливаться в конкретные мероприятия, воспринимаемые населением. Слишком глобальные, рассчитанные на длительный период процессы по изменению структуры народного хозяйства, развитию необходимого производства перестают восприниматься как перестройка. Поэтому любые меры по оздоровлению экономики, тем более экстренные, должны иметь конкретные сроки, создавать постоянное ощущение движения, новизны, перемен.

Мы раскачиваемся, затягиваем проведение других назревших мероприятий по нормализации денежного обращения. Для этого нужно было использовать зарубежный опыт. Так, многое из того, что было предложено на Втором съезде народных депутатов СССР, можно было

⁶ См.: Известия. 1990. 23 февраля.

⁷ Для советской действительности она осложняется бытующей в обществе уверенностью, что проведение любых мероприятий экономической реформы не должно и не может затронуть другие стороны экономической жизни страны. Никто не хочет поступиться ничем, даже во имя будущего выигрыша.

бы «подсмотреть» в ряде восточноевропейских стран. Имеется в виду предоставление широких возможностей населению в строительстве дач и организации садово-огороднических товариществ, создание более привлекательных условий для хранения сбережений в банке, участие людей в разнообразных займах, приобретение товаров не первой необходимости в системе коммерческой торговли и др.

Наконец, о реформе внешнеэкономической деятельности СССР. Работа в данной области началась, пожалуй, раньше всего. Первое крупное и радикальное постановление было принято в 1986 г. С тех пор их выпущен не один десяток. Но это привело не к улучшению, а к большей запутанности внешнеэкономического механизма. При провозглашенной полной свободе для наших предприятий в выходе на внешние рынки, создании совместных предприятий реальная возможность осуществить подобные планы упирается в многочисленные отступления от принятых постановлений. Так, запрещены для предприятий бартерные сделки, неясно, как обеспечить иностранным партнерам по совместным предприятиям вывоз причитающейся им прибыли и т. д.

Сдерживают развитие новых форм внешнеэкономического сотрудничества слабость оптовой торговли средствами производства, перекосы в ценообразовании, необратимость рубля и необоснованность его валютного курса. Не всегда квалифицированные действия советских предприятий на внешних рынках приводят к низкой эффективности внешнеторговых операций, к потерям на ценах. В копилку отрицательного опыта следует прибавить и крайнюю необязательность в выполнении принятых обязательств. По мнению многих солидных зарубежных фирм, лучше иметь недостаточно отработанную, но стабильную систему внешнеэкономических связей, к которой можно приспособиться, чем постоянно меняющийся механизм управления ими. Для зарубежных фирм стабильность, возможность расчета, гарантии сохранения вкладываемых капиталов — главные условия. Мы пока не очень «чувствуем» эти заботы в своем неудержимом поиске идеальных правил сотрудничества.

Вышеизложенные соображения отнюдь не претендуют на полноту или бесспорность. Хотелось бы высказать их в порядке размышлений. Путь реформы — это не только уже принятые законы и те, которые еще прорабатываются. Это и внедрение нового хозяйственного механизма в нашу жизнь, нового мышления в наше сознание. Думается, что нам предстоит здесь пройти немалую и нелегкую дорогу. Но другого пути нет.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ БЮДЖЕТ И НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО

Ю. Любимцев,
д-р экон. наук, профессор

Экономическая реформа существенно изменяет взаимодействие государственного бюджета, системы финансово-кредитных отношений и народного хозяйства. Переход к экономике, управляемой рынком и государством, требует глубокой реконструкции государственного бюджета, финансов предприятий и отраслей народного хозяйства, скачкообразного развития нового блока финансовых отношений регионального уровня.

Было ли сокращение бюджетного дефицита

В теоретическом и политическом аспектах бюджетный дефицит — это действительно новая, недавно открытая для анализа и критики проблема. И сейчас общественное мнение и внимание специалистов обращается прежде всего и главным образом к данной проблеме. Но хотелось бы, чтобы своей остротой и актуальностью она не заслонила более фундаментальную проблему кардинальной перестройки системы взаимосвязей государственного бюджета и народного хозяйства в целом. Устранение бюджетного дефицита не равнозначно той глубокой реформе финансового механизма, которая необходима нашей экономике. Это лишь один из ее фрагментов. В принципе бюджетный дефицит может быть устранен и на старой основе, без перестройки экономических связей и пропорций воспроизводства и даже без финансового оздоровления народного хозяйства.

В госбюджете на 1989 г. общий бюджетный дефицит в утвержденном на сессии Верховного Совета СССР бюджете составил 120,8 млрд. руб. Если ввести понятие общего бюджетного дефицита, то в 1989 г. он должен был составить 32,3% к имеющимся реальным источникам доходов госбюджета и 21,8% к объему его расходов, утвержденному Верховным Советом СССР. Чистый дефицит, то есть отсутствие каких-либо (включая заемные) источников финансирования запланированных расходов бюджета, предусматривался в сумме 35 млрд. руб.

В уточненном плане бюджетный дефицит был уже «сокращен» до 99,3 млрд. руб. (общий) и 13,5 млрд. руб. — чистый (дефицит — нетто). Ожидаемое исполнение зафиксировало общий дефицит «только» в сумме 92,2 млрд. руб., то есть уже как серьезное его сокращение — на 28,6 млрд. руб. Из этих данных, казалось бы, должен быть сделан вывод, и мнение подобного рода высказывалось, в том числе и со стороны представителей правительства, что достигнутое сокращение свидетельствует о симптоме оздоровления финансов и экономики. Однако такой вывод требует критической оценки.

Общая концепция совместного постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по финансовому оздоровлению экономики и укреплению денежного обращения в стране в 1989—1990 гг. и в тринадцатой пятилетке» в отношении бюджетного дефицита направлена на его преодоление путем увеличения доходов и сокращения расходов государства.

В 1989 г., по предварительным данным, удалось достичь некоторых позитивных результатов в основном в одном направлении увеличении доходов государственного бюджета.

Сокращение дефицита в 1989 г. по сравнению с предварительно запланированным в проект бюджета дефицитом в 120,8 млрд. руб. на 87% обеспечено ростом доходной части и только на 13% — экономией на расходах. Ясно, что это далеко не лучший вариант оздоровления экономики. Более того, следует учитывать изменение структуры расходов, вынужденное перемещение ресурсов из одного направления расходования средств на другое (стихийные бедствия, крупные аварии). Так, в 1989 г. экономия была получена в основном из-за неосвоения средств на финансирование плановых объектов и отставание ввода в эксплуатацию новых учреждений социально-культурной сферы.

Вывод о начале процесса финансового оздоровления не подтверждается также самой ситуацией, в которой осуществлялся воспроизводственный процесс. В 1989 г. темп инфляции возрос в 2—2,5 раза и ее уровень составил, по данным Госкомстата СССР, 7,5%. Отмеченное сокращение бюджетного дефицита оказалось возможным в условиях снижения темпа роста национального дохода: в январе—октябре 1989 г. его прирост составил 4,6%, а за тот же период прошлого года — 2,6%; размеры эмиссии увеличились в 1,5 раза; имелся рост импорта; прямые потери от забастовок составили несколько миллиардов рублей; планы по накоплениям не выполняли 21—24% предприятий и организаций промышленности и строительства, 6 — предприятий в промышленности и 5% — в строительстве были убыточны.

Ухудшение обстановки в развитии народного хозяйства не только не способствовало, но прямо противодействовало финансовому оздоровлению. По нашему мнению, эффект «сокращения» бюджетного дефицита в 1989 г. был вызван следующими факторами: завышенной оценкой бюджетного дефицита на 1989 г.; пересмотром политики в области реализации и потребления некоторых товаров народного потребления (винно-водочные изделия); воздействием инфляционного фактора, вызвавшего незапланированный рост доходов населения и отразившегося в доходной части бюджета. Реального же сокращения не было. Дефицит бюджета составил по отчету за 1988 г. 90,1 млрд. руб., в 1989 г., как уже указано выше, — 92 млрд. руб. В докладе министра финансов СССР на второй сессии Верховного Совета СССР прямо сказано: «Уменьшение дефицита обеспечено за счет дополнительных доходов по налогу с оборота, налогам с населения, поступлениям от внешней торговли, взносам предприятий на социальное страхование». Денежные доходы населения выросли за год на 12,9%, в 10 раз превысив их плановый прирост и в 5,4 раза обогнав рост национального дохода.

Очевидно, что при меньшем темпе инфляционного роста денежных доходов не было бы такого роста доходов госбюджета по сравнению с планом, что автоматически означало бы увеличение бюджетного дефицита. Сокращение его за счет инфляционного фактора нельзя рассматривать как показатель оздоровления народного хозяйства, финансового и денежного оборота страны.

Предельный размер дефицита госбюджета на 1990 г. ограничен 60 млрд. руб., что, если иметь в виду количественную сторону, как будто бы закрепляет отмеченную тенденцию. К 1993 г. правительством ставится задача уменьшить дефицит бюджета до 20—25 млрд. руб., то есть до 2—2,5% к валовому национальному продукту, что, как считается, не порождает серьезных отрицательных последствий для экономики.

Важное значение, однако, имеют факторы, обеспечивающие сокращение дефицита. Именно их закономерная комбинация и позволяет поставить вопрос об оптимальном или неоптимальном вариантах (типах) преодоления бюджетного дефицита. Вариант, использующий фактор инфляции, не может быть оптимальным. Он перекрывает как «впуск» (доходы), так и «выпуск» (расходы) инфляционного потока в системе централизованного государственного фонда финансовых ресурсов. Реаль-

ность оптимального варианта может быть достигнута лишь благодаря глубоким преобразованиям как финансов, так и народного хозяйства в целом.

Общая концепция госбюджета

Антиинфляционность государственного бюджета в теоретическом отношении наиболее просто достигается сокращением или сдерживанием его расходной части. Что это может дать? Прежде всего **сокращение спроса** на потребительские товары и инвестиционные ресурсы. Государство тем самым уменьшает давление на рынок, способствует его сбалансированности, стабилизации. Далее, государственный бюджет через политику централизованного финансирования может оказать заметное или решающее **воздействие на эффективность производства** (сокращение бесплатного финансирования, устранение бесполезного или вредного в экологическом, например, отношении использования ресурсов накопления — деятельность бывшего Минводхоза и ему подобных ведомств, преодоления убыточности предприятий и отраслей и дотационного производства). Наконец, политика экономии государственных расходов **«развязывает руки» в отношении политики доходов, налоговой системы, стимулирования предпринимательской активности.**

Вот почему представляется, что **исходным звеном реконструкции государственного бюджета** должна быть политика в области расходов. Какие же тенденции были здесь преобладающими? Каковы должны быть устремления в предстоящий среднесрочный (пятилетний) период?

До сих пор общей теоретической основой государственного бюджета и **механизма его взаимодействия с народным хозяйством** была трактовка его как бюджета **всего народного хозяйства**. Такая концепция означала огосударствление народнохозяйственного воспроизводственного процесса, неограниченное расширение государственного механизма централизации производства, распределения, перераспределения и использования национального дохода, в том числе фонда накопления и частично фонда возмещения. В соответствии с этой концепцией строилась система формирования доходов госбюджета, осуществлялась аккумуляция в нем преобладающей доли денежных накоплений народного хозяйства. Отсюда крайняя пассивность налоговой политики, установка на отмену налогов с населения. Государственный бюджет превратился в финансовый источник расширенного воспроизводства большей части формально хозрасчетных предприятий и отраслей, в общий «котел» доходов и расходов всего общества, всех его частей, национально-государственных структур.

На основе обезличивания доходов сформировались соответствующие закономерности в движении расходной части бюджета. Проявилась тенденция к неограниченности роста запросов на «общие» финансовые ресурсы без детерминированной зависимости от собственного вклада. Как правило, заявки на централизованные ресурсы при составлении народнохозяйственных планов и финансовых лимитов завышались в совокупности в 1,5—2 раза по сравнению с реальными возможностями. Ограниченность ресурсов и неограниченность запросов государства и его структур в распределении и потреблении совокупного достояния породили диспропорциональный рост централизованного финансового фонда, что особенно показательно для двух последних десятилетий.

Если в 1970 г. система государственного бюджета перераспределяла 54% использованного национального дохода, то в 1988 г. — 74,2%. Если два десятилетия назад государственный бюджет превосходил фонд накопления в 1,8 раза, то в 1988 г. — уже в 3 раза. Следовательно, он превратился, по существу, в фонд совместного проедания национально-

го дохода через посредство государства. Это опосредование разрывает хозрасчетные связи производства и потребления, количества и качества труда, благосостояния работника и его семьи, целых коллективов, порождает невиданный в прежней экономической истории механизм совместного иждивенчества на основе по преимуществу уравнительного присвоения эффекта опредмеченных производительных сил, созданных прошлым трудом многих поколений.

Стремительное повышение доли госбюджета сопровождалось и вызывалось опережающими темпами роста его расходов по сравнению с экономической базой роста его доходов — национальным доходом: за указанный период бюджетные расходы выросли в 3 раза, а национальный доход в фактически действовавших ценах — в 2,2 раза. Факторов такого разрыва может быть только три: изменение пропорций распределения чистого продукта, инфляционный рост доходов и инфляционный (дефицитный) рост расходов. Все они с точки зрения задач и целей перестройки могут рассматриваться как сугубо негативные. Изменение пропорций означает перевод экономического оборота на безвозмездную и безэквивалентную основу, подрыв самостоятельного воспроизводства и хозяйственной ответственности хозрасчетных звеньев и отраслей. У них все более и более суживалось пространство самостоятельного регулирования производственного накопления и социального развития в зависимости от результатов собственного воспроизводственного процесса. Они все более попадали под власть центра, его целей и его политики.

Фактор инфляции со стороны доходов не менее опасен, чем инфляционность расходов. Государство участвует в дележе эффекта от роста цен и доходов населения; бюджет даже на бездефицитной основе стремительно возносится на инфляционный уровень расходов; получает возможность финансирования за счет инфляционных доходов все более нарастающий инвестиционный и социальный спрос. Инфляция по линии доходов ведет к появлению огромной массы потребителей за счет бесплатных бюджетов средств, скрытому паразитированию части общества, государственных ведомств, части административно-управленческого персонала.

Бюджетный дефицит, стремительно возросший с 18 млрд. руб. в 1985 г. до 92 млрд. в 1989 г., выступил своего рода третьей «волной» общего инфляционного процесса в системе «материальное производство — бюджет — народное хозяйство» в единстве производственной и непроизводственной сфер. Государству стало уже не хватать структурно-инфляционного роста доходов бюджета, и оно включило в механизм воспроизводства и потребления дополнительную массу платежных средств (часть общегосударственного ссудного фонда), эквивалентных лишь будущим товарным ресурсам. Это способствовало исчезновению (дефициту) и вздорожанию той товарной массы, которая была в наличии и соответствовала меньшему объему платежеспособного спроса. Механизм общего бюджетного «котла» достиг опасной стадии своего развития, требующей перевода его в иной режим функционирования.

На наш взгляд, необходимо перейти от системы государственного бюджета как бюджета государства и всего народного хозяйства (сверхбюджет) к системе обычного бюджета как централизованного фонда, именно государства. Экономические масштабы государственного бюджета при этом должны ограничиваться меньшей частью национального дохода, поскольку возросшая его доля будет распределяться и перераспределяться непосредственно самими участниками (субъектами) народнохозяйственного процесса (предприятиями, ассоциациями, территориями, населением, общественными объединениями граждан и т. п.). Государство и бюджет установят систему кругооборота финансовых потоков, основу которой составит новая система бюджетных расходов и доходов, базирующаяся на налоговом механизме.

Пересмотр политики бюджетных расходов

Перестройка политики и системы бюджетных расходов означает: относительное сокращение их объема; изменение структуры их финансирования по вертикальным звеньям бюджетной системы страны; перестройку бюджетного финансирования народного хозяйства; переключение источников и субъектов финансирования на народное хозяйство; установление корреспондентской связи бюджетных расходов с соответствующими доходами; появление новых форм, методов и статей бюджетного финансирования и т. д. Не рассматривая всех аспектов этой проблемы, обратимся к наиболее актуальным.

Весьма сложной проблемой предстоящего периода реконструкции бюджета является сдерживание потребительского, социально-иждивенческого уклона масс, республик и регионов в условиях официально провозглашенной и законодательно одобренной социальной переориентации всей советской экономики, означающей перестройку прежде всего пропорций и структур производства и соответствующих изменений производственно-технического аппарата. И ее нельзя свести к простому перераспределению ограниченных ресурсов потребления и к росту фонда потребления за счет ущербной минимизации потенциала производственного накопления.

С этих позиций план и бюджет 1990 г., перераспределяя ресурсы в пользу потребления малообеспеченных слоев населения и других категорий трудящихся, не создают пока твердой основы ни для реконструкции бюджета, ни для устойчивого продолжения линии на социальную переориентацию экономики. Вместо сдерживания потребительского уклона предусматривается рост расходов на социально-культурные мероприятия на 11%, в то время как ресурсы потребления и накопления (национальный доход) возрастут только на 1,1%. В этих условиях, кроме резкого снижения потенциала накопления до 13,3% использованного национального дохода, неизбежно инфляционное опережение денежных доходов населения над реальными товарными ресурсами, что в условиях замораживания цен на некоторые потребительские группы товаров приведет к их общему неконтролируемому росту и ослаблению потребительского рынка (некоторая корректировка данных тенденций может быть вызвана «ударом» налога по приросту фонда оплаты труда работников хозрасчетных предприятий и кооперативов, а также введением новой шкалы подоходного налога с населения).

Социальная переориентация экономики путем наращивания доходов населения (в том числе на основе нового Закона о пенсиях) и снижения доли ресурсов накопления намечается на всю тринадцатую пятилетку: к 1995 г., по имеющимся расчетам, норма производственного накопления может понизиться до 10,4% (для сравнения в 1985 г. — 19,1%). Ослабленный потенциал накопления не может обеспечить существенного ускорения развития группы «Б» и всего II подразделения общественного производства, что ставит под сомнение реальность высоких темпов роста производства товаров народного потребления (113,5% по плану 1990 г. и 148—152% в 1995 г. к базовому 1990 г.). Если даже обоснованием этих вариантов плановых расчетов взять высокий темп роста производительности труда, заложенный в расчетах (129,3% к уровню 1990 г.), что почти вдвое выше существующего, то следует считаться с тем, что технической базы для такого ускорения пока нет. Реальным становится резкое высвобождение работников из материального производства. Однако неподготовленность непродушенной сферы к интенсивному приему трудовых ресурсов, отсутствие для нее соответствующих инвестиционных ресурсов, а также внедрение и здесь, как и в материальном производстве, арендных отношений, коллективных и индивидуальных форм собственности — все это может затормозить перелив рабочей

силы из одной сферы в другую, привести к безработице и соответствующему росту социальной напряженности в обществе, к возврату централизованного регулирования структуры занятости.

Необходимо пересмотреть политику в отношении нормы производственного накопления и решать проблему социальной переориентации материального производства и бюджета на базе ее оптимального уровня. Исследования, проведенные, к примеру, в Институте экономики АН УССР, показывают, что в нашей экономике реальная норма накопления основных производственных фондов в 1,5—2,5 раза ниже, чем в западных странах¹. Оптимизация нормы производственного накопления означает не только повышение ее до уровня, диктуемого темпом научно-технического прогресса, но и преобразование ее структуры: установление относительного динамического преимущества роста нормы накопления во II подразделении по сравнению с нормой накопления в I подразделении с последующим достижением оптимального взаимодействия этих норм посредством перелива капитала рыночным механизмом.

Рыночному механизму отводится главная роль в формировании фонда и нормы накопления, темпов и пропорций экономического роста. Но его эффективность во многом будет определяться связями с бюджетом, политикой его расходов и доходов. Государственный бюджет 1990 г. проводит в этом отношении весьма неэффективную линию: на финансирование расширенного воспроизводства за счет союзного бюджета будет направлено 19,4 млрд. руб., то есть менее 10% общего объема капитальных вложений в народное хозяйство. В то же время сумма дотаций и доплат из бюджетных средств составит почти 116 млрд. руб., из которых более 100 млрд. — отраслям агропромышленного комплекса. В настоящее время механизм бюджетного финансирования простого и расширенного воспроизводства агропромышленного комплекса является существенным препятствием развития рыночных отношений в агропроме, главным фактором инфляции и роста цен в этом важнейшем секторе экономики. Необходимо выделить дотационный фонд из общего государственного бюджета страны, узаконить и ограничить источники его формирования, значительно уменьшить госзаказ на сельскохозяйственную продукцию, поставить колхозы, совхозы, перерабатывающие предприятия перед необходимостью реализовать значительную часть своей продукции партнерам по горизонтали, розничным торговым предприятиям и непосредственно населению по взаимным договорам и обязательствам по ценам рынка, находящимся под контролем и ограничением со стороны государства (с помощью налогов, штрафов, санкций, режима кредитования и расчетов и т. д.).

В связи с переходом к рыночному ценообразованию нужно отменить выплаты из бюджета, особенно союзного, разницы в ценах и надбавок к ним, перевести бюджетные ассигнования непосредственно на население, существенно ограничив размеры компенсационных платежей помощью тем слоям и семьям, которые имеют душевой доход на уровне или ниже определенной, общественно регулируемой с учетом индекса инфляции границы.

Нужна пятилетняя программа разгрузки госбюджета по всем статьям расходов, не исключая и расходы на оборону, с тем чтобы, во-первых, доля государственных бюджетов союзных республик повысилась до 70—75% вместо 49—50% на данный момент, во-вторых, все расходы на простое воспроизводство и подавляющую долю на расширение несли сами предприятия и их объединения, ассоциации. Бюджетные ассигнования на инвестиции целесообразно передавать банковской системе под проценты с размещением их в последующем на коммерческой основе.

¹ См.: Кваснюк Б. Е. Миф о чрезмерной норме накопления // ЭКО. 1988. № 7. С. 7, 15.

Чрезмерно высока — около 77% в 1988 г. — доля бюджетных средств в расходах общества (включая и хозрасчетные источники) на социально-культурные мероприятия. Процессы самофинансирования и самоуправления предприятий и территорий позволяют и здесь осуществить необходимую перестройку, децентрализовав механизм формирования и использования общественных фондов потребления.

С 1990 г. Минфин СССР предложил новую структуру госбюджета: текущий бюджет и бюджет развития. Не споря по терминологии, отметим, что в целом такое деление весьма неудачно. К бюджету развития отнесены статьи, финансируемые за счет бюджетного дефицита: централизованные капитальные вложения, расходы на науку и др. В то же время все дотации отнесены к текущему бюджету. Кто знаком со схемами расширенного воспроизводства, тот знает, что капитальные вложения, особенно централизованные, уже имеют свой экономический эквивалент — потенциал расширенного воспроизводства, и нет необходимости финансировать их за счет несуществующих денежных ресурсов (дефицита). Наука также относится к этому потенциалу как производительная сила общества. Видимо, правительство должно с самого начала представлять Верховному Совету СССР только бездефицитный бюджет, а все дотации и дополнительные требования, в том числе и на социально-культурные мероприятия, должны рассматриваться в особом порядке и увязываться с новым источником финансирования. Одним словом, за бюджетный дефицит должен нести ответственность прежде всего Верховный Совет страны. В бюджете целесообразно выделять статьи (расходы) приоритетного, лимитированного и остаточного характера.

Новая система и политика доходов бюджета

Исходной стадией кругооборота бюджетного потока выступают доходы. В предстоящие годы здесь ожидаются коренные изменения: произойдет поворот так называемых поступлений от народного хозяйства к системе налогов, на которых и будет базироваться государственный бюджет.

Система и политика доходов государственного бюджета будет выражать: многосекторность и многоукладность экономики, возникающую на основе многообразия форм собственности; новый характер отношений между государством и налогоплательщиками как собственниками или владельцами доходов; новую иерархию связей в обновленной государственной федерации; многофункциональную роль самой налоговой системы не только как формы доходов государства, но и как системы его взаимодействия с народным хозяйством и его субъектами; иную структуру и связи в новом «гражданском» обществе. В настоящее время наступил лишь первый этап во всех этих перестроечных процессах.

Старая система «поступлений» уйдет довольно быстро. С 1991 г. платежи и отчисления из прибыли, включая плату за производственные фонды, заменит **налог на прибыль**; уже с текущего года начнется большой процесс повышения роли и количественного веса прогрессивного налога с доходов граждан, а в дальнейшем и других налоговых платежей населения. Все более значительными становятся налоговые поступления от кооперативного сектора; реформа оптовых, закупочных и розничных цен (1991—1992 гг.) создаст благоприятные предпосылки, чтобы решить трудную судьбу налога с оборота, трансформировать его в приспособленный к нашим условиям вариант налога на добавленную стоимость и частично в акцизы на отдельные виды товаров. Возникнет блок новых налогов с физических лиц, регулирующих имущественное положение членов общества (налог на наследство, на природный капитал и др.) Особое значение приобретут разного рода специальные налоги (антимонопольного характера, экологические, таможенные налоги, сборы и

льготы). Проявятся по-новому роль и масштабы региональных налогов и платежей, местной и республиканской налоговой политики, формирование и проведение которых должно осуществляться в рамках единой налоговой системы нашего союзного государства.

Однако становление новой системы доходов государственного бюджета и органическое включение налогового механизма в общую систему социально-экономического механизма общества будут происходить весьма непросто и, учитывая тенденции к возвышению административной роли союзных республик, которые так или иначе стоят на путях формирования единого рынка, болезненно. Трудно поддается эволюционному развитию и в целом вся система отношений единой государственной монополии, есть стремление до основания разрушить ее и броситься «с головой» в омут свободного рынка. Дальновидная и результативная политика видится, однако, в том, чтобы демонтировать только то, что мешает рынку и многообразию собственности, а то, что помогает регулировать сложные и неоднозначные рыночные и имущественные процессы в интересах научно-технического и социального прогресса, сохранять, модернизировать и приспособлять для новых условий. По крайней мере сейчас как никогда наиболее полезные функции государственного центра состоят, во-первых, в создании и введении в далеко не гармоничную среду новых экономических механизмов (в данном случае налогов); во-вторых, в обеспечении общественного (государственного) регулирования имущественных процессов, тенденций и устремлений группового эгоизма, в направлении его на начала здоровой конкуренции; в-третьих, в защите становления единого союзного рынка от регионализации и административного расчленения по союзным республикам.

Бюджет 1990 г. в своей доходной части содержит, пожалуй, еще больше проблем, чем в расходной. Именно через доходы в него вливается инфляционный процесс, нарастающий в народном хозяйстве; его доходы полны скрытых и открытых противоречий: 41 млрд. руб. доходов от реализации вино-водочных изделий; монопольные доходы от внешней торговли, связанные с перепродажей государством импортных товаров на дефицитном внутреннем рынке, и т. д.

Доходы государственного бюджета после его перестройки по своему экономическому содержанию будут подразделяться на следующие главные группы: доходы от собственности государства; налоги на доходы других собственников — субъектов хозяйствования (налог на прибыль и другие); налоги на физических лиц (подходный налог, налоги на имущество и др.), на потребителя (налог на добавленную стоимость и акцизы). В итоге проявится картина с бременем прямого и косвенного налогообложения граждан. Косвенное налогообложение имеет прямое отношение к механизму воспроизводства и хозяйствования: чем оно выше, тем слабее связь эффективности и результативности хозяйствования с бюджетом. На наш взгляд, необходимо стремиться к другому: уменьшить бремя косвенного налогообложения, усилить зависимость бюджета от эффективности производства и состояния рынка через систему налогов на прибыль, подоходные (прямые) налоги с граждан.

Долгое время в финансовой литературе шла дискуссия о природе налога с оборота: официальная точка зрения вопреки очевидности (например, доходы от реализации спиртных напитков, ювелирных изделий, автомашин) отрицала наличие в нем даже «коготка» акциза. Сейчас официальная трактовка изменилась. Как пишет, например, председатель Госкомцен СССР В. К. Сенчагов, «наши относительно малые налоги с физических лиц сочетаются с огромными косвенными налогами. Доля налога с оборота к валовому национальному продукту в 1988 г. составила 11,7%. Аналогичный показатель в США — всего 0,7%»². По мнению

² Правительственный вестник. 1989. № 22. С. 4.

министра финансов СССР В. С. Павлова, в перспективе развитие налога с оборота видится в преобразовании его в такую модифицированную форму, как налог на добавленную стоимость, который, как известно, относится к косвенным налогам. В связи с реформой ценообразования создаются благоприятные возможности и для реформы налога с оборота, чтобы ввести новый налог типа налога на добавленную стоимость или налог с продаж уже одновременно с новыми ценами.

В процессе реформы цен часть налога с оборота переместится в прибыль. В целом же сейчас доля поступлений в бюджет от населения в виде скрытых косвенных налогов составляет, по нашим расчетам, около 28% всех реальных доходов государственного бюджета СССР, а всех налоговых платежей населения — около 38%. Таким образом, само население в той или иной форме полностью возмещает все неэффективные дотации агропромышленному комплексу и половину расходов государства на социальное страхование и социальное обеспечение. Но делается это в скрытой форме и поэтому без должной социальной отдачи, бесконтрольно и с нарушением принципов социальной справедливости. Система косвенного налогообложения населения должна быть нормативно увязана с определенными социальными расходами государства и контролироваться обществом, а не отдаваться на откуп волевым правительственным решениям.

Центральным звеном нового налогового механизма станет налог на прибыль, который дает возможность освободиться от административно-ведомственной системы поборов, базирующейся на тысячах индивидуальных нормативов, разрушающих межотраслевые процессы и правильный «обмен вещами», обслуживающих экономику «одного котла», из которого, однако, разные отрасли и республики черпают разными ложками. Исчезнут ведомственные финансы, непосредственно в обороте хозяйственных предприятий нужно оставить те 40 млрд. руб., которые сейчас централизуют министерства и ведомства часто в ущерб приоритетным и хорошо работающим предприятиям.

Функции налога на прибыль весьма значительны: источник доходов госбюджета; регулятор финансовых пропорций и процессов накопления, темпов экономического роста; рычаг экономического стимулирования предпринимательской деятельности; способ преодоления ведомственного монополизма и административного нажима; инструмент экономического управления, развития системы самофинансирования и самостоятельности предприятий; конкретная форма выравнивания экономических условий хозяйствования и побудитель конкуренции. Эти функции, однако, еще должны развиваться. Эффективность налога на прибыль и, соответственно, бюджетной политики во многом определится его механизмом.

Главным в механизме налога на прибыль являются ставка налога, льготы, связь с другими налогами, особенно с налогом, регулирующим расходование средств фонда потребления (фонда оплаты труда).

В правительственном законопроекте «О единой налоговой системе СССР» был найден прогрессивный принцип построения налога на прибыль: по единой ставке к массе облагаемой прибыли. Законодательная практика склонилась в пользу пакета законов о налогах, что представляется правильным, позволяет более тщательно и всесторонне отработать налоговый механизм, включая систему поправок к законам после их испытания на практике.

Целесообразность и обоснованность единой ставки налога на прибыль определяется объективными причинами: единством хозяйственного механизма общества; равенством в отношении налога сфер приложения капитала, что создает основу для его свободного перелива в поисках наибольшей прибыли; равенством предприятий перед обществом (бюджетом) как налогоплательщиков, что на деле реализует равенство форм и субъектов собственности и равенство их обязательств перед общест-

вом, равенство условий в конкурентной борьбе на социалистическом рынке.

Особенно важно с помощью налоговой политики обеспечить эффективный экономический рост в условиях рыночной конъюнктуры, самофинансирования и самоуправления предприятий. В настоящее время происходит смена механизма управления экономическим ростом: он все в большей степени зависит от децентрализованных решений массы хозяйствующих субъектов.

Представляется, что налоговый механизм может быть эффективным, если трудовому коллективу, каждому работнику будет выгодным оставлять свой рубль в обороте, а не извлекать его немедленно в виде дохода, если налоговый механизм будет принуждать к сдерживанию роста фонда оплаты труда и поддерживать заинтересованность в увеличении массы прибыли за счет факторов снижения себестоимости, роста производительности труда и внедрения научно-технических достижений. Этому должны способствовать льготное налогообложение капитальных вложений, увеличение уставного фонда, высокая ставка подоходного налога на заработную плату и более низкая на дивиденды, регрессивная (в зависимости от длительности срока) шкала налога на извлекаемый из оборота индивидуальный пай и т. д.

Для сдерживания склонности к потреблению следовало бы применить льготное налогообложение или вовсе не облагать подоходным налогом граждан и налогом на прирост фонда оплаты труда ту часть фонда оплаты труда, которая будет оставаться в обороте предприятия, использоваться в качестве источника увеличения уставного фонда предприятия в части его коллективной собственности. Наоборот, сумму прироста фонда оплаты (включая все премии и льготы), которая выплачена коллективу в истекшем году, следовало бы присоединить (арифметически) к сумме облагаемой прибыли следующего периода и подвергать налогообложению по общей ставке налога на прибыль в течение последующих пяти лет. От особого налогообложения прироста фонда оплаты труда в этом случае следовало бы отказаться.

Нужно сказать, что правительственная программа по оздоровлению экономики и принципиальным подходам к тринадцатой пятилетке не во всем нацелена на стимулирование эффективного экономического роста: у предприятий предполагается изымать 20% амортизационных средств на реновацию; резко удорожаются долгосрочные кредиты; вводится налог на новостройки и расширение действующих предприятий в размере 25—30% сметной стоимости объектов строительства. Стагнация экономического роста в условиях инфляции может иметь тяжелые последствия.

Политика бюджетных доходов должна быть продолжением политики расходов бюджета, и наоборот. Идея единого кругооборота в бюджетном процессе весьма плодотворна. Так, целесообразно инвестировать бюджетные средства (наряду с передачей их банкам) с расчетом на высокую бюджетную отдачу в виде роста доходов бюджета. Нужна концепция приоритетного финансирования наиболее эффективных, с точки зрения бюджетоотдачи (высокой оборачиваемости средств), министерств, отраслей, предприятий и их ассоциаций и соответствующее сокращение бюджетных ассигнований министерствам и отраслям с низкой или средней бюджетоотдачей (оборачиваемостью ресурсов). Расчеты, проведенные в НИИ Госкомстата СССР, показывают, что в наиболее эффективном варианте перелив государственных капитальных вложений принесет дополнительно десятки миллиардов рублей бюджетных доходов.

С развитием форм собственности государственный бюджет утрачивает моноистичность. Он становится инструментом регулирования многосекторной экономики и все более будет зависеть от успешности ее функционирования.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ

В. Познов,

*нач. подотдела Госплана СССР,
канд. экон. наук*

Среди альтернативных вариантов социально-экономического развития страны предпочтение отдано ускоренной социальной переориентации экономики. Этот вариант основывается на необходимости безотлагательной реализации комплекса крупных мероприятий структурно-инвестиционного характера, нацеленных на кардинальное улучшение положения дел в социальной сфере и на удовлетворение насущных потребностей людей.

В 1991—1995 гг. предусматривается обеспечить максимально возможную концентрацию ресурсов для решения таких первоочередных социальных задач, как обеспечение населения продовольствием, промышленными товарами, жильем. Наряду с этим ускоренными темпами будет развиваться сфера социально-культурных и других услуг. Последовательное расширение в этот период в рамках экономической реформы социалистических рыночных отношений предполагает проведение государственной политики, направленной на поддержание и укрепление социальной защищенности населения.

В докладе Н. И. Рыжкова на втором Съезде народных депутатов СССР отмечалось, что в 1991—1995 гг. намечается обеспечить возрастание ресурсов фонда потребления и непроизводственного строительства в национальном доходе более чем на 150 млрд. руб. При этом если в первые годы предполагается увеличить долю ресурсов национального дохода, используемых на текущее потребление и непроизводственное строительство, до 89—90 %, то в последующем периоде ее намечается снизить до 87—88 %. Такой маневр связан с необходимостью наряду с решением социальных задач обеспечить источники для производственного накопления как основы дальнейшего роста народного благосостояния.

Стратегический курс на социальную переориентацию народного хозяйства, радикальная политическая и экономическая реформа, повышение эффективности, изменения в содержании и характере труда будут способствовать качественным улучшениям всех показателей, характеризующих уровень жизни советских людей, достижению потребления материальных благ и услуг, максимально приближенного к рациональным нормам, последовательному проведению в жизнь принципа социальной справедливости.

Существенное воздействие на намечаемый рост реальных доходов населения должно оказать значительное улучшение товарно-материального покрытия текущих денежных доходов, уменьшение неудовлетворенного спроса населения на основе опережающего прироста объема товаров и услуг по сравнению с приростом денежных доходов. Первостепенное значение для решения этой задачи имеет улучшение продовольственного снабжения населения; около 70 % общего объема товарооборота составляют продукты питания. В настоящее время неудовлетворенный спрос на них равняется 40 млрд. руб. Несмотря на увеличение в 1989 г. на 20 % импорта продуктов питания, поступление их в торговлю осталось практически на уровне 1988 г. Расширяется нормированное снабжение населения продуктами питания. Напряженность на продовольственном рынке в определенной мере обусловлена и диспропорциями в региональном размещении рыночных фондов. В малых и средних городах в расчете на одного жителя мясных, молочных, рыбных и других продуктов реализуется через государственную и кооперативную торговлю в

1,5—2,5 раза меньше, чем в соответствующих областных или краевых центрах, а в ряде районов страны различия еще более значительны. Это вызывает нерациональные потоки населения (особенно малых и средних городов) за покупками продуктов питания в крупные города.

Актуальной остается задача сокращения территориальных различий в структуре потребления продуктов питания. Их потребление, в особенности наиболее ценных по составу пищевых продуктов, в ряде республик ниже, чем в среднем по стране. Значительно меньше рациональных норм, рекомендуемых Институтом питания АМН СССР на 1990 г., фактическое потребление мяса и мясопродуктов в Таджикистане и Узбекистане (48 %), Азербайджане (57), Киргизии (65 %). Существенно отличается от таких норм и фактическое потребление молока и молочных продуктов в Киргизии (74 %), Таджикистане (63), Туркменистане (79), Узбекистане (74 %).

Недостаток государственных ресурсов важнейших продуктов питания отрицательно сказывается на ценах колхозного рынка. В 1989 г. по сравнению с предыдущим годом они повысились на 7 %, в том числе на мясо и птицу — на 6, картофель — на 8, овощи — на 10, фрукты — на 5 %.

С тем чтобы снять остроту в обеспечении населения продуктами питания, величину неудовлетворенного спроса предполагается уменьшить на 15—20 млрд. руб. к 1992 г., а в целом к 1995 г. для нормализации потребительского рынка объем производства продовольственных товаров необходимо довести до 205—210 млрд. руб. в действующих розничных ценах.

В соответствии с решениями мартовского (1989 г.) Пленума ЦК КПСС поставлена задача в 1991—1995 гг. обеспечить производство сельскохозяйственных продуктов в количестве и ассортименте, достаточных для устойчивого продовольственного снабжения населения. Намечено уже в ближайшие годы удовлетворить спрос на основные продукты питания: молоко, молочные продукты и овощи — в 1991—1992 гг., масло растительное — не позднее 1994 г., мясо и мясные продукты — в 1994—1995 гг., фрукты и ягоды — в 1995 г.

Взят курс на глубокую перестройку производственных отношений и улучшение условий жизни на селе, укрепление материально-технической базы агропромышленного комплекса и устранение структурных диспропорций в его развитии. Определены более высокие по сравнению с другими отраслями народного хозяйства темпы роста инвестиций. Для решения задач технической реконструкции производственного аппарата все в большей степени привлекается потенциал других народнохозяйственных комплексов и прежде всего оборонного.

Именно такие подходы заложены и в плане на 1990 г. При общем снижении инвестиций в народное хозяйство капитальные вложения в агропромышленный комплекс возрастут по сравнению с планом 1989 г. на 5,8 млрд. руб., из них в непроизводственную сферу — на 3 млрд. руб. В целом за 1986—1990 гг. в агропромышленный комплекс будет направлено на 17 млрд. руб. капитальных вложений больше, чем намечалось пятилетним планом.

В 1991—1995 гг. предполагается обеспечить последовательное улучшение снабжения населения непродовольственными товарами, неудовлетворенный спрос на которые составляет более 60 млрд. руб. В 1989 г. в продаже не хватало многих видов швейных и трикотажных изделий, электробытовой техники, теле- радио- и фотоаппаратуры, мебели, велосипедов и мотоциклов и др. Увеличились круг остродефицитных товаров, очереди в магазинах и непроизводительные потери населением свободного времени.

К 1995 г. выпуск непродовольственных товаров намечается увели-

чить на 60—70 %, в том числе товаров легкой промышленности — на 30 %. Для этого потребуются передислокация инвестиций в производственной сфере в пользу легкой промышленности из ряда отраслей машиностроительного, оборонного, строительного и лесохимического комплексов, работающих на потребительский рынок, перепрофилирование большого числа предприятий на производство принципиально новых товаров, значительное увеличение производства оборудования для легкой, пищевой промышленности, торговли и бытового обслуживания, ускорение создания новых мощностей по выпуску легковых автомобилей, телевизоров, холодильников, видеомагнитофонов, персональных компьютеров и других товаров длительного пользования.

Небывалые ранее темпы роста производства товаров народного потребления предусмотрены в качестве неотложной меры уже в 1990 г. Их производство в розничных ценах должно увеличиться на 66 млрд. руб. по сравнению с 17 млрд. руб. в 1986—1989 гг. (в среднем за год). Объем розничного товарооборота должен возрасти в целом за 1991—1995 гг. в 1,4 раза и составить в 1995 г. 600—620 млрд. руб.

Для улучшения положения на потребительском рынке важное значение будет иметь и расширение новых, нетрадиционных каналов привлечения средств населения. Среди них — продажа в личную собственность государственных квартир, выпуск беспроцентных целевых займов, дающих право на приобретение в определенный срок дефицитных товаров длительного пользования, создание сети коммерческих магазинов и аукционов для продажи отдельных предметов не первой необходимости (как импортных, так и высококачественных отечественных) и др.

Существенное увеличение государственных ресурсов, направляемых на непроизводственное строительство, позволит в 1991—1995 гг. значительно укрепить материально-техническую базу социальной сферы, что будет способствовать последовательному и поэтапному достижению социальных нормативов обеспеченности населения ее объектами.

Жилищная политика в этом периоде будет ориентироваться на решение стратегической задачи обеспечения каждой семьи отдельной квартирой или индивидуальным домом к 2000 г. Острота жилищной проблемы за последнее время не снижается. Впервые за годы текущей пятилетки в 1989 г. не выполнен план по вводу жилья в целом по стране. Как и в предыдущие годы, с большим отставанием осуществлялось сооружение кооперативных жилых домов. Нарастание темпов индивидуального жилищного строительства сдерживается трудностями с получением населением кредитов и приобретением строительных материалов. Из общего числа городских семей (без имеющих личные дома) каждая пятая стоит на очереди для получения жилой площади.

Ввод жилья в 1991—1995 гг. намечается увеличить почти на 40 % и довести его до 900 млн. м², при этом должен резко возрасти ввод жилья за счет средств населения на индивидуальное и кооперативное жилищное строительство. Принципиальной особенностью осуществления жилищной программы будет постепенный переход от принципа преимущественного распределения жилья, построенного за счет капитальных вложений, выделяемых из центра, к преимущественному его зарабатыванию трудовыми коллективами и отдельными гражданами при сохранении государственного обеспечения, льгот и привилегий для социально менее защищенных групп населения (инвалидов, семей погибших военнослужащих, приравненных к ним лиц, пенсионеров, матерей-одиночек, многодетных семей).

Предстоит осуществлять меры по повышению уровня обеспеченности дошкольными учреждениями. В настоящее время около 2 млн. детей нуждается в устройстве в детские сады и ясли-сады. Опережающими темпами, с учетом имеющихся потребностей, будут создаваться дошколь-

ные учреждения в республиках Средней Азии, Казахской и Азербайджанской ССР, в Сибири и на Дальнем Востоке, во вновь осваиваемых районах. Всего в 1991—1995 гг. предполагается построить дошкольных учреждений за счет всех источников финансирования на 4 млн. мест. Намеченная программа ввода дошкольных учреждений и реализация принятых решений по увеличению продолжительности отпуска по уходу за ребенком до трех лет, организация детских садов и яслей на дому, расширение сети постоянных и сезонных дошкольных учреждений не только за счет нового строительства, но и путем передачи на эти цели высвобождающихся административных зданий, позволит к 1995 г. повысить обеспеченность населения дошкольными учреждениями в основном до научно обоснованного уровня.

В 1991—1995 гг. намечается ввод в эксплуатацию общеобразовательных школ на 12 млн. мест по сравнению с 7,7 млн. в текущей пятилетке, что позволит уменьшить наполняемость классов в общеобразовательных школах до нормативного уровня. В настоящее время в общеобразовательных школах во вторую смену обучается каждый четвертый, а в республиках Средней Азии — каждый третий учащийся. Особое внимание будет уделено развитию сельских школ, оснащению их современными техническими средствами, учебными пособиями. Они должны быть переведены на занятия в основном в одну смену, полностью укомплектованы квалифицированными педагогическими кадрами.

Для развития здравоохранения намечается усиление его профилактической направленности, совершенствование хозяйственного механизма функционирования отрасли, формирование здорового образа жизни, повышение уровня медицинского контроля за условиями труда и быта, состоянием питания, развитие физической культуры и спорта, обеспечение экологической безопасности. Большие мероприятия предполагается провести для улучшения медицинской помощи жителям села, резкого увеличения поставки лекарств и медицинской техники. В 1991—1995 гг. в стационарах, бюджетных санаториях и амбулаторно-поликлинических учреждениях будут повышены расчетные нормы расходов на питание больных по сравнению с 1988 г. в 1,7 раза и в 2,2 раза — на приобретение медикаментов и перевязочных средств.

Для создания качественно новых возможностей более полного удовлетворения возрастающих духовных запросов советских людей, приобщения всех слоев населения к освоению культурных ценностей, развития разнообразных форм досуга намечается перестройка деятельности и дальнейшее развитие материально-технической базы учреждений культуры, искусства, кинематографии, печати, телевидения и радиовещания.

В условиях перехода предприятий и территорий на принципы самоуправления и самофинансирования централизованные мероприятия становятся, по существу, единственным инструментом воздействия государства на рост благосостояния. При разработке таких мероприятий главное внимание должно быть сосредоточено на оказании государственной помощи в первую очередь нетрудоспособным членам общества — пенсионерам, инвалидам, а также семьям, имеющим детей. Что касается непосредственно работающих и особенно — в сфере материального производства, то меры по увеличению их заработной платы, сокращению продолжительности рабочего и увеличению свободного времени должны осуществляться за счет зарабатываемых коллективами предприятий и организаций средств.

Централизованная программа повышения уровня жизни народа в 1991—1995 гг. складывается из переходящих (начатых в двенадцатой пятилетке) и новых мероприятий. Среди первых из названных — повышение заработной платы работникам высших учебных заведений, здра-

воохранения и социального обеспечения, культуры, введение надбавок к заработной плате рабочих и служащих за непрерывный стаж работы в Красноярском крае и Иркутской обл., районных коэффициентов к заработной плате рабочих и служащих, для которых они не установлены, в северных районах Вологодской обл. Будет продолжено повышение размера стипендий студентам вузов и учащимся средних специальных учебных заведений, увеличение продолжительности дорожного отпуска работающим женщинам с 56 до 70 дней и частично оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста 1,5 лет, а также повышение норм расходов на питание в дошкольных учреждениях.

Центральное место среди социальных мероприятий в 1991—1995 гг. займет новый Закон о пенсионном обеспечении граждан в СССР. Как известно, первый шаг в пенсионной реформе уже сделан. С 1 октября 1989 г. введен в действие Закон СССР «О неотложных мерах по улучшению пенсионного обеспечения и социального обслуживания населения», который предусматривает единые условия и нормы пенсий для колхозников и работников государственного сектора, установление минимального размера пенсий по старости на уровне 100 % минимальной заработной платы, устранение с 1 января 1990 г. ограничений по выплате пенсий работающим пенсионерам (рабочим и мастерам), улучшение материального положения ветеранов и инвалидов войны и труда, их семей и инвалидов с детства. Общие расходы на эти цели составили 6,5 млрд. руб.

Осуществление общей реформы пенсионного обеспечения должно начаться с 1991 г. По предварительным расчетам, для этого дополнительно потребуется по меньшей мере 29 млрд. руб. в расчете на год. Таким образом, на эти цели в 1991—1995 гг. будут израсходованы средства, равные затратам на все централизованные мероприятия по повышению уровня жизни народа за две предыдущие пятилетки.

Будут проведены меры и по дальнейшему улучшению помощи семьям, имеющим детей. Очевидно, начнется введение единой системы пособий семьям, имеющим детей, направленной на создание благоприятных возможностей сочетания женщинами материнства с участием в общественном производстве, повышение уровня доходов таких семей.

Как известно, в настоящее время разработан и вынесен на всенародное обсуждение проект Закона СССР «Об отпусках». Намечаемое в нем увеличение продолжительности отпусков вызовет сокращение суммарного годового фонда рабочего времени, что потребует в качестве компенсации соответствующих расходов на привлечение дополнительных контингентов работающих. Причем если оплата отпусков на предприятиях и в организациях, работающих на хозяйственном расчете, может быть осуществлена за счет их собственных средств, предназначенных на оплату труда, то в бюджетных организациях — с привлечением дополнительных средств из государственного бюджета. Введение этого закона потребует дополнительно около 8 млрд. руб.

В настоящее время соответствующими ведомствами по поручениям директивных органов подготавливаются предложения, которые потребуют выделения значительных дополнительных ассигнований из государственного бюджета. Например, разрабатываются меры по финансовому, правовому и организационному обеспечению государственной молодежной политики, программа по улучшению положения женщин в СССР, включающая вопросы семьи, материнства и детства, охраны женского труда и здоровья, облегчения домашнего хозяйства и быта и др.

Последовательное развитие в рамках экономической реформы социалистических рыночных отношений потребует разработки государственных мероприятий, направленных на поддержание и укрепление со-

циальной защищенности граждан. Она должна включать в себя три подсистемы: во-первых, отражающую интересы **всех** социально-демографических групп населения, во-вторых, предусматривающую социальные гарантии **трудоспособным членам** общества и, в-третьих, меры социальной защиты **нетрудоспособного** населения страны.

Первая — это комплекс мер, связанных с гарантированным со стороны государства обеспечением всему населению уровня доходов и потребления не ниже прожиточного минимума (минимального потребительского бюджета), дифференцированного по союзным республикам, введением компенсации в связи с намечаемым осуществлением реформы розничных цен, а также индексацией доходов населения в зависимости от роста стоимости жизни.

При росте реальных доходов населения (к 1995 г. он должен составить 17 %) будет постоянно уменьшаться доля лиц, проживающих в семьях с доходами на уровне прожиточного минимума или ниже его. По расчетам Госкомтруда СССР и Госкомстата СССР, в 1988 г. этот минимум равнялся 78 руб. в месяц на каждого члена семьи. Численность населения с такими доходами составляет 41 млн. чел., из них почти половина — это многодетные семьи, проживающие в основном в республиках Средней Азии, Казахской и Азербайджанской ССР, треть — молодые семьи и пятая часть — пенсионеры.

В СССР в отличие от многих других стран минимальный потребительский бюджет (прожиточный минимум) государственными органами до последнего времени не разрабатывался. Исходя из необходимости обеспечения качественно новых подходов к социальному планированию, в первом полугодии 1990 г. Госкомтрудом СССР и Госкомстатом СССР совместно с Советами Министров союзных республик будет завершено составление таких бюджетов применительно к различным социально-демографическим группам населения и регионам страны. Они будут использоваться для обоснования минимального уровня доходов семей, оплаты труда, пенсий, стипендий и других социальных выплат и льгот. Одновременно эти бюджеты будут определять границу доходов групп населения, нуждающихся в первоочередном порядке в социальной помощи со стороны государства.

Совершенствование государственной помощи малообеспеченным семьям как одно из важных направлений обеспечения социальной защищенности должно осуществляться через развитие форм предоставления такой помощи (пособия по малообеспеченности, доплаты к пенсиям, социальные пенсии), а также на основе всестороннего учета особенностей социально-демографической структуры семей, нуждающихся в ней (многодетные, потерявшие кормильца, инвалиды, молодые семьи).

Улучшение материального положения должно включать комплекс мер, направленных в первую очередь на повышение денежных доходов. Конкретные пути повышения уровня обеспеченности следует определять в зависимости от особенностей отдельных категорий малообеспеченных. Меры, направленные на повышение трудовой активности граждан, целесообразно разрабатывать в основном в расчете на молодые семьи и в определенной степени на многодетные семьи, инвалидов и лиц пенсионного возраста, сохранивших трудоспособность. Для трудоспособных членов этих семей необходимо создать благоприятные возможности увеличивать свои доходы за счет повышения производительности труда, квалификации, более широкого использования неполного рабочего времени, работы на дому, развития кооперативной и индивидуальной трудовой деятельности, совместительства.

Однако решить проблему малообеспеченности преимущественно на трудовой основе можно далеко не во всех случаях. Для граждан, лишенных в силу различных причин возможности получать доходы по тру-

ду, основным источником повышения уровня жизни будут оставаться денежные выплаты из общественных фондов потребления. Важнейшим видом социальной помощи здесь являются пособия на детей малообеспеченным семьям (в настоящее время они выплачиваются на 5,5 млн. детей). Однако их система имеет существенные недостатки. Выплачиваются пособия только на детей в возрасте до 8 лет в семьях со среднедушевыми доходами до 50 руб. в месяц (в районах Дальнего Востока и Сибири, в северных районах страны, а также в Вологодской, Новгородской и Псковской обл. — 75 руб. в месяц), хотя, по оценкам, расходы на продукты питания для детей в возрасте от 6 до 15 лет почти на 40% выше, чем для малышей, а на предметы гардероба — почти в 2 раза больше. Установленные размеры пособий на детей в малообеспеченных семьях (12 руб. на ребенка), ежемесячных пособий на детей в возрасте от 2 до 5 лет многодетным матерям (от 4 до 15 руб.) — малоэффективны. В настоящее время для унификации различных видов пособий на детей (их сейчас 14) и совершенствования порядка их выплаты разрабатывается единая система таких пособий. Было бы целесообразно в рамках этой работы предусмотреть увеличение размеров пособий, а также отменить возрастные ограничения при их назначении.

Для неработающих пенсионеров, относящихся к категории малообеспеченных граждан, основным способом повышения жизненного уровня является совершенствование социального обеспечения. Новый Закон о пенсионном обеспечении трудящихся предусматривает значительное увеличение минимальных размеров пенсий по старости, инвалидности и по случаю потери кормильца, а также их регулярный пересмотр в зависимости от роста стоимости жизни. Для нетрудоспособных членов общества, не имеющих права на пенсию по старости или инвалидности, намечается ввести новый вид выплат — социальные пенсии.

Более широкое распространение должны получить различные формы предоставления кредита и налоговые льготы для малообеспеченных групп населения. До конца 1990 г. будет завершена разработка системы компенсационных мер (доплат, дотаций на приобретение лекарств, покупку детской одежды и т. д.) для лиц, у которых доход на члена семьи ниже прожиточного минимума.

Наличие инфляции остро ставит вопрос о соответствующих компенсациях населению и прежде всего наименее социально защищенным его группам. По оценкам Госкомстата СССР, инфляция в потребительском секторе, обусловленная ростом цен по «потребительской корзине» и обесцениением рубля в связи с нехваткой товаров, составила в 1989 г. 7,5 %. В 1990 г. будет разработана и принята система индексации доходов населения в связи с повышением стоимости жизни. Госкомстатом СССР и Госкомцен СССР уже составлена система исчисления индексов цен и инфляции и совместно с Госпланом СССР, Госкомцен СССР, другими заинтересованными министерствами и ведомствами в настоящее время разрабатывается методика индексации доходов различных социально-демографических групп населения в зависимости от динамики потребительских цен.

Учитывая неодинаковый механизм образования доходов различных групп населения, целесообразно использовать дифференцированный подход к их индексации. Для групп населения с фиксированными доходами (работники непроизводственных отраслей, пенсионеры, получатели пособий по социальному страхованию) индексация могла бы осуществляться в виде централизованных мероприятий. Что касается занятых в производственных отраслях народного хозяйства, имеющих возможности для увеличения своих доходов на основе роста производительности труда, повышения квалификации, сохранения реального содержания их заработной платы должно осуществляться в рамках общей политики со-

вершенствования заработной платы, усиления ее связи с конечными результатами труда.

Намечается проведение реформы розничных цен в сочетании с системой мер по компенсации населению связанных с этим дополнительных расходов. Конкретные предложения по осуществлению этих мер намечается вынести на всенародное обсуждение в 1990 г. Компенсация, на наш взгляд, могла бы быть проведена дифференцированно, как по линии денежных доходов занятых в общественном производстве, так и по линии денежных выплат из общественных фондов потребления. При этом ее размеры целесообразно было бы устанавливать также дифференцированно для каждой доходной группы населения, исходя из среднедушевых объемов потребления и ожидаемого среднего уровня цен покупок по всем каналам реализации.

Кроме того, следует предусмотреть социальные гарантии для трудоспособного населения, и в первую очередь создание соответствующих условий для реализации права на труд и отдых, решение вопросов профессиональной подготовки и переподготовки высвобождаемых работников, разработку системы материальной поддержки временно незанятых работников и их семей. Главной должна быть гарантия получения трудового дохода на основе обеспечения права на труд, предоставления всем членам общества равных возможностей для профессионального обучения и повышения квалификации, распределения общественного продукта в соответствии с трудовым вкладом каждого при самой широкой дифференциации и ликвидации необоснованных ограничений роста доходов по труду.

Структурные изменения в экономике, намечаемые высокие темпы роста производительности труда повлекут за собой высвобождение работников в сфере материального производства и значительные изменения в распределении трудовых ресурсов по отраслям народного хозяйства. В связи с этим необходимо предусмотреть меры, направленные на повышение социальной защищенности трудящихся. Наиболее важным из них должны быть: разработка республиканских программ обеспечения полной и эффективной занятости населения с учетом региональных схем развития и размещения производительных сил, предусматривающих профессиональную подготовку и переподготовку высвобождаемых работников, более полное вовлечение в общественное производство населения трудоизбыточных регионов, дальнейшее улучшение условий труда работников, создание специальных фондов профессиональной ориентации и помощи незанятому населению. Все эти мероприятия должны разрабатываться на основе Государственной программы занятости населения, составляемой в настоящее время Госкомтрудом СССР совместно с ВЦСПС, Госпланом СССР и Советами Министров союзных республик. Для трудоизбыточных регионов целесообразно предусмотреть максимально возможный перевод предприятий на многосменный режим работы, создание новых рабочих мест, в том числе в кооперативном и индивидуальном секторах, развитие трудоемких производств, надомного труда и народных промыслов, в труднедостаточных регионах — развитие высокопроизводительных отраслей и технологий, обеспечивающих высвобождение работников, расширение практики «вторичной занятости», создание условий для привлечения рабочей силы из других регионов.

Одной из основных задач в области реализации социальных гарантий трудящихся должно стать увеличение продолжительности свободного времени, что наряду с изменениями в организации быта, отдыха, развитием форм активного досуга будет способствовать созданию условий для качественно нового уровня жизни.

В соответствии с проектом Закона СССР «Об отпусках», который

затрагивает интересы свыше 130 млн. рабочих, служащих и колхозников, намечается увеличить минимальную продолжительность ежегодных отпусков с 15 рабочих дней до 21 календарного дня (трех календарных недель), что соответствует международной практике. Для укрепления связи продолжительности отпуска с трудовым вкладом работника предполагается по мере возрастания общего трудового стажа до 10 лет увеличивать основной отпуск с 21 до 28 календарных дней. Отдельным категориям работников, занятым в сельской местности, лесной промышленности, здравоохранении и некоторых других отраслях народного хозяйства, ежегодный отпуск в 28 календарных дней предполагается устанавливать независимо от длительности трудового стажа. Педагогическим работникам, научным сотрудникам, руководителям различных органов государственной власти и управления, а также лицам моложе 18 лет предлагается устанавливать ежегодные основные удлиненные отпуска продолжительностью от календарного месяца до 56 календарных дней.

Важным элементом, позволяющим учитывать конкретные условия производства, являются дополнительные отпуска, предоставляемые за работу с вредными и тяжелыми условиями труда, особый характер работы, работу в районах Крайнего Севера и в местностях, приравненных к ним. Предполагается отказаться от отраслевого подхода к установлению этих отпусков и перейти к «сквозному» принципу, при котором их продолжительность зависит не от принадлежности к определенной отрасли, а от условий и характера труда на каждом рабочем месте. С учетом различных факторов продолжительность такого отпуска может быть до 42 календарных дней, конкретная ее величина будет устанавливаться в основном на местах. На уровне государственного управления будут разрабатываться только списки производств, профессий и показателей по условиям труда, а также предельная продолжительность отпуска.

С целью создания более благоприятных условий для сочетания материнства с активным участием женщин в трудовой деятельности, укрепления семьи и получения образования вводятся социальные отпуска: по беременности и родам, по уходу за детьми, в связи с обучением, дополнительные отпуска гражданам, имеющим детей. При этом продолжительность родового отпуска намечается увеличить до 70 календарных дней, а право на частично оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком будет распространено и на неработающих женщин (этот отпуск может быть использован также работающим отцом, бабушкой, дедом или другими лицами, фактически ухаживающими за ребенком). Работающие женщины, имеющие двух детей в возрасте до 14 лет, получают право на дополнительный оплачиваемый отпуск продолжительностью четыре календарных дня, а при наличии трех или более детей или ребенка-инвалида — шесть календарных дней.

Демократизация экономической жизни в стране обуславливает необходимость дальнейшего расширения самостоятельности и повышения ответственности предприятий и организаций за рациональное использование трудовых ресурсов и обеспечение здоровых условий труда. В связи с этим намечается существенно расширить их права в установлении конкретных размеров отпуска работникам, занятым во вредных и тяжелых условиях труда, в качестве поощрения работников за высокие достижения, выполнение особо важных или сложных работ. Дополнительные отпуска могут предоставляться за непрерывный, многосменный график работы. Кроме того, может устанавливаться дополнительная оплата и другие льготы по социальным отпускам.

В проекте Закона расширены права союзных и автономных республик, местных Советов народных депутатов в решении вопросов, связанных с отпусками, исходя из их социальных, демографических, природно-климатических, национальных и иных особенностей. Имеется в виду, что

эти дополнительные льготы будут предоставляться за счет средств республиканских или местных бюджетов.

Важной частью системы социальной защищенности граждан должны стать гарантии в отношении нетрудоспособных лиц (по возрасту или инвалидности). Проект Закона о пенсионном обеспечении граждан в СССР предусматривает решение многих проблем в этой области, но в основном связанных только с повышением уровня материального обеспечения нетрудоспособных. Вместе с тем в социальном обеспечении существуют очень острые проблемы, определяющие необходимость его радикального преобразования. Прежде всего это недостаточная развитость, низкий уровень обеспечения и неудовлетворительное качество социального обслуживания престарелых и инвалидов.

Например, не удовлетворяется потребность в домах-интернатах для престарелых и инвалидов, на очереди для устройства в эти учреждения только в органах социального обеспечения состоит около 30 тыс. чел. В значительной степени это объясняется медленными темпами строительства. В 1989 г. в стране насчитывалось 1,2 тыс. домов-интернатов для престарелых и инвалидов (или практически на уровне 1980 г.).

Медленно развиваются новые формы обслуживания и социальной помощи престарелым и инвалидам. На начало 1989 г. было создано только 32 территориальных центра социального обслуживания по сравнению с 46, намеченными в планах. Для оказания помощи на дому организовано около 3 тыс. отделений социальной помощи, ими обслуживаются около 300 тыс. нетрудоспособных граждан, что составляет лишь 60 % нуждающихся в этой помощи.

Должно произойти значительное перераспределение функций и экономической ответственности в обеспечении социальной защищенности населения между государством, регионами и трудовыми коллективами. На общегосударственном уровне следовало бы осуществлять контроль за обеспечением социальных гарантий всем членам общества, включая гарантию определенного уровня доходов (установление минимальных размеров заработной платы, ставок и окладов, пенсий, определенного уровня бесплатности потребления различного рода благ и услуг исходя из минимального и рационального потребительских бюджетов). Союзные органы народовластия должны обеспечивать общегосударственное регулирование социальных гарантий, создание в масштабах общества социально-экономических условий для высокопроизводительного труда и повышения благосостояния населения. Союзные республики и регионы, исходя из зарабатываемых ими средств, обеспечивают дальнейшее развитие системы социальных гарантий с учетом региональных, национальных, культурных особенностей, дополняют эти гарантии или повышают их уровень по сравнению с общегосударственным. Трудовые коллективы за счет зарабатываемых ими средств формируют фонды оплаты труда и социального развития и расходуют их по своему усмотрению, в том числе и на установление дополнительных по сравнению с государственными и региональными социальных гарантий, льгот и преимуществ в сфере потребления.

Как отмечалось в постановлении второго Съезда народных депутатов СССР, при разработке проекта плана на 1991—1995 гг. необходимо поставить рост народного благосостояния и масштабы социальных преобразований, осуществляемых в централизованном порядке, в зависимость от повышения эффективности общественного производства. Для этого к 1995 г. должен быть обеспечен рост произведенного национального дохода как минимум на 25 %, а рост производительности труда — на 29 %. Именно прямая связь активной социальной политики с эффективным хозяйствованием во всех сферах экономики должна стать главным направлением работы.

К 45-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

ПОБЕДА ОРУЖИЯ—ПОБЕДА ЭКОНОМИКИ, ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ

В. Первышин

Советский народ отмечает 45-летие со Дня Победы в Великой Отечественной войне.

22 июня 1941 г. фашистская Германия без объявления войны напала на Советский Союз, бросила огромное количество войск, намереваясь в короткие сроки поставить советских людей на колени, поработить их. Смертельная опасность нависла над Родиной. По призыву Коммунистической партии, Правительства СССР на защиту Отчизны встал советский народ. Проявляя беспримерное мужество, он отстоял свободу и независимость своей страны и принес освобождение от фашистской тирании народам стран Восточной и Центральной Европы.

СССР внес решающий вклад в победу антигитлеровской коалиции над фашизмом и японским милитаризмом.

Мы победили коварного и сильного, вооруженного до зубов врага, потому что превосходили его в мастерстве, стойкости, были оснащены более передовой техникой, более высокой военной стратегией и выполняли прогрессивную освободительную миссию за рубежами социалистического государства. Тыл и фронт были едины.

Великая Отечественная война означала также экономическое противоборство СССР с фашистской Германией. Война потребовала достижения количественного и качественного превосходства в военной технике, перевода экономики на военный лад, обеспечения всех потребностей фронта. Достичь этого можно было только на основе мощного подъема всех отраслей оборонной промышленности, подчинения нуждам фронта всего хозяйства, резкого повышения производительности труда. И СССР сумел превзойти фашистскую Германию в производстве основных видов оружия и боевой техники, притом в кратчайшие сроки, в невероятных сложных условиях. Война представляла собой не только сражения солдат и оружия, но не в меньшей степени испытание экономических, социальных, идеологических систем.

На первом ее этапе обстановка складывалась не в нашу пользу. Фактор внезапности фашистская Германия использовала не только в военных действиях, но и на экономическом фронте. К моменту вероломного нападения на СССР она полностью отмобилизовала свою экономику, подчинив ее целям завоевания «жизненного пространства». Подготовка милитаризованного хозяйства велась централизованно и основательно. О масштабах и темпах этой подготовки можно судить по следующим данным. Если в 1935 г. в Германии была 31 дивизия, то к осени 1939 г. их насчитывалось 102, а общая численность вооруженных сил вермахта возросла до 3 млн. 755 тыс. чел. Если в 1934 г. в Германии было построено 840 военных самолетов, то в 1936 г.— 4733. В целом военное производство в 1939 г. по сравнению с 1934 г. увеличилось в 22 раза. Такие темпы милитаризации Германия смогла выдержать только

благодаря финансовой помощи Запада. Финансовые магнаты США и Англии предоставили ей займы, направленные на развитие прежде всего военно-промышленного потенциала. С 1933 по 1939 г. Германия получила только от США долгосрочных кредитов на сумму более 90 млрд. марок — это составляло 70% всех долгосрочных кредитов Запада.

К началу второй мировой войны Германии удалось создать развитую военно-промышленную базу. Заводы Хейнкеля, Фокке-Вульфа, Тиссена, Круппа, Шахта, концерн «ИГ Фарбениндустри» поставляли армии, флоту и авиации новейшую военную технику. Расходы Германии на вооружение в 1939 г. составили свыше 90 млрд. марок.

С захватом Польши, Дании, Норвегии, Бельгии, Франции военно-экономический потенциал Германии стал быстро расти. Фактически она эксплуатировала производительные силы большей части Европы. Уже через 10 дней после захвата Польши немцы наладили производство бензина, авиационных и других специальных моторных масел. Поверженная Франция должна была платить контрибуцию в размере 20 млн. рейхсмарок в день, а так как обменный курс был установлен победителями в 20 франков за марку, то немцы получали 400 млн. франков.

К началу 1941 г. поступление угля достигло 410 млн. т (в самой Германии добывалось 236 млн. т), добыча нефти составляла 7,5 млн. т (в Германии — 0,9 млн. т), производство стали — 45 млн. т (в Германии — 22 млн. т). Германская экономика была полностью подготовлена к снабжению гитлеровской армии как на фронте, так и в тылу. Кроме того, в первые годы войны немецкая промышленность практически не несла урона и потерь, была недосыгаема для ответного удара.

Иначе обстояло дело с нашей экономикой. Несмотря на огромные усилия по развитию оборонной промышленности, предпринятые в предвоенные годы, осуществить намеченное в полном объеме не удалось. К началу войны не завершилось формирование сети заводов-дублеров. Не были еще серийно освоены многие из новейших образцов вооружения и боевой техники. Продолжалась технологическая и структурная перестройка оборонных предприятий. Наконец, народное хозяйство в целом функционировало по законам мирного времени, хотя и была увеличена продолжительность рабочей недели, ужесточена ответственность за нарушение трудовой и плановой дисциплины.

Оценивая всю тяжесть обрушившихся на страну испытаний, следует иметь в виду, что наш промышленный потенциал с первого дня войны стал объектом массированных ударов вражеской авиации и понес потери в огромных масштабах.

К ноябрю 1941 г. немецкие оккупанты захватили территорию, где до войны проживало 40% всего населения страны, осуществлялось 63% всей довоенной добычи угля, 68% — выплавки чугуна, 58% — стали, 60% — алюминия, производилось 38% зерна, 84% сахара, содержалось 38% всей численности крупного рогатого скота, 60% поголовья свиней. Длина железнодорожного пути на этой территории составляла 41% протяженности всех железнодорожных путей СССР.

Кроме того, было потеряно 303 предприятия, на которых можно было бы ежемесячно производить 8 млн. снарядов, 3 млн. мин, 2 млн. авиабомб, 2,5 млн. ручных гранат. Чтобы представить себе долю потерь, напомним, что в 1940 г. промышленность боеприпасов выпустила около 17 млн. снарядов, 8 млн. авиабомб, 18 млн. мин.

В результате военных потерь валовая продукция промышленности СССР уменьшилась с июня по ноябрь 1941 г. в 2,1 раза. В ноябре и декабре 1941 г. Донбасс и Подмосковный угольный бассейн не дали ни одной тонны угля. К этому времени производство проката черных металлов сократилось в 3,1 раза, цветных металлов — в сотни раз, выпуск шарикоподшипников, без которых немислимо производство танков, самолетов, артиллерии, сократился в 21 раз.

Масштаб понесенных потерь обусловил размах работы по переводу экономики на военный лад, а критическое положение на фронте — до предела сжатые сроки. Страна напрягла все силы и сделала то, что раньше казалось просто невозможным. В суровых условиях, когда развал экономики представлялся неизбежным, плановая система организации хозяйствования не только предотвратила это, но и обеспечила быстрый рост выпуска продукции для фронта, поддерживая зачастую пусть даже минимальный уровень жизни населения.

Исключительно важную роль в деле перестройки экономики сыграл мобилизационный народнохозяйственный план на третий квартал 1941 г. Он был принят и введен в действие уже через неделю после начала войны. И резко сократил время перехода от мирного состояния к военному. В середине августа 1941 г. был утвержден военно-хозяйственный план на четвертый квартал 1941 г. и на 1942 г. для районов Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии. Причем в плане достигалась сбалансированность как по выпуску конкретной продукции, так и важнейшим пропорциям производства.

Для более четкой специализации и оперативного управления предприятиями с началом войны были созданы новые наркоматы — танковой промышленности, минометного вооружения и др. Наркоматы возглавляли инициативные, опытные государственные, хозяйственные работники: А. И. Шахурин (Наркомат авиационной промышленности), В. А. Малышев (Наркомат танковой промышленности), Д. Ф. Устинов (Наркомат вооружения), П. И. Паршин (Наркомат минометного вооружения), Б. Л. Ванников (Наркомат боеприпасов), И. Ф. Тевосян (Наркомат черной металлургии), А. И. Ефремов (Наркомат станкостроительной промышленности), В. В. Вахрушев (Наркомат угольной промышленности).

Перевод экономики на военный лад сопровождался укреплением трудовой дисциплины, организационными и политическими мерами, направленными на мобилизацию всех сил страны для обеспечения фронта. Введено было строгое нормирование потребления населением продуктов с применением карточной системы. Обеспечением посредством карточек было охвачено 72 млн. человек населения в тылу. Установлен был для взрослых 11-часовой рабочий день при 6 рабочих днях в неделю, введен институт уполномоченных ГКО, наркоматов, на крупных предприятиях стали работать парторги ЦК, обкомов и горкомов партии. В деревне созданы политотделы МТС и совхозов. Многим директорам заводов присваивались воинские звания.

Эти меры подкреплялись созданием условий для того, чтобы широко проявлялись инициатива, почин и самостоятельность действий хозяйственников при повышении их ответственности. Так, 1 июля СНК СССР принял постановление «О расширении прав народных комиссаров в условиях военного времени». По существу, СНК СССР этим делегировал значительную часть своей компетенции низовым звеньям управления, включая руководителей крупных предприятий и главных конструкторов. Значительно упорядочивалась структура хозяйственного управления: от нее решительно отсекалось все лишнее, функции концентрировались, штаты резко сокращались, параллелизм устранялся, ответственность персонифицировалась. Волокита и бюрократизм, проявившиеся в мирное время, уступили место быстрым, четким и самостоятельным решениям.

Проценты, рапорты, цифры объемов отступили. На первый план вышла конкретная конечная продукция: танки, пушки, истребители, минометы и др. ее качество — надежность и безотказность. На предприятиях использовалась военная приемка, которая и олицетворяла собой конечного потребителя. Именно нацеленность на конечную продукцию, необходимую для фронта, ясные и прямые связи между производством и заказчиком были характерны для народного хозяйства военного времени.

И это сразу дало результат в виде быстрого подъема производительности труда, наращивания выпуска военной техники, вооружения и боеприпасов.

Если в первом полугодии 1941 г. было произведено 792 тыс. винтовок и карабинов, 11 тыс. автоматов и пулеметов, 15,6 тыс. орудий и минометов, 1800 танков и 3950 боевых самолетов, то во втором полугодии — свыше 1,0 млн. винтовок и карабинов, 143 тыс. автоматов и пулеметов, 55 тыс. орудий и минометов, 4740 танков, 8 тыс. боевых самолетов, 40 млн. снарядов и мин.

В течение первых месяцев войны трудным испытанием организации работы в тылу явилась эвакуация промышленных предприятий и их работников на Восток, примерно за три месяца было перебазировано 1360 крупных, главным образом военных, предприятий, а всего с июля по декабрь 1941 г. — 2593 предприятия и 18 млн. чел. Не случайно маршал Г. К. Жуков, оценивая гигантское перебазирование промышленных предприятий на Восток страны, приравнял эту «невиданную по размеру операцию» к величайшим битвам второй мировой войны. В восточные районы удалось вывезти, кроме оборудования предприятий, сотни тысяч тонн сырья, продовольствия, материальные и культурные ценности. Это был беспрецедентный по своим масштабам и срокам перевод промышленности, переселения трудящихся из западных районов на Восток в тяжелейших условиях войны. Потоком шли на Восток эшелоны с промышленным оборудованием, рабочими, инженерами, членами их семей. Они разгружались порой в открытом поле. Люди преодолевали трудности, и в невиданно короткие сроки, в среднем за 1,5—2 месяца, эвакуированные предприятия вступали в строй. Это сопровождалось исключительно высокой организованностью и оперативностью. Например, последний эшелон с оборудованием Харьковского тракторного завода прибыл в Челябинск 19 октября 1941 г., а 8 декабря первые 25 танков Т-34, собранные из привезенных агрегатов и узлов, были отправлены на фронт.

Благодаря мерам, принятым по превращению страны в «единый лагерь», с декабря 1941 г. прекратилось падение объема промышленного производства, вызванное разрушением производственных объектов, потерей территории, трудовых ресурсов, демонтажем предприятий с целью их перебазирования, нарушением рабочего ритма, а начиная с марта 1942 г. развитие пошло вверх. Причем уже в апреле 1942 г. выпуск военной продукции достиг уровня, зафиксированного в начале войны на всей территории.

К середине 1942 г. была полностью завершена военная перестройка народного хозяйства. Утраченные в первый год войны производственные мощности военной промышленности были не только восполнены, но и значительно превзойдены. Быстрыми темпами росло военное производство в восточных районах страны.

Выпуск военной техники на Урале в 1942 г. вырос по сравнению с 1940 г. в 5 раз, а в 1943 г. — в 6 раз. Западная Сибирь уже в 1942 г. дала фронту вооружения в 27 раз, а в 1943 г. — в 34 раза больше 1940 года. В 1942 г. фронт получил 21,7 тыс. боевых самолетов, 127,1 тыс. артиллерийских орудий.

В результате героических усилий рабочего класса производство самолетов только за один год, с декабря 1941 г., выросло в 3 раза, автоматов — в 5,4 раза, танков почти в 2 раза (несмотря на прекращение производства танков на Харьковском заводе и на Сталинградском заводе в связи с их эвакуацией); изготовление танковых дизелей за то же время (декабрь 1941 — декабрь 1942 г.) увеличилось в 4,6 раза. К этому времени, несмотря на потери людей и материальных ресурсов, соотношение военного потенциала складывалось в нашу пользу. По итогам 1942 г. Советский Союз превзошел Германию по выпуску боевых самоле-

тов в 1,9 раза, танков — в 3,9, артиллерийских орудий — в 3,1, винтовок и карабинов — в 3 раза. Именно такого рода результаты создавали предпосылки для перелома в войне, крепили веру армии и народа в достижение победы.

В сложных условиях, особенно в первые два года войны, работали труженики сельского хозяйства. Если в 1940 г. было собрано 95,6 млн. т зерна, то в 1941 г. — 55,9, а в 1942 г. — лишь 29,7 млн. т. Поэтому расширение посевных площадей в восточных районах в 1942 г. на 5 млн. га имело огромное значение для обеспечения страны продовольствием.

В 1943 г. было собрано 28,9 млн. т зерна, в 1944 г. — 49,1 млн. т, в 1945 г. — 47,3 млн. т. Планы гитлеровцев задушить тыл и фронт голодом провалились. Несмотря на все трудности — нехватку людей и машин, — колхозы и совхозы всеми силами обеспечивали в годы войны армию и население продовольствием, а промышленность — сырьем.

1943 г. в развитии военной экономики СССР был отмечен коренным переломом. Увеличилось производство продукции во всех решающих отраслях. Валовая продукция промышленности возросла в 1943 г. против 1942 г. на 17%, а общий ее объем достиг 90% довоенного уровня. Продукция машиностроения выросла по сравнению с 1940 г. более чем в 1,4, а в 1944 г. почти в 1,6 раза. Продукция наркоматов, производящих военную технику, возросла в эти годы соответственно в 2,2 и 2,6 раза.

В 1944 г. общий объем промышленной продукции превысил довоенный уровень на 3%. Производство основных видов военной техники в СССР составило по годам (табл. 1).

В Германии в 1944 г. было выпущено 18,3 тыс. танков и САУ, 148,2 тыс. орудий всех видов и калибров, 34,1 тыс. боевых самолетов.

Поставленная на производственный поток первоклассная боевая техника, превосходившая по своим тактико-техническим данным немецкую, преобладание в количественном и качественном насыщении ею советских войск позволили в корне изменить масштаб и стратегию боевых операций, прочно захватить стратегическую инициативу на всей протяженности театра военных действий, от Черного до Баренцева моря.

1944 г. явился годом решающих сражений Красной Армии, вошедших в историю Великой Отечественной войны как десять ударов по войскам фашистских захватчиков на огромном фронте протяженностью свыше 3000 км, завершившихся изгнанием врага с территории нашей страны.

Столь мощные удары в разных районах фронта советским командованием готовились с таким расчетом, чтобы противник, вынужденный маневрировать силами и средствами, не успевал увеличивать плотность войск именно там, где был намечен очередной удар. Весь стратегический

Таблица 1

(тыс. шт.)

	1941 г. июль— декабрь	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г. январь— август	Всего за июль— август 1945 г.
Винтовки и карабины	1 567,1	4 049,0	3 436,2	2 450,0	637,0	12 139,3
Пистолеты-пулеметы	89,7	1 506,4	2 023,6	1 970,8	583,4	6 173,9
Пулеметы всех видов	106,2	356,1	458,5	439,1	156,0	1 515,9
Орудия всех видов и калиб- ров	30,2	127,1	130,3	122,4	72,2	482,2
Минометы	42,3	230,0	69,4	7,1	3,0	351,8
Танки и САУ	4,8	24,4	24,1	29,0	20,5	102,8
Самолеты боевые	8,2	21,7	29,9	33,2	19,1	112,1
Корабли боевые основных классов, ед.	35	15	14	4	2	70

замысел опирался на высокую маневренность войск, техники и народного хозяйства.

Первый удар был нанесен под Ленинградом в январе 1944 г., и город-герой и Ленинградская область были избавлены от вражеской блокады. Блокада Ленинграда началась 8 сентября 1941 г. Первый успешный прорыв ее кольца был совершен 18 января 1943 г., а 27 января 1944 г. блокада полностью снята.

Второй удар проведен в феврале — марте 1944 г. в районе Корсунь-Шевченковского и на Южном Буге. Итогом явилось освобождение всей правобережной Украины. Враг был отброшен за верховья Днестра.

В апреле — мае 1944 г. был нанесен третий удар в районе Одессы и Крыма. От гитлеровской оккупации освобождены Одесса, Севастополь и весь Крымский полуостров.

Четвертый удар — на Карельском перешейке и в районе Ладожского и Онежского озер — привел к освобождению большей части Карелии.

В июне — августе 1944 г. в Белоруссии была проведена наступательная операция «Багратион», в итоге которой наши войска окружили и уничтожили восточнее Минска 20 немецких дивизий и завершили освобождение Белоруссии.

Шестой удар нанесен в районе Львова. В результате наши войска получили благоприятные условия для наступления на Берлин.

Седьмой удар привел к окружению и разгрому 22 вражеских дивизий в районе Кишинева — Ясс и освобождению Молдавии.

Восьмой удар был нанесен осенью 1944 г. в Прибалтике. Остатки разгромленных немецких армий оказались прижатыми к Балтийскому морю в Курляндии.

В октябре — декабре 1944 г. осуществили девятый удар, заставивший капитулировать Венгрию — последнего союзника фашистской Германии.

Десятый удар советских войск состоялся в октябре 1944 г. в Заполярье, он завершился разгромом и изгнанием немецко-фашистских войск из Советского Заполярья и северо-восточной части Норвегии.

В результате этих ударов Советская Армия восстановила Государственную границу СССР, наша земля была полностью очищена от фашистских оккупантов. Развалился военно-политический блок фашистских государств. 24 августа 1944 г. вышла из войны Румыния, 4 сентября — Финляндия, 10 сентября — Болгария, 28 декабря — Венгрия. Бывшие союзники Германии не только порвали с фашистской Германией, но и объявили ей войну.

6 июня 1944 г. англо-американские войска высадились на северном побережье Франции в Нормандии. Второй фронт в Европе наконец-то был открыт.

Три долгих года войны (с 22 июня 1941 г. по 6 июня 1944 г.) наша армия вела войну с немецкими войсками фактически один на один, без серьезной военной поддержки со стороны союзников. Президент США Ф. Рузвельт, подчеркивая это положение, писал: «Мы никогда не считали, что поставки по ленд-лизу явились главным фактором в поражении Германии. Этого добились воины Красной Армии, которые отдавали жизнь и кровь в борьбе с общим врагом... С точки зрения большой стратегии ясен простой факт — русские убивают больше солдат противника и уничтожают больше его вооружения и снаряжения, чем остальные 25 государств объединенных наций, вместе взятых».

25 апреля 1945 г. Красная Армия и войска союзников мощными ударами с востока и запада рассекли фронт немецких войск в центре Германии и соединились на Эльбе в районе города Торгау. Дни фашистской Германии были сочтены. 30 апреля в 14 ч. 25 мин. над Рейхстагом было водружено Знамя Победы. 2 мая Берлин пал. Поздним вечером 8 мая 1945 г. представители Верховного Главнокомандования со-

ветских и союзных войск приняли в Берлине акт о безоговорочной капитуляции Германии. Великая победа пришла на 1418-й день ожесточенных боев. Отечественная война завершилась полной победой. Период войны в Европе закончился.

Если во всех войнах XVII в. погибло 3 млн. чел., в войнах XVIII в. — 5,5 млн., в XIX в. — почти 6 млн. чел., то в XX в. первая мировая война — эта кровавая бойня — унесла жизни 10 млн. убитых и искалечила 20 млн. людей. Вторая мировая война унесла 55 млн. человеческих жизней и искалечила 90 млн. чел. Военные расходы на уничтожение одного неприятельского солдата, по данным голландского экономиста и военного историка Б. Варнолингена, составили: в эпоху Гая Юлия Цезаря — 4,3 французского франка, в эпоху Наполеона — 17 250, во время первой мировой войны — 120 750 и во вторую мировую войну — 287 599 франков.

Из 13,6 млн. чел. общих людских потерь Германии во второй мировой войне, включая раненых и пропавших без вести, 73% пришлось на Восточный фронт.

Но и наша страна потеряла людей больше других стран — более 20 млн. чел. Гитлеровская Германия и ее союзники в годы войны нанесли народному хозяйству СССР огромный материальный ущерб. Миллионы советских людей были истреблены в оккупированных районах, около 7 млн. чел. было отправлено в Германию в концентрационные лагеря и на принудительные работы. Было разрушено и разграблено 31 850 заводов, 1876 совхозов, 2890 машинно-тракторных станций, 98 тыс. колхозов, 4100 железнодорожных станций, повреждено 15 800 паровозов, 428 тыс. железнодорожных вагонов, 13 тыс. железнодорожных мостов.

Массированному уничтожению подвергся жилой фонд населения СССР. Из 2,5 млн. жилых домов в городах, подвергшихся оккупации, разрушено 1,2 млн. домов — более 50% жилой площади этих городов. Из 12 млн. жилых домов в сельской местности было разрушено 3,5 млн. Везде, где ступала нога фашиста, оставались развалины, пепелища, кровь. Захватчики лишили крова около 25 млн. советских людей. Они разрушили и сожгли 70 тыс. сел и деревень, 1710 городов.

Огромный урон в оккупированных районах страны был нанесен сельскому хозяйству. Истреблено и угнано в Германию 7 млн. лошадей, 17 млн. голов крупного рогатого скота, 20 млн. овец и коз.

Общие потери, причиненные народному хозяйству СССР и советским гражданам, составили 679 млрд. руб.

Ни одна страна за всю свою прошлую историю и во второй мировой войне не имела таких колоссальных потерь и разрушений.

Тем не менее советский народ под руководством Коммунистической партии совершил в тылу трудовой подвиг, благодаря которому экономика страны в годы войны оказалась несравненно более жизнеспособной, чем экономика вражеских государств (табл. 2).

Это главный вывод из экономического противоборства экономики гитлеровской Германии, эксплуатировавшей потенциал захваченных ею стран, и социалистической экономики Советского Союза.

Общий расход материальных средств за годы войны исчисляется колоссальными цифрами: свыше 10 млн. т боеприпасов, более 16 млн. т горючего, около 40 млн. т продовольствия и фуража, 15 млн. т другого имущества.

Особенностью советской экономики являлась ее технико-экономическая независимость как народнохозяйственного и оборонного комплекса.

Военная помощь США и Великобритании Советскому Союзу за годы войны, конечно, была необходима, но не она остановила фашизм.

Фашизм был остановлен Советской Армией, экономической мощью СССР, трудовыми усилиями русского народа и всех народов нашей страны. Что касается помощи союзников, то за годы войны она составила

Таблица 2

Основные показатели развития экономики СССР в годы войны
(1940 г.— 100 %)

	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Национальный доход	92	66	74	88	83
Вся промышленная продукция . . .	98	77	90	103	91
Продукция машиностроения	111	119	142	188	129
Основные производственные фонды (без скота) в народном хозяйстве	72	68	76	84	88
Капитальные вложения	86	53	53	72	88
Грузооборот всех видов транспорта	92	53	61	71	76
Средняя численность рабочих и служащих	88	59	62	76	87
Валовая продукция сельского хозяйства	62	38	37	54	60
Розничный товарооборот государственной и кооперативной торговли .	84	34	32	37	43

10 млрд. долл.— около 4% объема валовой продукции военной промышленности СССР. Следовательно, подобно тому, как Советская Армия в длительной и тяжелой борьбе один на один одержала военную победу в своем единоборстве с гитлеровской Германией, так и труженики советского тыла одержали экономическую победу над врагом.

Боевая мощь, маневренность и сила ударов советских войск на фронтах Великой Отечественной войны во многом зависели от правильного и бесперебойного функционирования системы военных сообщений. Своей четкой и бесперебойной работой она обеспечивала своевременный подвоз на фронт вооружения, боеприпасов, продовольствия, обмундирования. За годы войны все виды транспорта выполнили такой объем воинских перевозок, какого до этого не знала история. Вклад каждого вида транспорта в перевозки войск и материальных средств по грузообороту составил: железнодорожного — 68,5%, автомобильного — 22, водного (морской и речной) — 9,3, воздушного — 0,2%.

Решающую роль сыграл железнодорожный транспорт. По железным дорогам на фронт проследовало 413 тыс. поездов (около 20 млн. вагонов), из них 85% снабженческих. Так, только в район Курской битвы проследовало 3572 железнодорожных эшелона (171 789 вагонов) с войсками, танками, артиллерией и другой боевой техникой и около 150 тыс. вагонов с боеприпасами.

Для переброски войск и грузов в ходе подготовки операции «Багратион» потребовалось 440 тыс. вагонов, что составляло две трети тогдашнего подвижного парка страны.

Перевозки всех воинских соединений проходили в обстановке определенной секретности, что во многом определяло внезапность, а значит — успех дела. Обычно три-четыре эшелона двигались один за другим, с малым интервалом и невиданной по тем временам скоростью — до девяносто километров в сутки.

По водным путям было перевезено свыше 4 млн. чел., более 10 тыс. орудий, 4,5 тыс. танков, большое количество материальных средств. Автомобильный транспорт доставил 625 млн. т различных грузов, авиация перевезла свыше 2 млн. военнослужащих.

За время войны было проложено 10 тыс. км новых железнодорожных линий, 5 тыс. км автомобильных трасс, восстановлено 117 тыс. км железных дорог, 16 тыс. мостов, 2355 водокачек, свыше 729 тыс. км линий связи, построены сотни аэродромов, тысячи станций и разъездов.

Деятельность тыла, бесперебойное поступление на фронт вооружения и боеприпасов, продовольствия и обмундирования, поддержание жизни населения страны явились результатом четкой организации экономики, управления всеми отраслями народного хозяйства. Хотя военная обстановка и отражалась на стиле хозяйствования, тем не менее нормой было широкое использование экономических показателей работы предприятий и стимулов, открывавших простор научно-техническому прогрессу, повышению качества продукции и снижению ее себестоимости.

Именно массовое освоение достижений научно-технического прогресса обеспечивало колоссальный рост производительности труда на оборонных заводах. За два года с 1941 по 1943 г. затраты труда уменьшились: на производстве самолетов ИЛ-4 с 20 тыс. чел.-ч. до 12,5 тыс. чел.-ч., самолетов ПЕ-2 с 25,3 до 13,2, артиллерийских орудий калибра 76 мм — с 1,2 до 0,8, арт. орудий калибра 122 мм — с 2,2 до 0,6, танков Т-34 — с 8,0 до 3,7, танков КВ — с 14, 6 до 7,2 тыс. чел.-ч. Это и позволило резко увеличить производство военной техники при меньших материальных затратах.

По данным наркома финансов А. Г. Зверева, 70% государственных доходов в годы войны поступило от социалистического хозяйства, около 15% дали налоги с населения и остальное — добровольные взносы: в фонд обороны, подписка и государственные займы и т. д. В годы войны советская промышленность неуклонно снижала цены на поставляемые в действующую армию вооружение и технику.

Снижение издержек повышало экономичность производства.

В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что «одного энтузиазма для ведения войны недостаточно, необходимо опираться на науку». И наука выручала и танкистов, и летчиков, и артиллеристов. Уже на второй день войны — 23 июня 1941 г. состоялось расширенное заседание Президиума Академии наук СССР, на котором было принято решение начать перестройку научно-исследовательских работ академических учреждений в интересах укрепления обороны. Работы ученых были сконцентрированы по трем направлениям:

- разработка проблем, имеющих оборонное значение, поиски и конструирование средств обороны;

- научная помощь промышленности в улучшении и освоении производства новой боевой техники;

- мобилизация и сбережение сырьевых ресурсов страны, замена дефицитных материалов местным сырьем.

Важную роль в теоретических исследованиях и практических приложениях для нужд фронта и заводов сыграли комплексные оборонные комиссии, действовавшие при Академии наук в годы войны, такие, как Комиссия по научно-техническим и военно-морским вопросам, Комиссия по геолого-географическому обслуживанию армии, Комиссия по мобилизации ресурсов Поволжья и др.

29 августа 1941 г. была создана Комиссия Академии наук СССР по мобилизации ресурсов Урала на нужды обороны. Председателем Комиссии стал президент Академии наук СССР В. Л. Комаров. В работе Комиссии принимали участие академики И. П. Бардин, А. А. Байков, В. А. Обручев, С. Г. Струмилин, Н. Н. Семенов, А. Е. Ферсман, С. А. Чаплыгин и др. Были приняты решительные меры к расширению сырьевых ресурсов и производственных мощностей промышленности. Работы ученых позволили дополнительно получить уголь, нефть, железо, марганец,

вольфрам, алюминий, медь и другие виды стратегического сырья в восточных районах страны.

В годы войны шло постоянное, ежедневное, непрекращающееся состояние умов конструкторов воюющих стран. Немецкие конструкторы танков за время войны трижды меняли конструкцию своих танков, но им так и не удалось достигнуть боевой мощи и маневренности советских танков. Знаменитый танк Т-34 был признан шедевром мирового танкостроения. Он имел длинноствольную 76 мм пушку и два пулемета калибра 7,62 мм. Его простота конструкции и технологичность удачно сочетались с огневой мощью, броневой защитой и высокой проходимостью. Снаряды, выпущенные из пушки Т-34, пробивали броню немецких танков с 1500—2000 м, тогда как немецкие танки могли поражать наши с расстояния не более 500 м, да и то лишь в том случае, если снаряды попадали в бортовую или кормовую части танка Т-34, причем эффективность прямых попаданий в него снижалась еще и за счет большого наклона его броневых плит. Танк Т-34 был самым массовым танком войны. Его выпуск в 1943 г. составлял 79% всего отечественного производства танков, а в 1944 г. — 86%.

В 1942 г. Красная Армия получила на вооружение первые самоходно-артиллерийские установки САУ-76 и САУ-122 на базе танка Т-34. Затем были модернизированы танки Т-34 и КВ — их вооружили 85 мм пушкой. В 1943 г. появились самоходно-артиллерийские установки САУ-152 с пушкой 152 мм. Именно эти «стальные крепости» встретили лавину фашистских танков на Курской дуге. Их почти пятидесятикилограммовые снаряды пробивали броню немецких «тигров», «пантер» и «фердинандов» и срывали с них бронированные башни. Солдаты ласково называли эти САУ «зверобоями».

Новый тяжелый танк «ИС» был испытан в Корсунь-Шевченковской битве, после чего фашистское командование издало приказ: «Избегать встречных боев с танком «ИС» и стрелять по нему только из засад и укрытий». В тяжелом советском танке «ИС» совмещалось несовместимое: он был легче на 10 т немецкого «Тигра» и в полтора раза мощнее его. Танк «ИС» завоевал славу наиболее мощного танка войны. Он имел 122 мм пушку, толщина брони составляла 120—90 мм, вес — 46 т. Двигатель мощностью 520 л. с. позволял ему развивать скорость 37 км/час и на одной заправке танк мог пройти 150 км.

Летчики-фронтовики высоко оценивали и пикирующий бомбардировщик ТУ-2, появившийся на фронте в 1942 г. Он был создан в конструкторском бюро, руководимом А. Н. Туполевым. На вооружении самолета были две 20 мм пушки ШВАК, пять 12,7 мм пулеметов, бомбовая нагрузка достигала 3 т, два двигателя АШ-82ФН мощностью по 1850 л. с. позволяли бомбардировщику развивать скорость до 550 км/час.

Во время войны наши истребители были оснащены стрелково-пушечным вооружением конструкции Б. Г. Шпитального. Его 12,7 мм пулемет ШКАС имел скорострельность 3000 выстрелов в минуту. Достичь такой скорострельности зарубежным конструкторам удалось лишь многие годы спустя, 20 мм автоматические пушки ШВАК устанавливались на истребители конструкции Лавочкина, и Яковлева, на бомбардировщиках ТУ-2 и ПЕ-8, на штурмовиках ИЛ-2.

Военно-воздушные силы Советской Армии за годы войны совершили 3124 тыс. боевых самолетов-вылетов и уничтожили в воздухе 57 тыс. вражеских самолетов и сбросили на объекты противника 30,5 млн. бомб различного калибра.

Энтузиазм, наука, высокий уровень организации производства — вот «три кита», на которых основывался успех тыла. В те дни каждый рабочий, техник, инженер что-то улучшал, вносил новое. Только в 1944 г. рабочими и инженерно-техническими работниками промышленности, строительства и транспорта было внесено 347 тыс. рационализаторских

предложений, а в 1945 г. — 387 тыс. Результаты рационализации производства, совершенствование конструкций и технологий проявлялись прежде всего в экономии металла, других видов материалов, а также топлива и электроэнергии. Рост производства вооружения достигался, естественно, в первую очередь за счет переключения народнохозяйственных ресурсов на военные нужды. При сочетании этих факторов нашей стране удалось достичь более результативного использования, например, металла. Объем производства стали в 1942 — 1944 гг. в СССР был на 70% меньше, чем в Германии и оккупированных ею странах, но благодаря лучшему использованию металла, высокой технологичности конструкций мы производили больше танков и орудий на 40%, самолетов — на 30%, винтовок — на 90%, минометов — на 400%. Нормы расхода металла в основном производстве военного машиностроения в 1944 г. стали на 30—35% меньше, чем были в 1941 г.

Итак, социалистическая, планомерно организованная система хозяйства обеспечила высокую продуктивность военной экономики, и в первую очередь оборонных отраслей. Об этом говорят и такие данные: за три года — с мая 1942 г. по май 1945 г. — производительность труда в промышленности возросла на 43%, а в оборонных отраслях — в 3 раза.

Следовательно, не экстенсивностью превзошло наше народное хозяйство фашистскую экономику, а более высокой производительностью и организацией труда, основанной на плановом управлении.

Эту, экономическую, сторону достижения недопустимо умалять. И в условиях сложившейся в настоящее время экономической ситуации необходимо внимательно проанализировать, выявить наиболее рациональное и приемлемое из тех организационно-экономических методов, которые обеспечили ускорение научно-технического прогресса, рост качества продукции и снижение ее издержек в суровые годы Отечественной войны и содержат активное, творческое начало, значение которого остается непреходящим.

Обобщая сказанное, следует подчеркнуть основной вывод.

Священная война народов Советского Союза против гитлеровской Германии не была просто войной между двумя странами. В этой войне прежде всего одна общественная система противостояла другой, притом вопрос ставился однозначно — или победит строй, воплощающий прогресс человеческого общества, или над миром на долгие годы воцарится мрачная тень фашизма. Победа нашей страны в этом тяжелейшем сражении стала убедительным доказательством преимуществ социалистических жизненных ценностей, организации экономики, показала огромные резервы, которыми обладает новый общественный строй и которые следует разумно мобилизовать и использовать.

ЦЕНТРАЛИЗОВАННОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ И РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭКОНОМИКИ*

В. Смирнов,

И. Блинов,

А. Виссарионов,

С. Синельников,

кандидаты экон. наук

Народ глубоко разочарован административно-командными формами централизованного управления. Поскольку другие формы практически не применялись, то зачастую любые представления о централизме относятся к антиперестроечным. Между тем централизованное управление присуще всякому цивилизованному обществу. Поэтому для нашей страны в настоящее время особо актуальным является вопрос о сущности централизма в предстоящем переходном периоде.

Как известно, используемые в хозяйственной практике методы централизованного планирования и регулирования экономики с определенной степенью условности могут быть разделены на прямые и косвенные.

Прямые методы управления базируются на властно-распорядительских отношениях и сводятся к тому, что центр стремится определить состояние, образ действий и результаты хозяйственной деятельности экономических агентов (в том числе предприятий). Они ограничивают деятельность предприятий, имеют характер неэкономического принуждения, административной обязательности. Прямые методы различаются по степени адресности и детальности: наименьшую имеют методы, реализуемые в форме установления общего хозяйственного законодательства (оно определяет универсальные и групповые нормы поведения), обязательные для всех участников процесса хозяйствования и создающие необходимые правовые условия для нормального функционирования экономики. По мере усиления адресности они превращаются в командно-административные, представляющие собой наиболее нерациональную форму руководства.

Косвенные методы управления основаны на том, что центр прямо не ограничивает самостоятельности предприятий в принятии хозяйственных решений, а достигает намеченных целей, создавая экономическую заинтересованность в одних и незаинтересованность в других действиях. Воздействие косвенных методов на экономику будет более успешным, если они будут применяться так, чтобы формировать общие, а не индивидуальные условия хозяйствования. Детализация и адресность косвенных рычагов (так же, впрочем, как и прямых, если перейти разумные границы) создает почву для волюнтаризма и превращения их в средство оперативного управления производством. При этом становится неизбежной потеря стабильности системы экономических рычагов, прежде всего нормативов, и применение при ее формировании принципа от достигнутого уровня и т. д.

* В порядке обсуждения.

Функции централизованного планирования и регулирования экономики на современном этапе

В условиях расширения и углубления экономической реформы централизованное управление народным хозяйством должно обеспечить выполнение следующих важнейших функций: институциональное оформление верховными законодательными органами процесса развития новых производственных отношений; осуществление информационно-прогнозной, аналитической и целеполагающей деятельности; формирование макроструктуры и поддержание экономического равновесия; социальную направленность развития экономической системы и социальную защиту населения.

Институциональная функция состоит в правовом и организационном закреплении законодательными органами новых производственных отношений, установлении норм и правил хозяйствования, формировании соответствующей организационной структуры управления. Прежде всего необходимо оформление правового статуса и разграничение различных форм собственности, создание для них единообразных условий хозяйствования, четкое определение отношений владения, присвоения и распоряательства, правил создания и ликвидации предприятий. Требуется сформировать правовой и экономический механизм, регулирующий соотношение государственных, арендных, кооперативных, индивидуальных, смешанных предприятий, разработать условия, при которых каждая форма собственности функционировала бы в той сфере, где она принесит наибольший экономический эффект.

В этой работе надо учитывать, в какой степени использование различных форм собственности носит общественный характер, с какой социально-экономической эффективностью они функционируют. Общественный характер использования всех форм собственности (каждой в присущей ей области) должен обеспечиваться отлаженным экономическим и политическим механизмом. Чем в большей степени управление хозяйством и его функционирование осуществляется исходя из интересов народа, тем в большей мере собственность носит социалистический общественный характер. Обеспечить такое функционирование экономики можно только путем развития подлинного народного самоуправления на всех уровнях хозяйственной и политической иерархии, создания действенного общественного контроля за демократически формируемыми органами, осуществляющими управление «от имени народа».

К неотложным мерам следует отнести приведение организационных структур управления в соответствие с требованиями конкурентной экономики, ликвидацию многозвенности, параллельности и дублирования в государственных органах управления отраслями, сокращение, укрупнение отраслевых министерств и изменение их функций (прежде всего упразднение их властно-распорядительских хозяйственных функций).

Необходимо также сформировать соответствующие **регулируемому рынку** экономические институты, которые бы обслуживали функционирование взаимосвязанной системы рынков продукции, ресурсов, информации, инвестиций и ценных бумаг. По мере развития бесфондовой и безлимитной реализации продукции нарастает потребность в сети товарных бирж, разработке правил и принципов их функционирования, изменении структуры и статуса органов материально-технического снабжения. Для обеспечения общесоюзного оборота ценных бумаг, без чего не смогут развиваться новые формы предпринимательства, нужно в настоящее время более энергично заняться построением общесоюзной сети фондовых бирж.

Институциональная деятельность центральных органов включает отношения со смешанными предприятиями, регулирование экономиче-

ской интеграции отечественных предприятий в систему мирового рынка, переход к конвертируемости рубля. Что касается конвертируемости, то в современных условиях (инфляция, дефицит, низкое качество продукции) переход к ней во избежание возникновения острых социальных проблем целесообразно осуществлять постепенно. Сначала стоило бы ввести промежуточную валюту, например, инвалютный рубль, который на внутреннем рынке поэтапно заменял обычный рубль, остальные виды денег. В перспективе обмен свободно конвертируемого рубля должен централизованно регулироваться на основе плавающего курса, определяемого путем ежедневной котировки на валютной бирже, государственной политикой учетных ставок и масштабами валютных операций на открытом рынке. Кроме того, государство может поддерживать курс рубля на необходимом уровне посредством обязательств коммерческих и специальных банков хранить определенный процент привлеченных средств на счетах Государственного банка СССР (политика обязательных резервов).

В институциональную деятельность входит также экономизация отношений, имеющих важное значение для сбалансированного и эффективного развития экономики в целом, но не обладающих адекватной экономической формой. Придавая данным отношениям товарно-денежную форму, центр получает возможность целенаправленно воздействовать на них в целях достижения социально-экономического и экологического равновесия. Так, в настоящее время необходима экономизация распределения и потребления всех видов ресурсов, получаемых эффектов или ущерба от их использования. В первую очередь это введение платы за ресурсы (материальные, трудовые, природные, финансовые, информационные), компенсаций за нанесение различного вида ущерба, загрязнение окружающей среды и т. п. На переходном этапе остро стоит проблема выделения и изъятия дифференциального рентного дохода, возникающего не в результате усилий хозяйственного субъекта, а путем эксплуатации более эффективных и дефицитных производственных, природных и других ресурсов.

Информационно-прогнозная, аналитическая и целеполагающая деятельность центральных хозяйственных органов заключается в том, что они определяют приоритетные качественные цели экономической политики на базе анализа функционирования народного хозяйства и разработки вариантных макроэкономических прогнозов динамики важнейших материально-финансовых пропорций, направлений структурных сдвигов и научно-технического прогресса, движения основных факторов производства по формам собственности и сферам экономики, отраслям и территориям, тенденций в изменении образа жизни, доходов, уровней и соотношений цен на важнейшие виды товаров и услуг, конъюнктуры внутреннего и мирового рынка и т. п. Данная информация доводится до органов отраслевого и территориального управления и предприятия, однако носит исключительно справочный характер и не ограничивает их самостоятельности (прежде всего предприятий) в области планирования и текущей хозяйственной деятельности. Она должна служить для обеспечения принятия предприятиями обоснованных решений.

Помимо информационного значения, индикативное планирование выполняет координационную роль, т. е. предполагает частичное согласование деятельности центра, отраслей и предприятий в процессе самостоятельной разработки последними их производственной программы. Поэтому народнохозяйственный план должен носить гибкий и открытый характер, что особенно важно в период значительных структурных сдвигов, кризисных явлений, неустойчивой конъюнктуры, непредсказуемости НТП. По мере развития реформы он будет утрачивать свою директивность в части адресных заданий. За рамками госзаказа народнохозяйст-

венный план станет суммой планов предприятий, которые они самостоятельно пересматривают в соответствии с хозяйственной конъюнктурой. В нем целесообразно давать прогнозную оценку движения важнейших пропорций и параметров социально-экономического развития, с тем чтобы министерства, ведомства и предприятия были заранее информированы об основных направлениях развития народного хозяйства.

Пятилетний план, помимо индикативной части, включает в себя директивную часть, к которой в первую очередь относится бюджетный план (его следует строить по принципу скользящей пятилетки — ежегодно подвергать уточняющей корректировке и сдвигать вперед на один год), параметры налоговой системы, ставки амортизации, банковский процент рефинансирования, разработки по госзаказу (состав, доли и квоты госзаказа по видам продукции, централизованно устанавливаемые цены на продукцию госзаказа) и др.

В рамках такой системы планирования предпочтительна рассинхронизация планов различных уровней, отраслей и предприятий. Самостоятельно формируемые планы предприятий разрабатываются на срок, в который реализуются цели каждого данного вида производства. Такие сроки дифференцируются по отраслям и сферам народного хозяйства в связи с их объективной спецификой.

Формирование макроструктуры и поддержание сбалансированности народного хозяйства, обеспечивающие социально-экономическое и экологическое равновесие общественного развития, должны осуществляться как прямыми (в основном законодательного характера), так и косвенными методами централизованного управления (финансово-кредитная, налоговая политика, регулирование цен и др.). Причем в современных условиях роль финансовых методов, бюджетной политики значительно усиливается, в том числе и в области регулирования макроэкономических пропорций.

Представляется, что воздействия на структуру экономики, необходимые с точки зрения правительства, будут осуществляться в бюджетной политике в основном не через прямые инвестиции за счет безвозмездных централизованных ассигнований, а посредством создания развитой системы налоговых льгот, государственных гарантий долгосрочных кредитных вложений, дотаций для возмещения разницы в закупочной и реализационной цене (в рамках государственных закупок продукции), компенсаций определенной доли издержек в низкорентабельных инфраструктуроёмких и наукоемких отраслях, субсидий на мероприятия, связанные с хозяйственным риском и возможными убытками при развертывании производства новой прогрессивной продукции, льготных условий привлечения иностранного капитала (экспортные премии, субсидирование процентных ставок по экспортным кредитам) и т. д. При этом задачей органов бюджетного планирования является выбор наиболее рациональных конкретных форм воздействия на экономические структуры.

В ходе бюджетного планирования при определении объемов и направлений централизованных вложений в рамках, установленных в соответствии с бюджетным законодательством, следует предусматривать выделение средств для формирования производственного потенциала и социальной инфраструктуры на отстающих территориях и регионах. Здесь, однако, требуется не забывать о допустимом нижнем уровне эффективности использования государственных средств, с тем чтобы предотвратить сползание в область все более неэффективных решений по развитию территорий. Социальная эффективность возможна лишь на базе высокой доходности хозяйства. При переходе республик на самофинансирование вложение средств в развитие территорий сверх некоторого минимального уровня все в большей степени должно реализовываться за счет республиканского и местного бюджета.

По мере развертывания реформы становятся возможными более тонкие методы централизованного регулирования макро-, отраслевой и территориальной структуры, которые выглядят предпочтительнее с позиции финансового оздоровления экономики. Так, центральные органы планирования, формируя систему государственных заказов на ввод мощностей, инициируют создание новых предприятий в отраслях, развитие которых обеспечивает прогрессивные структурные сдвиги в народном хозяйстве в длительной перспективе. Однако долгосрочные цели могут входить в противоречие с имеющимися в распоряжении правительства финансовыми ресурсами. Поэтому после ввода в действие и стабилизации функционирования данные предприятия могут быть денационализированы, сданы в аренду и т. п. Тем самым центр, прямо управляя развитием структуры экономики, не несет больших издержек по обеспечению ее текущего функционирования.

Организация оборота ценных бумаг позволяет осуществлять государственное финансирование развития приоритетных видов производств посредством скупки их акций. Это дает возможность, не ограничивая хозяйственной автономии предприятий, осуществлять централизованные вложения средств. Причем государство получает возможность в экстренных ситуациях влиять на управление предприятиями в качестве держателя пакета акций. Такая форма инвестирования придает централизованным вложениям возвратный, прибыльный характер (присвоение государством дивидендов). Изменяется и характер возвратности вкладываемых средств: государство может вернуть их себе не только по мере поступления дивидендов, но и продав акции на бирже.

Изменения в планировании расходной части бюджета предполагают адекватные процессы и в механизме формирования его доходной части. При этом реализация фискальных целей не должна противоречить задачам регулирования экономической динамики и обеспечения социальной поддержки населения. Среди форм мобилизации финансовых ресурсов в плане следует отдельно предусмотреть соответствующую налоговую и амортизационную политику, приватизацию государственных предприятий, государственные займы, взносы на социальное страхование и т. п.

Налоговая политика, являясь неотъемлемой частью бюджетного планирования, выступает в качестве самостоятельного рычага управления как система стимулирования отдельных видов деятельности посредством установления налоговых скидок и льгот, а также дестимулирования посредством акцизов. При этом общий уровень налогового изъятия определяется величиной и настоятельностью общехозяйственных потребностей, масштабами диспропорций в народном хозяйстве, которые намерено устранить, задачами социальной политики в плановом периоде, а конкретная раскладка налогов — необходимостью стимулирования структурных изменений в тех или иных секторах экономики и требованиями обеспечения равнонапряженности (с учетом также социальных соображений) налогового изъятия для отдельных плательщиков.

Кредитно-финансовое регулирование имеет в качестве объекта соотношение между товарной и денежной массами (под денежной массой понимаются все виды ценных бумаг, которые либо сами являются деньгами, либо могут при определенных условиях выполнять функции денег). Нарушение данного соотношения, выражающееся в поступлении в денежный оборот излишних нетоваренных платежных средств, означает, во-первых, образование неопределенности в планировании перспектив производственной деятельности трудовых коллективов из-за дефицита товарно-материальных ценностей и роста цен на них (т. е. невозможности определения будущего уровня доходности предприятий); во-вторых, разрыв взаимосвязи между результатами трудовой деятельности и основными ее стимулами — личными доходами и социальными благами,

получаемыми отдельными производственными коллективами. В этих условиях предприятиям становится более выгодно сосредоточивать свои усилия на перераспределении денежной массы путем различных спекулятивных операций, завышения цен, структурных сдвигов в номенклатуре продукции и т. д.

Изменение денежной массы — результат регулирования налично-денежной (банкноты и казначейские деньги) и депозитно-чековой эмиссии. Первая определяется решением союзного правительства, вторая обуславливается воздействием кредитования банковской системой бюджета и предприятий. Нормальное кредитно-финансовое регулирование экономики предполагает обеспечение гибкого обслуживания народнохозяйственного оборота строго необходимой суммой денег, т. е. поддержание материально-финансовой сбалансированности. Это требует отказа государства от автоматического кредитования за счет эмиссии затрат бюджета и предприятий. Достаточно надежным заслоном в таком случае служит действующая во всех развитых странах двухуровневая банковская система, состоящая из центрального эмиссионного банка (верхний уровень) и коммерческих банков и прочих кредитных институтов (сберегательные кассы, инвестиционные и страховые компании и т. д.), образующих нижний уровень. Нам также нужно провести реформу банковской системы: создать два уровня банков, рынок ценных бумаг и механизм их реализации.

Существует три способа регулирования денежной массы в обороте: операции на открытом рынке, изменение нормативов обязательных резервов банкнот на счетах кредитных институтов в центральном банке и учетно-ломбардная политика. Последняя в условиях сильнейшей материально-финансовой несбалансированности, которая имеет место в стране в настоящее время, представляется малоэффективной, поскольку базируется на коммерческом кредите или залоге товарных ценностей, что в условиях избытка денег не может получить серьезного развития. Поэтому сейчас, как нам представляется, возможны только два первых вида регулирования денежной массы.

Операции на открытом рынке на современном этапе могут выступать основным регулятором налично-денежной массы. Выпуск в обращение либо ценных бумаг, например, государственных займов, под высокий процент, учитывающий уровень инфляции, либо девиз, обеспечивающихся устойчивой иностранной валютой, и продажа их по свободному рыночному курсу приведет к концентрации в руках центрального банка значительной части наличных денег. Политика обязательных резервов наличных денег кредитных институтов в центральном банке может обеспечить сокращение объема рефинансирования, что позволит не выпустить в обращение изъятые за счет продажи ценных бумаг деньги. Для этого каждому кредитному институту (дифференцированно, в зависимости от характера активных операций) устанавливается соотношение между количеством его наличных денег, хранящихся в центральном банке, и объемом депозитов (в зависимости от срочности депозитов). При росте нормативов обязательных резервов банки будут вынуждены для поддержания своей ликвидности сворачивать активные операции, т. е. сокращать объем кредитования предприятий, что ограничивает объем денежной массы. Таким образом, инструментарий регулирования денежной массы существует, и его необходимо поставить во главу централизованного управления экономикой, поскольку материально-финансовая сбалансированность определяет саму возможность использования экономических методов управления.

В условиях развитого рынка такие параметры, как цены на значительную часть продукции, амортизационные отчисления, банковский процент, и др. могут формироваться на основе саморегулирования, без не-

посредственного воздействия центра. Однако в реальной жизни всегда имеет место несовершенство рынка, многочисленные монопольные и внешние эффекты, объективно ограничивающие хозрасчетные отношения. В связи с этим формирование только путем рыночной саморегуляции значительной части указанных параметров недостаточно для сбалансированного и эффективного развития народного хозяйства. Следовательно, возникает необходимость их централизованного планирования и регулирования, т. е. создания системы косвенного централизованного регулирования рынка, которая должна также включать налогообложение, платежи за ресурсы, предоставляемые дотации и т. д.

В период проведения реформы, при наличии экономической нестабильности, особое значение имеет деятельность центра по обеспечению социальной направленности развития экономики, созданию системы социальных гарантий для населения и защиты части его слоев от социально неприемлемых последствий функционирования рыночных элементов.

Расходы бюджета на социально-культурные мероприятия не должны служить цели «содержания» того или иного сектора непродуцированной сферы, будь то просвещение или здравоохранение. Основная задача бюджетного финансирования — обеспечить равный доступ всех без исключения слоев населения к определенному институционально гарантируемому уровню медицинского обслуживания, образования, жилищных условий, физической культуры (независимо от доходов данных слоев).

Исходя из этого в рамках разработанных социальных программ и выделенных на развитие социальной сферы бюджетных средств общесоюзные и республиканские министерства здравоохранения, культуры, образования, социального обеспечения и т. д. формируют систему государственных заказов на ввод объектов социальной инфраструктуры, на производство социально значимой продукции и осуществляют ее закупки. В первую очередь это касается недорогих товаров для социальных групп с фиксированными доходами, товаров для детей, инвалидов. Значительную часть подобных расходов на социальные нужды целесообразно финансировать за счет местных бюджетов.

Центральные органы должны обеспечивать косвенное управление децентрализованным развитием социальной сферы, осуществляя налоговое регулирование величин средств, направляемых предприятиями на социальное развитие. При планировании соответствующих нормативов и налоговых шкал следует учитывать, что фонды социального развития предприятий используются как для стимулирования эффективной работы, так и для формирования средств общественных фондов потребления, которые должны гарантировать установленный минимум удовлетворения определенных общественно значимых потребностей всех трудящихся вне зависимости от трудового вклада, места работы, профессии и т. п.

В народнохозяйственном плане необходимо предусматривать и постоянно осуществлять на практике — от одного до нескольких раз в год в зависимости от темпа инфляции — корректировку доходов населения (особенно социальных слоев и групп с фиксированными доходами), обеспечивающую учет роста розничных цен. Требуется также отслеживать динамику прожиточного минимума и гарантировать минимальный уровень дохода на душу населения за счет специально выделяемых средств государственного бюджета, выдаваемых непосредственно на руки населению. Такие выплаты должны носить адресный и строго социальный характер (пособия по безработице, малообеспеченным и многодетным семьям, стипендий учащимся и т. д.), но не служить компенсатором низкой производительности труда (например, дотации на производство продовольствия, угля и т. д.). В противном случае бюджет будет стимулировать неэффективную структуру трудовых затрат в народном хозяйстве.

Особое внимание центральным органам в переходном периоде следует направить на решение социальных проблем, связанных с формированием структуры занятости, подготовкой и переподготовкой кадров, обеспечением мобильности и миграции рабочей силы, созданием новых рабочих мест и соответствующей социальной инфраструктуры.

Централизм на этапе перехода к социалистическому рынку

Формирование новой модели централизованного управления хозяйством, взаимодействующей с рыночным механизмом саморегулирования, объективно займет весьма продолжительное время. Однако целый ряд ее конституирующих характеристик должен сложиться в ближайшие пять — семь лет. В противном случае (при более постепенном преобразовании хозяйственного механизма) значительно возрастает вероятность приспособления административной системы к осуществляемым нововведениям и выхолащивания их сути.

Исходя из сказанного, представляется, что главной целью следующего пятилетия должно быть не достижение высоких количественных показателей экономического роста, а формирование в основных чертах нового механизма хозяйствования. Это означает необходимость решения двух взаимосвязанных задач: достижения материально-финансовой сбалансированности экономики (поскольку несбалансированное хозяйство не поддается управлению экономическими методами) и организации процесса поэтапного расширения самостоятельности предприятий, вытеснения административно-командных методов новыми формами централизованного управления.

На начальном этапе реформы нужно осуществить первоочередные меры по финансовому оздоровлению экономики, прежде всего прекратить финансирование за счет платежных средств потерь, вызываемых дефектами макроструктуры экономики, неэффективностью хозяйствования предприятий, нерациональными капиталовложениями. Для этого требуется: завершить создание двухуровневой банковской системы с независимым от правительства Государственным банком СССР, функционирующим исключительно в рамках специального закона; ликвидировать в течение одного-двух лет дефицит государственного бюджета путем сокращения бюджетных ассигнований на капитальное строительство и дотаций на производство продовольствия при одновременной либерализации цен на сельскохозяйственную продукцию, а также сформировать рынок ценных бумаг, который позволит предприятиям мобилизовывать финансовые ресурсы в условиях жестких ограничений на динамику денежной массы.

Для организации поэтапного становления рыночного хозяйства необходимо принципиально изменить существующий подход к формированию государственных заказов и системы экономических нормативов. Госзаказ в его нынешнем виде сохранил все черты административно-адресного доведения укрупненных плановых заданий. Когда вместо заданий по производству в натуральном выражении вводилось новое понятие «госзаказ», то главным в обосновании данного шага являлся тезис, что прямому управлению сверху должна подвергаться лишь часть производственной программы предприятий. Однако практика показала, что нельзя ограничить сферу централизованного планирования производства без изменения всей технологии материально-вещественного планирования. Если, как это имело место в 1988 г., установленная центром сфера вне госзаказа была незначительной, то она поглощалась министерствами и органами Госнаба СССР. Резкое же сокращение доли госзаказа в 1989 г., в условиях неподготовленной к этому экономики,

потребовало введения дополнительного инструмента — «лимитов потребления», которые вместе с госзаказом полностью зацентрализовали производство и реализацию продукции.

При разработке перспективной модели госзаказа следует, на наш взгляд, исходить из того, что центр не может знать и, следовательно, взять на себя ответственность за определение и удовлетворение всех многообразных общественных потребностей. Однако среди них есть группа потребностей, которая объединяется под названием общегосударственных. Финансовый источник их удовлетворения — государственный бюджет. Именно их материальное обеспечение должно осуществляться с помощью механизма госзаказа. При таком подходе строго очерчивается объективная граница госзаказа и отпадает необходимость в ее административном установлении. Доля госзаказа будет автоматически определяться масштабами перераспределения через госбюджет валового национального продукта. За вычетом части ресурсов бюджета, используемых по другим каналам, доля госзаказа могла бы находиться в пределах 20—30% объема производства.

Хотя в общем объеме производства доля госзаказа сравнительно невелика, он обширен по ассортименту. Номенклатура госзаказа определяется структурой общегосударственных потребностей в области обороны и обеспечения правопорядка, международных обязательств, по содержанию государственного аппарата, реализации крупных научных исследований и разработок, освоению новых территорий, удовлетворению социальных нужд и т. д. Например, в США через госзаказ проходит 90% всей номенклатуры рынка. В таких условиях поиск того, что не включать в госзаказ, теряет смысл сам по себе. Если на него все же пойти, то это будет заведомо искусственным и вредным с практической точки зрения делом.

Поскольку госзаказ конкретен и многообразен по своему ассортименту, он не может формироваться одним органом. Необходима сеть государственных органов, которые бы реализовывали право на его формирование от имени государства. Термин «заказ», будь то государственный или прямой заказ потребителя, теряет смысл и не может употребляться вне совмещения функций заказчика и плательщика в одном лице. Заказ также не может быть принят к исполнению иначе, чем по взаимному согласию сторон (договору, контракту). Следовательно, заказ опирается на интересы, а не на административное принуждение (директиву, обязательность). Заинтересованность в государственном заказе обеспечивается не тем, что он финансируется за счет средств бюджета (как плательщики все заказчики равны), а преимуществами крупного и надежного покупателя и, если понадобится, рычагами государственного регулирования (налоговой, кредитной амортизационной политикой).

Итак, главные контуры перспективной модели госзаказа выглядят следующим образом:

функции заказчика, плательщика и потребителя совмещены в лице государства, делегирующего свои права соответствующим учреждениям;

объем ограничен суммой выделенных бюджетных средств;

конкретный состав определяется структурой общегосударственных потребностей;

кроме того, всякому «заказу» присущи добровольность, взаимная заинтересованность, конкурсность;

договорные (контрактные) цены;

строгая имущественная ответственность за невыполнение заказа.

Переходная модель госзаказа должна основываться на этих принципах, стремиться к реализации этих принципов, отступая от них лишь в той минимально необходимой степени, которую требует современное состояние экономики (прежде всего сильнейшая материально-финансовая

несбалансированность, а также монопольное положение государственной собственности и подавляющего числа производителей). С учетом этих соображений госзаказом в переходный период следует называть конкретный заказ потребителя, устанавливаемый им предприятию-изготовителю в рамках централизованно выделенных квот (лимитов) необходимой ему продукции. В роли потребителя в предлагаемой схеме выступают как государственные органы, выдающие заказ на средства бюджета — бюджетный заказ, так и отдельные предприятия — горизонтальный госзаказ. Поскольку бюджетные средства формируются на средства союзного, республиканского и местного бюджетов, то и госзаказы должны различаться по уровням: союзные, республиканские, местные. В случае горизонтального госзаказа термин «государственный» употребляется не в смысле органа, доводящего заказ, а с позиций гарантированности государством тех или иных потребностей. Этот заказ обеспечен лимитом и обязателен для исполнения.

Продукция, производимая за рамками госзаказа, должна реализовываться по гибким свободным ценам, определяемым спросом и предложением. С целью развития рыночных отношений доля госзаказа на средства хозрасчетных источников будет сокращаться, сужая сферу директивного управления производством. Установление потребителем меньшего объема квот (лимитов), чем в предыдущий период, заставит их переходить от выдачи заданий к развитию договорных отношений с производителями. Отмирание данной формы (горизонтальной) госзаказа одновременно будет означать достаточно развитое состояние социалистического рынка, что позволит избавиться от директивности и лимитирования бюджетного госзаказа. Тем самым переходная модель плавно перейдет в перспективную модель госзаказа, полностью соответствуя изложенным выше принципам.

Важнейшую роль в организации переходного периода играет преобразование применяемых в настоящее время экономических нормативов в **налоговую систему**. Для этого индивидуальные нормативы, определяющие взаимоотношения предприятий с государственным и местным бюджетами, следует сделать стабильными и формировать по единым, точно определенным правилам, позволяющим обеспечить равномерность налогового изъятия.

Налоговая система для государственных предприятий, по нашему мнению, должна включать в себя: платежи за производственные фонды; платежи за трудовые ресурсы; отчисления на социальное страхование; платежи за природные ресурсы, включая плату за экологические нарушения, возникающие в ходе производственной деятельности; налоги, регулирующие использование предприятием средств на потребление и накопление; местные налоги; косвенные налоги. Кроме того, необходимо разработать правила предоставления специальных налоговых льгот, позволяющих избирательно обеспечивать различную выгодность отдельных видов хозяйственной деятельности, отличающихся народнохозяйственной приоритетностью.

В настоящее время введению единых налогов для предприятий по всему народному хозяйству или хотя бы по отдельным его отраслям препятствует сильнейшая дифференциация предприятий по рентабельности. Поэтому построение единой налоговой системы в переходный период должно увязывать процесс ужесточения требований к эффективной работе (т. е. процесс унификации налогов) с вытеснением административных методов управления рыночной организацией хозяйства. Для этого требуется предусмотреть ежегодное изменение дифференцированных (по группам предприятий) налоговых шкал таким образом, чтобы к концу переходного периода дифференциация была преодолена. Речь идет, разумеется, не о ежегодных корректировках нормативов, а

о четком установлении в пятилетнем плане стабильных (в смысле возможности их пересмотра), но различных по годам налоговых ставок. Такие нормативы отчислений от прибыли для групп малорентабельных предприятий с каждым годом должны увеличиваться, а для высокорентабельных групп снижаться до среднего уровня, создавая тем самым условия для развития конкуренции.

Переход к единой системе налогообложения предполагается осуществить начиная с 1991 г., т. е. без соответствующей подготовки. Однако, по нашему мнению, при всей внешней прогрессивности такого подхода он вызовет крайне негативные последствия, в частности полосу банкротств в течение короткого промежутка времени, что экономически нерационально и социально недопустимо. Отсюда пойдут многочисленные отступления от единого подхода. Совершенно неизбежно будет происходить значительное перераспределение доходов предприятий через механизм дотаций, субсидий, различного рода налоговых скидок. В результате единые налоги будут мало отличаться от индивидуализированной системы нормативов. Причем из-за массового характера требований индивидуального подхода к назначению налоговых скидок, субсидий и т. п. (так как определять их величину нужно в зависимости от возможностей осуществления необходимых мер по повышению рентабельности и укреплению положения предприятия) станет неизбежным вмешательство в этот процесс министерств со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Факторами дифференциации предприятий по рентабельности являются как разнородность доводимых до них административно-обязательных заданий, так и различная обеспеченность производственными ресурсами (фондами, кадрами необходимой квалификации, природным сырьем и т. д.). Соответственно единство налогов можно обеспечить, во-первых, при отказе от использования обязательных заданий, во-вторых, если выравнены объективные различия в условиях хозяйствования, вызванные неодинаковой обеспеченностью ресурсов. Вытеснение же административных методов управления рыночными отношениями в условиях несбалансированной экономики объективно требует определенного переходного периода. Что же касается неравного обеспечения ресурсами отдельных предприятий, то должным образом выровнять соответствующие различия в условиях хозяйствования может лишь функционирование развитого (причем централизованно регулируемого) рынка, при котором отдельные производственные факторы получают адекватную экономическую оценку.

При отсутствии соответствующего уровня развития товарно-денежных отношений возникает необходимость использовать централизованно устанавливаемые платежи за производственные ресурсы. Однако в принципе невозможно централизованно определить указанные платежи с нужной точностью. Отсутствие объективного механизма оценки потенциальной эффективности применяемых предприятием ресурсов (в частности, механизма переоценки стоимости основных фондов, оценки эффекта трудовой деятельности, рентных факторов) требует использования дифференцированных нормативов платы за ресурсы (фонды и рабочую силу) по нескольким группам разнорентабельных предприятий. По имеющимся оценкам, установление дифференцированных ставок платежей за ресурсы позволяет в значительной степени выровнять условия хозяйствования. Применение при этом групповых значений или прогрессивной шкалы налога на чистую прибыль дает возможность преодолеть индивидуализацию налоговой системы за исключением взаимоотношений бюджета с убыточными предприятиями.

ДВЕ РЕФОРМЫ ЭКОНОМИКИ: 1921—1924 И 1987—1990 гг.

Р. Белоусов,

д-р экон. наук

Как известно, осуществление экономической реформы на современном этапе проходит с большими трудностями, медленно и противоречиво. Сроки ее завершения уже несколько раз отодвигались. Между тем от успеха радикальных преобразований в хозяйственной системе в решающей степени зависит судьба всей перестройки и обновления советского общества в целом. В этой связи определенный интерес представляет сравнительный анализ замысла и практики нынешней реформы с аналогичными преобразованиями советской экономики в 1921—1924 гг.

Прежде всего следует отметить, что исходные предпосылки и общая социальная обстановка в стране сейчас несравнимо более благоприятнее для нововведений в хозяйственном механизме, чем это было в начале 20-х гг. Напомним что объем промышленного производства в 1920 г. снизился до 13—15 % к уровню 1913 г., в том числе выплавка чугуна — до 2,4, добыча угля — до 30, производство бумаги — до 15%. Сбор зерна составлял примерно половину урожая 1913 г. В настоящее же время СССР (хотя кое-кто и пишет об экономическом кризисе) по добыче или производству первичных энергетических и сырьевых ресурсов занимает первое-второе место в мире, иногда в десятки и даже сотни раз превышает показатели, предшествующие нэпу. В те далекие годы две трети взрослого населения России были фактически безграмотными. Сейчас по количеству ученых, инженеров, врачей и учителей СССР не имеет себе равных среди других стран мира.

В 1920 г. после изнурительных мировой и гражданской войн жизненный уровень рабочих и крестьян уменьшился примерно до одной трети показателей довоенного времени, которые никак нельзя назвать высокими. В следующем году из-за засухи и неурожая в Поволжье умерло от голода 2—3 млн. чел. Острым отражением недовольства масс, особенно среди крестьянства, своим положением явился кронштадтский мятеж. Какой бы обоснованной в настоящее время ни была критика многих современных аспектов благосостояния и культурной жизни советских людей, однако обеспечение их потребностей в питании, одежде, обуви, жилье, медицинском обслуживании, образовании, отдыхе стоит на значительно более высоком уровне, чем в начале 20-х гг.

Но, несмотря на напряженную внутреннюю и международную обстановку страны, новая экономическая политика в начале 20-х гг. была претворена в жизнь значительно быстрее и успешнее, чем нынешняя. Объясняется это тем, что при всем сходстве в замысле и целях — крутом повороте от командно-бюрократических отношений в народном хозяйстве к плано-рыночным — конкретные пути, средства и методы осуществления сравниваемых реформ отличаются друг от друга в пользу экономической политики и хозяйственной практики 20-х гг.

Во-первых, нэп начался с резкой перестройки в отношениях с крестьянством и решения продовольственной проблемы на уровне потребностей тех лет: удушливая волютаристская разверстка с 1921 г. стала повсеместно заменяться экономически обоснованным налогом, облагаемым в расчете на единицу пахотной земли. Это возродило экономическую ответственность и заинтересованность крестьянина в увеличении производ-

ства зерна и других продуктов. Характерно, что уже в 1922 г. объем сельскохозяйственного производства в стране вырос по сравнению с предыдущим годом на 12 %, 1923 г. — еще на 9, 1924 г. — на 25, в 1925 г. — на 19 %. Несколько позднее разверстка была заменена налогом и в отношении с промышленными, строительными и прочими предприятиями. Сейчас, несмотря на неоднократные обещания и заверения об изменении положения, в основе экономических отношений и с сельским хозяйством, и с предприятиями других отраслей продолжает оставаться жесткая разверстка (кто имеет более высокие результаты, тот дополнительно «поставляет» и «отчисляет», т. е. в той или иной форме обеспечивает участки, где хуже работают или хозяйствуют, причем нередко без всякой заранее установленной нормы). Об отрицательных последствиях длительного воздействия такой системы на интересы людей и экономику говорить не приходится.

Во-вторых, разрыванию рыночных отношений в начале 20-х гг. предшествовало проведение действительно радикальной денежной реформы, в результате которой в течение трех лет, начиная буквально с нуля, была создана твердая валюта в виде червонца и новых казначейских билетов. Параллельно коренным образом были перестроены финансовая и кредитная системы.

Еще в начале нынешней экономической реформы (июнь 1987 г.) было отмечено, что «крупные задачи предстоит решить в сфере финансов, кредита и денежного обращения... Сейчас главный недостаток в этой сфере — отрыв оборота финансовых и кредитных ресурсов, денежных средств от движения материальных ценностей, перенасыщение народного хозяйства платежными средствами. Нынешний рубль не в полной мере выполняет свою роль активного средства финансового контроля за экономикой»¹.

Что же изменилось за прошедшие три года? Резко возросли дефицит бюджета и размер государственного долга, увеличились эмиссия денег и неудовлетворенный спрос, падает покупательная способность рубля. В кредитной системе реорганизации стали перманентными, но качественных улучшений пока нет.

В-третьих, одновременно с провозглашением нэпа был создан Госплан как один из главных инструментов формирования планово-рыночной экономики. Начав с решения текущих и оперативных проблем восстановления народного хозяйства, он постепенно перенес центр тяжести своей деятельности на разработку структурной политики, реализуемой с помощью пятилетних планов. В период расцвета нэпа — в середине 20-х гг. — работники Госплана профессионально владели ценовыми и финансовыми рычагами, следили за состоянием денежной системы и вместе с представителями Наркомата финансов, Госбанка и синдикатов принимали необходимые меры для стабилизации покупательной способности рубля и его курса по отношению к доллару и фунту. Это и послужило исходной предпосылкой формирования надежной и эффективной планово-рыночной системы, действовавшей на протяжении всего восстановительного периода.

За три года нынешней реформы основные элементы старой системы (прежде всего директивное планирование и отраслевое управление) во многом разрушены или ослаблены, а новые (финансовая, кредитная и денежная подсистемы, т. е. главные инструменты для применения экономических методов) так и не созданы. Вот и получается, что у реформируемого хозяйственного механизма сейчас передние колеса от старого трамвая, задние — от трактора «Беларусь», а в качестве движущей силы мы пытаемся приспособить сразу несколько разных моторов. И не-

¹ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС. 25—26 июня 1987 г. М.: Политиздат, 1987. С. 57.

удивительно, что согласованность в действиях десятков тысяч предприятий оказалась нарушенной, материальные стимулы ослаблены, ухудшилось обеспечение производства.

Все это еще раз говорит о том, что нам нужно знать свою историю и учиться как на прошлых ошибках, так и на удачном опыте. Поэтому хотелось бы более подробно остановиться на двух главных аспектах нэпа: перестройке отношений с крестьянством и создании твердой валюты как экономической базы для восстановления рыночных отношений между городом и деревней, а затем и во всем народном хозяйстве.

В сложившейся к началу 20-х гг. крайне напряженной политической и экономической обстановке, прежде всего из-за недостатка товарного зерна, ключевое значение приобрела позиция середняка — основного его производителя. Удовлетворение интересов этой массовой прослойки крестьянства стало одной из первоочередных проблем. В. И. Ленин, возглавлявший Совнарком и пользовавшийся к тому времени широкой поддержкой в партии, настойчиво искал возможности для улучшения отношений с деревней. Уже в марте 1919 г. в написанной им резолюции VIII съезда РКП(б) указывалось: «...в настоящий момент особо важное значение имеет более правильное проведение партийной линии по отношению к среднему крестьянству, в смысле более внимательного отношения к его нуждам, устранения произвола со стороны местных властей и стремления к соглашению с ним»².

Материальные средства для оказания помощи и поддержки данному союзнику рабочего класса были крайне ограниченными. Поэтому особое внимание уделялось политическим и организационным вопросам, прямо или косвенно связанным с интересами крестьянина-середняка. Началась борьба против перегибов и нарушений в проведении продовольственной разверстки на практике. «У нас нет таких благ,— говорил Ленин,— которые мы могли бы дать среднему крестьянину, а он — материалист, практик и требует конкретных материальных благ... Но мы можем многое сделать в нашей административной практике: улучшить наш аппарат, исправить массу злоупотреблений. Мы можем линию нашей партии, которая недостаточно шла на блок, на союз, на соглашение со средним крестьянством,— мы эту линию можем и должны выравнять и выправить»³.

Государственные и партийные органы внимательно следили за настроением крестьянства, прислушивались к их конкретным просьбам и предложениям, которых, особенно в письмах из деревни, было немало. В них часто ставился вопрос о том, чтобы не просто уменьшить разверстку или устранить злоупотребления при ее взимании, но и установить определенную норму изъятия зерна, т. е. ввести налог, который заранее должен быть известен сельскому труженику. Так, крестьяне Витебской губернии обратились к председателю ВЦИК М. И. Калинину: «Просим указать нам норму». С такой же примерно просьбой в сентябре 1920 г. апеллировали к В. И. Ленину крестьяне с. Клейменово Орловской губернии. В большом письме В. И. Ленину от Г. Безсонного в феврале 1921 г. с Северного Кавказа прямо говорилось о необходимости установить норму, ибо «у крестьянина пропал всякий интерес к работе», что ведет «не только к исчезновению крупного хозяйства, теряющего теперь всякий смысл, но в значительной мере сокращается и поле среднего хозяйства»⁴.

В отчетном докладе VIII съезду Советов В. И. Ленин среди хозяйственных вопросов особо выделил необходимость срочной помощи крестьянству, положение которого на рубеже 1920—1921 гг. было критиче-

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 207.

³ Там же. С. 146.

⁴ См.: Генкина Э. Б. Государственная деятельность В. И. Ленина в 1921—1922 гг. М.: Наука, 1969. С. 43.

ским. Обсуждение вопроса вышло за рамки официальных заседаний и продолжалось на совещании беспартийных крестьян-делегатов (с участием Ленина). Однако в то время кардинально решить вопрос так и не удалось. С одной стороны, принятые съездом Советов постановления обязывали Совнарком оказать помощь крестьянскому хозяйству по развитию ремонтного дела, снабжению материалами, орудиями и инструментами, а также «по расширению сельскохозяйственного машиностроения и производства минеральных удобрений, считая эти задачи ударными и первоочередными». С другой — не хватило смелости отказаться от административных мер. Учитывая постигший в 1920 г. страну неурожай, а также угрожающую по некоторым предположениям науки и другим признакам засуху в 1921 г., съезд Советов потребовал «от всех земледельцев полного засева полей по заданию государства и правильной их обработки».

Для контроля за осуществлением указанного решения на местах создавались посевкомы. Предусматривалась возможность применения «семенной разверстки». Имеющиеся запасы семян в крестьянских хозяйствах объявлялись неприкосновенным фондом. Допускалось их внутригубернское перераспределение, т. е. чрезвычайные меры, так знакомые крестьянству из практики последних 2—3 лет, сохранялись⁵.

Хотя данное решение было принято с участием Ленина, он продолжал поиск иного подхода, который бы задействовал интересы старательного крестьянина. Во время заседания Политбюро ЦК РКП(б) 8 февраля 1921 г., где рассматривался вопрос о весенней посевной кампании, В. И. Ленин записал несколько ключевых мыслей, которые уже достаточно полно очертили конкретные пути перехода от военного коммунизма к нэпу:

«1. Удовлетворить желание беспартийного крестьянства о замене разверстки (в смысле изъятия излишков) хлебным налогом.

2. Уменьшить размер этого налога по сравнению с прошлогодней разверсткой.

3. Одобрить принцип сообразования размера налога с старательностью земледельца в смысле понижения %-та налога при повышении старательности земледельца.

4. Расширить свободу использования земледельцем его излишков сверх налога в местном хозяйственном обороте, при условии быстрого и полного внесения налога»⁶.

Из приведенных тезисов хорошо видно, что, во-первых, при разработке новой экономической политики учитывались предложения крестьян, т. е. в какой-то степени она была подсказана ими; во-вторых, произошел возврат к замыслу 1918 г. — хлебному налогу; в-третьих, предусматривалось создание дополнительных стимулов для «старательного земледельца».

Записи В. И. Ленина были использованы при составлении резолюции X съезда партии о замене разверстки налогом, первый пункт которой гласил: «для обеспечения правильного и спокойного ведения хозяйства на основе более свободного распоряжения земледельцем своими хозяйственными ресурсами, для укрепления крестьянского хозяйства и поднятия его производительности, а также в целях точного установления падающих на земледельцев государственных обязательств, разверстка, как способ государственных заготовок продовольствия, сырья и фуража, заменяется натуральным налогом»⁷.

Поначалу предполагалось, что налог будет взиматься в виде процентного или долевого отчисления произведенных в хозяйстве продуктов

⁵ См.: Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 1. М.: Политиздат, 1967. С. 187—191.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 333.

⁷ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 1. С. 200.

(с учетом урожая, числа едоков и наличия скота), при этом также, что старательные хозяева-крестьяне, увеличивающие площади засева, получают льготы. Но позднее в декрете Совнаркома это положение было изложено уже несколько иначе: налог устанавливался в зависимости от размера пригодной для пахоты земли.

Довольно сложным оказалось решение вопроса о порядке и формах использования крестьянином излишков зерна и других продуктов после сдачи налогов. В резолюции X съезда партии предусматривалось, что «все запасы продовольствия, сырья и фуража, остающиеся у земледельцев после выполнения ими налога, находятся в полном их распоряжении и могут быть используемы ими для улучшения и укрепления своего хозяйства, для повышения личного потребления и для обмена на продукты фабрично-заводской и кустарной промышленности и сельскохозяйственного производства». Однако существовала реальная опасность, что сразу же появится масса перекупщиков-спекулянтов. Выход виделся в том, чтобы наладить с помощью кооперации и местных органов власти прямой продуктообмен между городом и крестьянством. Поэтому в резолюцию записали положение о том, что «обмен допускается в пределах местного хозяйственного оборота»⁸.

Через некоторое время после съезда на заседании Политбюро рассматривался текст обращения «К крестьянству РСФСР», в котором разъяснялась суть новых отношений с деревней: *«Отныне... разверстка отменяется и вместо нее вводится натуральный налог на продукты сельского хозяйства»*.

Этот налог должен быть меньше, чем хлебная разверстка. Он должен назначаться еще до весеннего посева... Налог должен взиматься без круговой поруки, т. е. должен падать на отдельного домохозяина, чтобы старательному и трудолюбивому хозяину не пришлось платить за неаккуратного односельчанина. *По выполнении налога остающиеся у крестьянина излишки поступают в его полное распоряжение...* Он может использовать их для обмена на нужные ему продукты через кооперативы и на местных рынках и базарах»⁹. Вскоре это обращение было опубликовано от имени ВЦИК.

Нынешняя программа отношений с крестьянством, к сожалению, строится на основе круговой поруки, но уже в более широком масштабе, чем деревня. Действительно, объем обязательных поставок в общесоюзный фонд по твердым ценам устанавливается для республики в целом и разверстывается по областям и районам. Поэтому колхозы или совхозы, получившие высокие результаты, не могут продать излишки через кооперативы или на местном рынке, так как выручают отстающие хозяйства и дополнительно поставляют мясо, зерно, картофель и другие продукты в «общий котел», пока остающиеся в их распоряжении ресурсы не сравняются с тем, что имеют другие.

Подобная практика в период нэпа не допускалась категорически. Даже в 1921 г., в условиях обрушившегося на страну голода, Совнарком повысил лишь в 1,5 раза норму замены ржи картофелем (в соответствии с изменившимся соотношением цен на рынке, поскольку урожай картофеля в ряде районов был достаточно высоким). Вскоре данный случай стал предметом особого рассмотрения на сессии ВЦИК, которая оправдала его только исключительными обстоятельствами и предупредила о недопустимости такой практики в будущем. «Учитывая, что это постановление Совета Народных Комиссаров возлагает на крестьян дополнительную тяжесть, вызванную исключительно необходимостью помочь голодающим, сессия ВЦИК вновь подтверждает, что ставки продналога в дальнейшем должны оставаться неизменными, без какого бы то ни бы-

⁸ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. I. С. 201.

⁹ Там же. С. 214—215.

ло повышения и указывает Совету Народных Комиссаров на необходимость самого внимательного отношения к строгому соблюдению устанавливаемых в общегосударственном порядке ставок продналога»¹⁰.

Центральные и местные органы власти понимали, что при реализации новой экономической политики нельзя отступать от установленных правил, хотя это было связано с немалыми трудностями и противоречиями тех лет. В то же время новая экономическая политика была гибкой и творческой. Она быстро обогащалась необходимыми дополнениями и корректировалась, если практика показывала, что ранее принятые положения устарели или были неверными. Так, для динамичного развития хозяйственных связей между городом и деревней рамки организованного продуктообмена — зачаточной, примитивной стадии обращения — очень быстро стали тесными. Как следствие, вместо натурального продуктообмена стихийно стала возрождаться торговля, купля-продажа зерна по свободным ценам. Товар, опираясь на объективные законы рынка, победил продукт. В этой связи со всей остротой встал вопрос о восстановлении денежной, банковской и финансовой подсистем как фундаментальных предпосылок налаживания и развития рыночных отношений.

Характерно, что уже весной 1921 г., в условиях некоторого оживления торговли, стихийно выделились в роли денег сахар и особенно соль, а затем и золотые монеты дореволюционной чеканки, изъятые из обращения населением еще в годы войны. Сначала они стали возвращаться в хозяйственный оборот в Закавказье и портовых городах, на Украине и Дальнем Востоке, а затем и в центральных губерниях. Некоторые хозяйственные органы стали требовать расплаты за дефицитные товары золотой монетой, которая появилась в кассах отдельных предприятий.

Трезвомыслящие политики не могли не считаться с реальностью. В марте 1919 г. в обращении появились первые советские бумажные деньги — «расчетные знаки», — выпущенные в соответствии с декретом Совнаркома. На них был воспроизведен герб РСФСР, и в народе их называли «совзнаками». Однако их эмиссия была чрезмерной, и новые деньги быстро обесценивались. Тогда весной 1921 г. Политбюро поставило вопрос о необходимости чеканки серебряной монеты и обязало СТО провести учет всего имеющегося в его распоряжении серебра, а также привести монетный двор в рабочее состояние. Примерно через месяц было принято решение о необходимости новой реформы денежного бумажного обращения и поручено созданной для этого комиссии разработать способы возвращения обратно государству выпускаемых им денег и в связи с этим обдумать вопрос о восстановлении тех или иных учреждений типа банка.

Учитывая необратимый, устойчивый характер начавшихся процессов оживления и расширения рынка, СНК обратился с Наказом о проведении в жизнь начал новой экономической политики, в котором требовал принять «меры к развитию государственного и кооперативного товарообмена, причем не следует ограничиваться рамками местного оборота и переходить, где это возможно и выгодно, к денежной форме обмена»¹¹.

Процесс денатурализации хозяйственных связей и оплаты труда происходил довольно быстро. Одним из первых мероприятий в этой области был декрет Совнаркома от 9 июля 1921 г., восстановивший денежную оплату перевозок грузов и пассажиров на железных дорогах и водном транспорте. Затем последовали декреты об оплате услуг почт и телеграфа, коммунальных услуг, введении квартирной платы и др.¹².

¹⁰ Сессия ВЦИК VIII созыва. Стенографический отчет. Приложение. М.: Госполитиздат, 1921. С. XXX.

¹¹ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 1. С. 247.

¹² Поскольку в то время эмиссия денег была почти единственным источником доходной части бюджета, избыток денег в обращении привел к их быстрому обесценению. Так, чтобы проехать по Москве одну остановку на трамвае, нужно было заплатить

Поэтапно стало сокращаться бесплатное снабжение населения продовольственными продуктами, промышленными товарами и услугами. По предложению В. И. Ленина была введена «с надлежащей осторожностью и постепенностью» новая система коллективной оплаты труда и служащих. Снабжение предприятий, переходящих на новые условия распределительных отношений, производилось по списочному¹³ составу рабочих в первом квартале 1921 г. Выделяемые фонды продовольствия не менялись, если производственная программа выполнялась при меньшем количестве работников. В сентябре 1921 г. были приняты дополнительные решения, направленные на подготовку предпосылок для перехода к устойчивой валюте, в том числе о восстановлении государственного банка, а также об ужесточении контроля за расходованием золотого запаса.

В ноябре 1921 г. В. И. Ленин опубликовал статью «О значении золота теперь и после полной победы социализма», в которой обосновал особую необходимость бережного отношения к золоту в условиях новой экономической политики. Здесь же подчеркивалось, что «торговля — вот то «звено» в исторической цепи событий, в переходных формах нашего социалистического строительства 1921—1922 годов, *«за которое надо всеми силами ухватиться»*... Если мы теперь за это звено достаточно крепко «ухватимся», мы *всей* цепью в ближайшем будущем овладеем *наверняка*»¹³. В этом же ключе была составлена резолюция XI Всероссийской конференции РКП(б), отмечавшая, что «оздоровление рынка, без которого невозможно и быстрое восстановление крупной промышленности, требует ряда финансовых мер, направленных к созданию устойчивой валюты. Восстановление денежного обращения на металлической основе (золото), первым шагом к которому является неуклонное проведение плана ограничения выпуска бумажных денег (эмиссии), должно стать руководящим принципом Советской власти в области финансов»¹⁴.

О том, как четко и быстро, когда это требовалось, работала «административно-командная система», можно судить на примере решения вопроса о создании Государственного банка. В сентябре 1921 г. данный вопрос обсуждался в Политбюро ЦК РКП(б), в октябре — на заседании Совнаркома, затем последовал декрет ВЦИК об учреждении Государственного банка, который практически начал свою работу 16 ноября.

Одна из главных задач, поставленных перед Государственным банком, состояла в восстановлении правильного денежного обращения и твердого рубля. Дело в том, что обесцененные из-за несдерживаемой эмиссии бумажные деньги не могли выполнять функции средства обращения, платежа и кредита, а без этого не мог функционировать и рынок. Нужны были новые деньги, и поэтому Государственный банк начал, хотя и осторожно, но последовательно готовиться к практическому решению указанной задачи. Проводилась скупка драгоценных металлов и устойчивой иностранной валюты, т. е. накапливались определенный золотой запас и валютные резервы, необходимые для обеспечения устойчивости денег (сначала пассив и актив Госбанка формировались с помощью быстро обесценивающихся совзнаков). В июле 1922 г. декретом Совнаркома Государственному банку было предоставлено право выпуска в обращение банковских билетов-червонцев. Их номинал обесценивался на 25 % золотом, другими драгоценными металлами и устойчивой иностранной валютой, а в остальной части — легко реализуемыми товарами, краткосрочными векселями и другими обязательствами.

500 руб., две — 900 руб. Пуд ржаной муки в 1921 г. стоил 140 тыс. руб., картофеля — 20,6 тыс. руб. Большинство расчетов велось на миллионы. В конце 1921 г. была проведена первая деноминация совзнаков — уменьшение номиналов старых денег путем замены их новыми.

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 225.

¹⁴ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 1, С. 261.

Внедрение новой валюты в денежное и кредитное обращение осуществлялось весьма осмотрительно, без какой-либо спешки. Так, в 1922 г. червонцев было выпущено в обращение всего на сумму 3,6 млн. руб. Кроме того, банковские билеты были представлены купюрами очень высокого достоинства: 10, 25, 50 и 100 червонцев (соответственно: 100, 250, 500 и 1000 руб.). Между тем в это время в Москве платили совзнаками по их золотому курсу за 1 фунт ржаного хлеба 6,7 коп., аршин ситца — 16,8 коп. Месячная заработная плата рабочего в том же исчислении составляла в первом квартале 1922 г. всего 7,9 золотых руб. Ясно, что первоначально выпущенные банковские билеты не могли функционировать как средство обращения в сфере розничной торговли и как платежное средство при оплате труда рабочих и служащих. Их главное назначение состояло в обслуживании кредитной функции Госбанка. Поэтому предприятие, получив ссуду в банковских билетах, очень часто тут же меняло их на совзнаки. Иногда на червонцы смотрели как на ценную бумагу, в которую помещали свободную наличность с тем, чтобы в момент, когда понадобятся «деньги», их продать.

В октябре 1922 г. был издан декрет, в соответствии с которым банковские билеты стали выпускаться достоинством в 1, 2, 3, 5, 10, 25 и 50 червонцев. Началась чеканка червонца в форме золотых монет. И все же рынок не сразу принял новые деньги. Поначалу червонец стал городской валютой. Затем он постепенно распространился в сельской местности¹⁵.

Представители Госбанка постоянно следили за колебаниями курса валюты, старались влиять на него, скупая червонцы, если они падали в цене. Характерно, что если на «черном» рынке в январе 1923 г. за червонец платили 4,36 долл. или 0,47 фт. стерлингов, то через год — соответственно 4,54 долл. и 1,07 фунта (при официальном курсе: 4,59 долл. и 1,07 фт.).

Параллельно на «вольном» рынке действовали крупные спекулянты, которые тоже могли сразу же выбросить или, наоборот, скупить крупные суммы денег. Борьба со спекулянтами иногда заканчивалась для Госбанка немалыми потерями. Принятые в конце 1923 г. административные меры ограничили деятельность наиболее злостных нелегальных банкиров, но не ликвидировали полностью их злоупотребления в данной области, так как закон разрешал частным лицам заниматься валютными операциями: заключать сделки по купле-продаже золота, серебра, платины, драгоценных камней и иностранной валюты.

В условиях своеобразного «двоевластия» на денежном рынке у некоторых финансистов возникали сомнения, что денежную реформу удастся успешно завершить. Раздавались голоса, чтобы отложить ее на какой-то срок. Но это затормозило бы развитие рыночных отношений и всей новой экономической политики. Денежная реформа продолжалась. Выступая в январе 1924 г. на Пленуме ЦК РКП(б), народный комиссар финансов Г. Я. Сокольников подчеркнул, что для успешного ее завершения нужно обеспечить три основных условия: ликвидировать бюджетный дефицит и отказаться от излишней эмиссии денег; перейти от натурального налога в сельском хозяйстве к денежному, чтобы активизировать денежные отношения в деревне; обеспечить активный баланс.

Эти условия в течение 1924 г. удалось в основном выдержать. Хотя и без полной уверенности, что новые казначейские билеты будут такими же «твердыми», как и червонец, 5 февраля 1924 г. был подписан декрет об их выпуске в обращение. Они имели номинальную стоимость в 1,3 и 5 руб. золотом. Законом было установлено, что новые казначейские би-

¹⁵ Не обошлось и без курьезов. В августе 1922 г. для закупок урожая хлопка в Туркмении был выдан кредит в червонцах. Но крестьяне, не знавшие этих денег, отказывались их брать, и пришлось срочно менять их на совзнаки. Но уже через два месяца крестьяне стали отказываться от совзнаков и требовать только червонцы.

леты обязательны к приему по их золотой стоимости на всей территории страны. В начальный период рынок с недоверием отнесся к новым «совзнакам». Фактическая покупательная способность казначейских билетов иногда была на 10—25% ниже номинала. Но финансовым органам удалось все же укрепить их курс, прежде всего путем сдерживания эмиссии. Вскоре на рынке появились также новые серебряные и медные монеты.

Примерно в это же время были выпущены и реализованы среди населения первые государственные займы: хлебные, сахарный и выигрышные. Одновременно правительство проводило жесткие меры по сокращению государственных расходов. Так, число лиц, получавших зарплату за счет бюджета, сократилось к концу 1924 г. до 1,1 млн. чел. против 5,7 млн. в 1921 г. Все это позволило отказаться от массовой эмиссии совзнаков, которая еще год-два назад была основным источником доходов. Старые совзнаки были изъяты из обращения путем выкупа.

К концу 1924 г. создание устойчивой денежной системы было завершено, что способствовало ускоренному развитию товарооборота, внедрению хозрасчета в промышленности, укреплению режима экономии. Характерно, что только за 1924 г. объем промышленного производства увеличился на 36%, за 1925 г. — еще на 66, за 1926 г. — на 16%.

Комплексный характер нэпа выражался также в изменении конкретных форм взаимодействия экономической политики партии с интересами рабочего класса. Это сопровождалось созданием хозрасчетных трестов, наделенных широкой самостоятельностью. Одновременно повысилась их ответственность за рентабельную работу не только перед государством, но и перед членами трудового коллектива. В июле 1921 г. Президиум ВСНХ принял специальное постановление, связанное с переходом трестов на полный хозрасчет, суть которого раскрывается в следующей формуле: «государство ничего никому не дает даром»¹⁶. Тресты облагались всеми видами налогов, в том числе подоходным и промысловым, наравне с частными предприятиями.

Чтобы заинтересовать членов правления в повышении эффективности производства, для них были установлены специальные тантье (наградные), выплачиваемые в зависимости от размера полученной прибыли. В то же время они (члены правления) несли гражданскую и уголовную ответственность как за сохранность вверенного им имущества, так и за рентабельное ведение дела. Для рабочих была установлена сдельная или аккордная оплата труда, а также премии из прибыли.

Реализация продукции производилась на основе биржевых (рыночных) цен. Поначалу многие тресты попытались достигнуть увеличения прибыли путем повышения цен, в результате чего столкнулись с трудностями сбыта продукции. Потребовалось усиление контроля и регулирования цен со стороны государственных органов. Все это заставило промышленные предприятия заняться режимом экономии, ростом производительности труда.

В условиях развитых товарно-денежных отношений и реального хозрасчета неизбежной стала перестройка системы материального снабжения. Этого требовали объективные законы товарного производства. Сложившееся к тому времени в системе ВСНХ фондируемое распределение конкретных видов продукции не отвечало изменившимся потребностям. На фоне новых элементов хозяйствования бюрократический характер деятельности центральных органов снабжения проявился особенно контрастно. Поэтому вместо них на основе паевых взносов заинтересованных трестов и кредитов банков стали образовываться синдикаты — органы оптовой торговли средствами производства и товарами для населения. Основные функции синдикатов состояли в том, чтобы

¹⁶ Смилга И. Восстановительный процесс. Пять лет новой экономической политики. М.: Изд-во Плановое хозяйство, 1927. С. 13.

способствовать реализации готовой продукции своих трестов-пайщиков и обеспечении их материалами, сырьем, топливом, а также оказывать коммерческий кредит своим членам, а иногда получать такой кредит от них.

Деятельность синдикатов строилась на коммерческой основе, т.е. была платной. Их работники были заинтересованы в получении прибыли. В 1923—1924 гг., например, 15 общесоюзных синдикатов получили 21 млн. руб. прибыли. Она была распределена следующим образом: 8,4% — в казну, 2,9 — пайщикам, 25 — на увеличение резервного капитала, 6,7 — в фонд улучшения быта работников, 46,8% — в специальный капитал. На балансе оставлено 9,8%.

О том, что в развитии синдикатов была найдена удачная форма товарных связей между промышленными трестами и потребителями их продукции, свидетельствует прежде всего быстрое распространение синдицирования практически во всех отраслях. Если в 1923 г. на долю синдикатов приходилось 20—40% товарооборота промышленных трестов, то через пять лет — уже 80—90, а в отдельных отраслях — 100%¹⁷. Некоторые синдикаты вышли на мировой рынок.

Рассматривая в историческом плане сложный процесс выработки и реализации новой экономической политики, нельзя обойти молчанием и сопровождавшие ее негативные явления. Речь идет не просто о возрождении и активизации частного капитала (это было неизбежно и допустимо), а о крупномасштабном обогащении дельцов «теневой экономики» за счет государственного сектора.

По оценке Ю. Ларина, участвовавшего в работе ВСНХ, различных комитетов и комиссий, в том числе в комиссии «по частному капиталу», только с 1921 г. по 1923 г. частные предприниматели увеличили свой капитал больше чем в 2 раза. «Можно сказать, что буржуазия, которая действовала в первый период нэпа, — писал он, — вступила в этот нэп почти с голыми руками, очень мало, часто почти ничего не имея за душой, кроме своей предпринимчивости, кроме связей в различных советских учреждениях, кроме готовности пойти на всякое преступление ради обогащения». Ю. Ларин называет 12 основных видов хозяйственных преступлений со стороны частного капитала: использование своей агентуры и соучастников в государственном аппарате; деятельность под «крышей» государственных трестов и предприятий; перерождение отдельных руководителей государственных предприятий в частных предпринимателей; приобретение у государства материальных средств из неликвидных фондов на льготных условиях, используя несовершенство закона и головотяпство; хищническая аренда; нелегальная перекупка; контрабанда; злоупотребления государственным кредитом; спекуляция государственными займами; валютные операции, уклонение от налогов; создание лжекооперативов¹⁸.

Конкретные формы и механизм таких злоупотреблений были четко раскрыты в материалах комиссии В. В. Куйбышева, созданной для проверки персонального состава руководящих кадров промышленных предприятий, работавших в условиях нэпа. Она тщательно обследовала деятельность правлений 67 трестов, расположенных в Москве и Подмосковье. Обращает на себя внимание тот факт, что половину их руководства составляли коммунисты, 45% — рабочие. Казалось бы, что деятельность правлений находилась под партийным и рабочим контролем. Однако из 137 членов правления трестов только трое имели высшее и еще трое — среднетехническое образование. Все они были выходцами из буржуазии и бывших старших служащих. Другие в лучшем случае

¹⁷ Синдикатная система СССР. М.: Издание Всесоюзного Совета синдикатов. 1928. С. 5.

¹⁸ Ларин Ю. Частный капитал в СССР. М.—Л.: Госиздат, 1927, С. 8—9.

имели какой-то опыт работы в управлении производством, причем более трети из них не имели ни соответствующего опыта, ни образования. Этим и пользовались всякого рода «предприимчивые» люди.

Так, во главе Серпуховского хлопчатобумажного треста, организованного в декабре 1921 г., стоял беспартийный инженер Чердынцев. О нем отзывались как о специалисте-текстильщике и способном администраторе. Раньше он был членом коллегии Главтекстиля в ВСНХ, пользовался авторитетом и доверием руководства. Однако, ознакомившись с фактическим положением дел, комиссия В. В. Куйбышева характеризовала его деятельность как систему «полного расхищения треста». Практически это осуществлялось с помощью частноспекулятивных фирм (первое текстильное объединение, текстильные общества: «Сигма», «Бета», «Якорь» и др.), созданных Чердынцевым, и пайщиком которых он состоял. Расхищение происходило, хотя и скрыто, но довольно грубо. Серпуховской хлопчатобумажный трест 70—80% всех выпускаемых тканей отпускал частным фирмам со значительной скидкой под векселя, зачастую не учитываемые в Банке. Как правило, товар был лучшего качества. Естественно, государственный трест имел огромные убытки¹⁹.

Нужно отметить, что еще раньше комиссия Московской рабоче-крестьянской инспекции, основываясь на результатах четырехмесячного обследования Серпуховского треста, убедилась в преступной деятельности Чердынцева и считала необходимым привлечь его к уголовной ответственности. Однако последний нашел себе «защитников» в парткоме РКИ, который, проведя «дополнительный разбор» баланса правления треста, «признал выводы и критику МРКИ ошибочными».

О том, насколько тесно переплелись спекулянты и коррумпированные лица в госаппарате, свидетельствует судьба Плянского, проходившего по целому ряду судебных процессов. До революции — крупный торговец металлом, миллионер. В первый период после Октября — государственный служащий. Но в 1921 г. он вновь занялся частным предпринимательством. За 6 лет нэпа Плянский 18 раз привлекался к судебной ответственности за финансовые злоупотребления. Каждый раз ему давали различные сроки, и тем не менее он выходил на свободу.

Видимо, данный урок следует хорошо помнить, тем более что он повторился в Югославии, Польше, Венгрии, да и у нас теневая экономика заявила о себе уже достаточно громко. История, как писал К. Маркс, повторяется дважды, и об этом следует помнить. Поэтому необходимо как можно быстрее принять меры по усилению социальной и правовой защиты общенародной собственности от начавшегося изощренными и весьма разрушительными методами грабежа со стороны теневой экономики. Процесс этот всегда сопровождался ростом злокачественной коррупции в государственном аппарате с появлением метастаз в самых неожиданных местах.

И все же главные три вывода для сегодняшней практики, вытекающие из сравнительного анализа двух экономических реформ, разделенных между собой почти семью десятилетиями, на наш взгляд, состоят в следующем.

Во-первых, необходимо быстро, решительно и бескомпромиссно ликвидировать очень живучую систему разверстки — всякого рода чрезвычайные меры по мобилизации ресурсов, временно введенные в экономические отношения шесть десятилетий назад, неоднократно отменявшиеся в решениях самых высоких органов, но упорно здравствующие до настоящего времени. Вместо нее в основу распределительных и перераспределительных отношений следует положить устойчивые, экономиче-

¹⁹ Только за первый год нэпа потери государственной промышленности в результате деятельности частного капитала оценивались экономистами в пределах 150—200 млн. руб. золотом. См.: Ю. Ларин. Частный капитал в СССР. С. 12.

ски обоснованные нормативы и налоги. Только при таком условии можно реально перевести предприятия на хозрасчет, задействовать аренду, акционерные и другие формы собственности. В качестве возможного практического шага в указанном направлении могло бы быть замораживание на уровне плана 1990 г. на все следующее пятилетие — как максимально допустимых — абсолютных объемов госзаказа и других форм обязательных поставок в общесоюзные и республиканские фонды. Вся продукция, произведенная сверх этих нормативов, должна оставаться в распоряжении предприятий и может быть самостоятельно реализована заинтересованным заказчиком по договорным ценам через посреднические организации или напрямую.

Во-вторых, неотложным, первостепенным шагом к оздоровлению экономики, возрождению материальных стимулов и рыночных отношений является создание твердой валюты — конвертируемого рубля. Для этого нельзя больше медлить с проведением взаимосвязанных реформ финансов, цен, денег и кредита. Конкретные условия, формы, а значит и результаты перечисленных реформ могут быть различными. Поэтому их нужно хорошо подготовить и проводить поэтапно, без излишней спешки, но последовательно и решительно.

В-третьих, переход к планово-рыночной экономике предполагает коренные изменения в содержании, методах и формах народнохозяйственного планирования. По существу, предстоит создать два взаимодействующих и противоречивых регулятора экономики: план и рынок. Чтобы смягчить противоречия между ними, следует разграничить сферы их воздействия на социально-экономические, технологические и экологические процессы. В самом грубом приближении такое разграничение предусматривает, что объектами государственного планирования остаются долгосрочные и частично среднесрочные проблемы, связанные с решением ключевых социальных проблем и структурных изменений в народнохозяйственном комплексе, с крутым поворотом в сторону наукоемких производств. В существующей до сих пор схеме план соединял разум с волей («план—закон»). В новой системе план призван соединить разум с заинтересованностью работника, науку с производством. Поэтому народнохозяйственное планирование будет тесно переплетаться с социальной, финансовой и кредитной политикой, а деятельность Госплана — с деятельностью Госбанка, Минфина, научно-исследовательских учреждений.

К функциям рынка относится прежде всего регулирующее воздействие на противоречивое единство спроса, предложения и цен, а также на гибкое и быстрое осуществление локальных структурных изменений в производстве, торговле и сфере обслуживания.

Общий замысел состоит в том, что в планово-рыночной экономике должны проявиться преимущества обновленной модели социализма. Теоретически такие преимущества — более высокая экономическая и социальная эффективность — возникают благодаря новым возможностям использовать в субъективно-объективной системе регулирования экономики сильные стороны как плана (активная структурная политика и координация действий ведущих звеньев народного хозяйства), так и рынка (гибкая и оперативная перестройка предложения в соответствии с изменениями спроса, с одной стороны, и жесткость, бескомпромиссность оценки конечных результатов каждого товаропроизводителя с позиции потребителей — с другой). В то же время такое сочетание противоположностей должно усилить динамизм экономики, придать ей новые качества за счет смягчения слабых сторон плана (склонность к волютаризму и бюрократизму) и рынка (тенденции к стихии и анархии). Конечно, это пока теория. Будущее покажет, насколько она подтвердится на практике.

РЕСУРСОЕМКОСТЬ ПРОИЗВОДСТВА И НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ

М. Карпунин,

канд. экон. наук

Потребности отдельных людей, равно как и потребности всего общественного производства, растут более высокими темпами, чем возможности их удовлетворения. Независимо от вариантов решения задачи, для того чтобы успеть за спросом в конкретных товарах и услугах, нужно постоянно повышать производительность труда, выпуск материалов и полуфабрикатов, а также размер инвестиций в развитие более производительных технологий. Даже структурная перестройка народного хозяйства требует дополнительного привлечения ресурсов — трудовых, сырьевых, топливно-энергетических, материальных, капитальных вложений. Так, повышения удельного веса социальной сферы и отраслей группы «Б» в экономике (например, за счет конверсии оборонной промышленности) можно добиться только путем коренной реконструкции производства, замены оборудования, освоения новых или расширения применения ранее освоенных производственных процессов. Однако в каждый определенный момент любой из видов ресурсов является, как правило, ограниченным.

Суть проблемы обеспечения более высокого благосостояния общества заключается в следующем. Во-первых, как добиться снижения всей совокупности затрат и обойтись их минимальной величиной для получения ожидаемого (заданного) результата; во-вторых, где (за счет каких источников) найти резервы необходимых ресурсов в их требуемом сочетании, чтобы сконцентрировать их для выхода на целевые ориентиры; в-третьих, каким образом построить соотношения между затратами и результатом по календарным периодам, чтобы достижение конечного результата получить в возможно короткий срок; и, наконец, в-четвертых, какие нужны экономические рычаги для реализации этих задач.

Рассмотрим некоторые возможные подходы к решению названной проблемы на примере удовлетворения потребности страны в материальных ресурсах. Сегодня в их дефицит упирается и развитие экономики в целом, и увеличение производства товаров народного потребления в частности. Так, только в 1990 г. предприятия легкой промышленности и машиностроительного комплекса страны могли бы произвести товаров на несколько миллиардов рублей больше, если удовлетворить их спрос в хлопке-волокне, тонкой шерсти, синтетических волокнах и нитях, листовой и оцинкованной стали, белой жести, полиэтилене и полистироле, электродвигателях малой мощности, ряде других материалов и комплектующих изделий. Примерно на две трети покрывается потребность населения в лесных и строительных материалах. Недостаток цемента, пиломатериалов, санитарно-технического оборудования сужает фронт строительства жилья, других объектов социального назначения. Несвоевременное выполнение заданий по освоению производства новых видов металлопроката, пластических масс, композитов, подшипников и т. д. сдерживает процесс создания техники новых поколений и опережающего развития машиностроения как базы технического перевооружения всех отраслей народного хозяйства.

В то же время Советский Союз больше других стран производит стали, цемента, топливных ресурсов, пиломатериалов, некоторых других жизненно важных для экономики продуктов. Но при этом отстает от ряда государств по объему национального дохода. Следовательно, дело в уровне хозяйствования, в умении рационально использовать ресурсы. Сложившиеся у нас методы распоряжения имеющимся потенциалом с позиции современных знаний в области проектирования, организации труда, управления и производства трудно квалифицировать иначе как расточительные. Извлекаемая из недр горная масса используется на 10%. Комплексность и полнота освоения месторождений не превышает 50%. Ежегодно на стадиях добычи и переработки теряются сотни миллионов тонн горно-химического сырья и угля, черных, цветных и редких металлов.

Не лучше распоряжаемся мы и полученным, готовым к потреблению продуктом. Например, коэффициент использования металлов в машиностроении, которое потребляет около 40% конструкционных материалов, составляет немногим более 0,7 и остается стабильным на протяжении нескольких лет. В связи с этим ежегодный перерасход конструкционных материалов колеблется в пределах 3—5 млн. т. До полей не доходит около 15% произведенных минеральных удобрений, а размеры этих потерь в 2—3 раза превышают ежегодный прирост их выпуска. Потери электрической энергии на передачу по электрическим сетям у нас в 1,3—1,5 раза выше, чем в других развитых странах. Глубина переработки нефти в СССР в 1988 г. достигла 62%, а в США она превысила 90%. Из каждой тысячи кубометров вывезенной древесины мы получаем 790 м³ деловой древесины, 22,6 т целлюлозы, 16,4 т бумаги, 11,6 т картона, тогда как Канада — соответственно 968 м³; 69,8 т; 72,7 т; 14,6 т. И такого рода сравнения можно было бы продолжить.

Как следствие наше народное хозяйство в сравнении с другими развитыми странами отличается высокой ресурсоемкостью. Так, в 1988 г. удельный расход топливно-энергетических ресурсов в расчете на 1 млн. долл. валового национального продукта в СССР составил 796 т усл. топлива, в США — 649, в ФРГ — 384 и в Японии — 281; черных металлов соответственно — 57 т, 25, 34 и 46 т.

Необходимость коренного улучшения использования материальных и топливно-энергетических ресурсов в стране очевидна. Известны и факторы более эффективной отдачи ресурсного потенциала. К основным из них можно отнести: сосредоточение тематики фундаментальных исследований на ресурсосберегающих направлениях науки и техники; принципиально новую, основанную на функционально-стоимостном подходе организацию поиска более эффективных проектных решений при разработке новых изделий, технологий и проектов сооружения строительных объектов, предусматривающую сокращение расхода ресурсов на единицу полезного параметра; обеспечение глубины и комплексности переработки сырьевых ресурсов; повышение качества и надежности продукции; сокращение потерь и отходов на основе реализации специальных научно-технических и организационно-экономических мероприятий; разработку, освоение и внедрение безотходных и малоотходных технологий и производств; создание самостоятельной, широко разветвленной сферы использования вторичных ресурсов производственных и бытовых отходов для масштабного вовлечения их в новый производственный цикл; перестройку межотраслевой и внутриотраслевой структуры производства и потребления продукции в пользу опережающего развития менее материалоемких производств; формирование прогрессивной структуры конструкционных материалов, главным образом путем расширения сферы применения новых, более эффективных по сравнению с заменяемыми традиционными.

Остановимся более подробно на последнем факторе. Его резервы поистине неисчерпаемы. Вот лишь отдельные примеры. В мировой и отечественной практике уже несколько лет для изготовления оснований станин и других элементов станочного оборудования используются полимерные и цементные бетоны. Эти конструкции по сравнению с металлическими имеют более высокие параметры демпфирующей способности и стабильности геометрических размеров, низкую теплопроводность, простую технологию изготовления, снижение энерго- и трудозатрат при их производстве. По данным НИИЖБ Госстроя СССР, применение одного кубометра специальных бетонов в машиностроении позволяет заменить 1,5—2 т металла. Приблизительно втрое сокращаются трудоемкость работ и продолжительность цикла изготовления изделий, поскольку исключается процесс механической обработки крупногабаритных деталей. Улучшаются их эксплуатационные качества в связи с тем, что бетон в 60 раз лучше, чем чугун, гасит колебания и вибрации, а его термическое сопротивление в 30—40 раз выше. Стоимость машиностроительных деталей, изготовленных из специальных бетонов, вдвое, а железобетона в 3—4 раза ниже стоимости тех же изделий из чугуна. Однако межведомственные перегородки предприятий машиностроения, стройиндустрии и химической промышленности, а также недочеты действующего хозяйственного механизма ограничивают сферу применения таких выгодных материалов.

Или взять другой пример. Свыше 10 лет назад разработана и защищена авторскими свидетельствами технология шлакового литья. Материалы, полученные на основе шлакосплавов (а в отвалах сейчас лежат сотни миллионов тонн шлаков), не уступают, а в ряде случаев превосходят по прочности и надежности сталь, чугун, цветные металлы, железобетон. При организации их серийного производства они могут быть сравнительно дешевыми. Так, километр шоссе из шоссейного полотна, сооруженного из шлаковых плит, обойдется в 5 раз дешевле по сравнению с материалами, традиционно применяемыми для дорожного покрытия. Но и этому новшеству препятствуют аналогичные субъективные обстоятельства.

Не менее эффективна замена черных и цветных металлов композиционными материалами. Уже сегодня она иногда дает 5—7 руб. экономии на 1 руб. затрат. Только применение углепластика вместо нержавеющей стали в трубах и емкостях для транспортировки и хранения агрессивных химических веществ позволяет обеспечить до 80 тыс. руб. экономии на 1 т композита, увеличивая ресурс изделий в 20—25 раз. Но и здесь делаются только первые робкие шаги.

Предпочтение в производстве и потреблении конструкционных материалов по-прежнему получают их традиционные виды. Характерным в этом смысле является соотношение потребления готового проката и пластмасс (по данным за 1987 г.) в СССР и США (см. таблицу).

В проектировках на перспективу до 2005 г., разработанных Госпланом СССР, имеются в виду не только сохранить, но даже несколько увеличить производство готового проката. По сравнению с 1990 г. намечается и наращивание производства смол и пластмасс (примерно в 2,5 раза). Однако их абсолютный объем в 2005 г. при предполагаемых темпах роста составит лишь около 70% уровня, достигнутого США в 1987 г. Между тем все промышленно развитые капиталистические страны уже давно заменяют традиционные конструкционные материалы (сталь, древесину, чугун, цемент) алюминием, пластмассами, керамикой, сплавами и новыми материалами с заданными и меняющимися свойствами.

О нашем отставании здесь может дать представление анализ сложившейся к началу двенадцатой пятилетки структуры материалов, потребляемых в СССР и США.

Если условно поделить эти материалы на три группы (с уровнем по-

(в млн. т)

Виды ресурсов	СССР	США
Готовый прокат		
производство	114,1	69,5
импорт	5,1	18,2
экспорт	8,2	1,0
Синтетические смолы и пластмассы	4,5	25,5
в пересчете на металл	22,5	127,5
Приведенное к металлу потребление двух групп конструкционных материалов	133,5	214,2

ребления до 20 кг/чел., с 20 до 90 кг/чел., с 90 до 600 и более кг/чел.), то окажется, что в США и традиционные, и прогрессивные материалы располагаются по ним равномерно. Причем традиционные находятся преимущественно в первой и частично в третьей группе. В СССР же наоборот: новые и прогрессивные сконцентрированы в первой группе, а традиционные (сталь и цемент) — в третьей. Хотя именно традиционные материалы достигли порога своих возможностей. По таким характеристикам, как радиационная стойкость, жаропрочность, хладостойкость, регулируемость оптических свойств, и некоторым другим они уже не могут быть полезными при разработках техники новых поколений.

В конце 1988 г. Совет Министров СССР одобрил четырнадцать государственных научно-технических программ, в том числе «Перспективные материалы». ГКНТ СССР, научный совет по названной программе и советская ассоциация «Перспективные материалы» объявили конкурс на разработку новых конкурентоспособных конструкционных и функциональных материалов высокопроизводительных технологических процессов их производства по нескольким направлениям, в том числе металлические, керамические, композиционные, полимерные материалы и т. д.

Предполагается, что в результате реализации программы доля перспективных материалов в общем объеме металлических и полимерных конструкционных материалов возрастет к 2005 г. до 20%. Иначе говоря, неэффективная структура используемых конструкционных материалов сохранится еще на долгие годы, что будет оборачиваться не только их прямыми и относительными потерями, но и обуславливать необходимость дополнительных затрат на обеспечение их выпуска и обработку. Таких затрат потребуют не только повышение качества и увеличение производства более прогрессивных видов традиционных конструкционных материалов, прежде всего черных металлов (холоднокатаного листа, различного рода профилей, металлических порошков и т. д.), потому что при теперешней структуре металлоизделий дальнейший прогресс техники невозможен. Понадобятся также значительные капитальные вложения на обновление устаревших и экологически небезопасных производственных мощностей горнодобывающих и металлургических предприятий. Кроме того, дополнительные затраты вызовут и естественный процесс совершенствования технологий металлообработки (что также связано с инвестициями в развитие машиностроения) и решение задачи снижения конструктивной металлоемкости различных видов техники.

Предлагаемый в проекте Основных направлений экономического и социального развития страны на период до 2005 г. эволюционный путь снижения металлоемкости национального дохода будет скорее всего не более, а менее выгодным не только для перспективной, но и для текущей экономики. По данным специалистов, около 80% металлопродукции, требующей повышения качества до уровня мировых достижений, может быть произведено только при существенных капиталовложениях в рекон-

струкцию действующих и сооружение новых цехов и агрегатов. То же самое можно сказать о совершенствовании структуры строительных материалов. В ней преобладают традиционные их виды, а доля, например, химических материалов на полимерной основе составляет 7%.

Поэтому вряд ли можно признать целесообразной экономическую политику развития материально-сырьевой базы, основанную на сохранении «завоеванного плацдарма» по объему выпуска традиционных материалов и постепенном (в меру выделения капиталовложений на создание необходимых мощностей и других ресурсов, которых всегда недостает) приращении ассортимента и производства нетрадиционных, более экономичных видов материалов. Более предпочтительными представляются другие пути. Это, во-первых, отказ от эволюционного процесса повышения эффективности использования традиционных конструктивных материалов и планомерное сокращение объемов их изготовления, а во-вторых, концентрированное сосредоточение всех возможных ресурсов и научного потенциала на создании и прогрессирующем развитии производства продуктов новых поколений. Здесь нужен научно-технический рывок. Задержка с организацией промышленного выпуска новых материалов все чаще становится одной из главных причин отставания ведущих отраслей нашей промышленности от мирового уровня.

Характерным в этом отношении является пример отечественного автомобилестроения, которое, для того чтобы быть представленным на внешнем рынке, вынуждено импортировать различные полимерные и лакокрасочные материалы, смазки, резинотехнические изделия, отдельные виды цветных металлов, ряд комплектующих изделий. Недостаток новых конструктивных материалов отражается и на многих других направлениях советского машиностроения. И это вполне естественно, если учесть, что разрыв в объемах потребления композитов, керамики, полимерных и ряда других материалов, определяющих мировой уровень современной техники, у Советского Союза по сравнению с ведущими капиталистическими государствами исчисляется разами. Например, по углеродным материалам и пластикам — в 5, стеклопластикам — в 8, материалам с металлической матрицей — в 30 раз. А металлокомпозиты и функциональная керамика практически не применяются. Между тем возможности использования керамических материалов, учитывая их механические, тепловые, химические и функциональные свойства, весьма широки. Так, установка керамических деталей в двигателях внутреннего сгорания, повышая предел температуры в камере сгорания, ведет к снижению веса и кинематических потерь в двигателе, к экономии до 30—40% топлива. Новые материалы ценны именно своими свойствами сберегать расход ресурсов постоянного потребления.

Что же предпринять в практическом плане, чтобы существенный прирост ресурсного потенциала страны за счет прогрессивных конструктивных материалов в ближайшей перспективе стал преобладающим фактором? Естественно, учитывая ограниченность ресурсов, которые могут быть выделены в централизованном порядке для решения проблемы.

Прежде всего, используя возможности современных информационных систем, следовало бы выявить все отечественные и зарубежные разработки новых материалов и заменителей традиционных конструктивных материалов по результатам фундаментальных исследований, опытно-конструкторских работ, заявок на изобретения, выданных авторских свидетельств, рационализаторских предложений. Сюда, в частности, попали бы и все разработки оборонной промышленности, пригодные для применения в отраслях, производящих продукцию производственно-технического назначения и товары народного потребления. Следовательно, прежде всего нужно провести инвентаризацию всех разработок, какими мы можем располагать. Наряду с этим необходимо, очевидно, создать и организовать деятельность (обеспечить финансирование и воз-

возможности проведения экспериментальных работ) специальных творческих коллективов, состоящих из новаторов, изобретателей, других компетентных специалистов различного профиля. Некоторые из этих групп на конкурсной основе вели бы разработку материалов одного и того же функционального назначения. Чтобы содержание творческой деятельности было более целенаправленным, по-видимому, имеет смысл продлить упомянутый выше конкурс проектов на разработку новых конкурентоспособных конструкционных и функциональных материалов, высокопроизводительных технологических процессов их изготовления.

Весь образовавшийся «портфель» новых материалов подлежит далее экспертной оценке с точки зрения возможностей технического достижения требуемых параметров, а также совокупных затрат, необходимых для их обеспечения. Такая оценка должна проводиться последовательно по всем стадиям жизненного цикла нового продукта: поисковые и научно-исследовательские работы, проектные, опытно-конструкторские и технологические работы, подготовка и освоение производства, организация промышленного производства, доведение до стадии потребления (транспортировка, опытные испытания и проверка), использование, утилизация.

В основе такой комплексной оценки потребительских свойств и затрат на их проявление у нового материала лежит функционально-стоимостной подход. Он, с одной стороны, исходит из функционального назначения анализируемого продукта труда, т. е. из точного определения, для чего, для выполнения каких функций тот создается. С другой стороны, предполагает исчисление полной величины общественно необходимых затрат для реализации этих функций. Затраты определяются не по одной стадии, а по всему их составу. Если, скажем, увеличение затрат на проектирование, разработку технологий или создание специального оборудования, необходимого для выпуска нового материала, снизит общий размер совокупных затрат по всем стадиям жизненного цикла за весь период его осуществления, значит, эти затраты оправданы и на их вложение на соответствующем этапе надо идти. Такое сопоставление различных совокупных затрат и результатов от осуществления различных проектов и решений с учетом их социально-экономических последствий должно носить обязательный характер и быть составной частью разрабатываемой нормативно-технической документации.

Проведенная оценка позволила бы отранжировать по величине затрат все проанализированные материалы, точно рассчитать требуемые для организации их промышленного производства мощности смежников, трудовые и финансовые ресурсы, размеры сырьевого и материально-технического обеспечения. В свою очередь, это послужило бы основанием для определения источников покрытия затрат предложенных проектов, принятия организационных решений по их реализации: расширение масштабов производства новых перспективных материалов на предприятиях оборонных отраслей в порядке осуществления их конверсии; перепрофилирование и переоснащение на новые технологии традиционных производств; приобретение лицензий и ноу-хау; создание совместных производств и малотоннажных производств специальных материалов в отраслях-потребителях; аккумуляция необходимых средств через организацию акционерных предприятий и т. д.

Необходимо точно взвешивать состав и величину дополнительных затрат, связанных с организацией и развитием производства новых материалов. Создание материально-технической базы такого производства действительно дорого стоит, но оно будет более выгодным вложением средств, если в сравнительных сопоставлениях учесть обязательные затраты на поддержание и развитие базы производства традиционных материалов, которые предстоит заменить, и ту экономию, которую даст применение новых материалов на снижении веса оборудования, уменьшении потребления топлива и энергии, повышении надежности техники,

ее производительности. Нельзя, например, игнорировать, что на запасные части для ремонта парка машин и оборудования, надежность которых определяется в немалой степени качеством и свойствами конструкционных материалов, сегодня расходуется 25—30% металлопродукции, потребляемой при производстве соответствующей техники.

Проведение предложенной работы позволило бы в итоге уточнить и придать качественно новое содержание государственной научно-технической программе «Перспективные материалы», которая, в свою очередь, должна стать составной частью обновленной Общегосударственной программы ресурсосбережения. Однако мало составить программу, нужно организовать ее реализацию, сформировать механизм государственного управления ресурсосбережением. Не будем касаться всех сторон такого механизма. Обратим внимание лишь на отражение в его отдельных элементах особенностей, относящихся к влиянию новых материалов на снижение ресурсоемкости общественного производства.

Остановимся прежде всего на планировании. Сейчас, когда отрицается административно-командная система хозяйствования, среди главных выразителей которой чаще всего называют директивное планирование, было бы непростительной ошибкой впадать в другую крайность: пренебречь созидательными возможностями этого инструмента. На наш взгляд, планы развития народного хозяйства должны исходить из необходимости выхода на показатели материалоемкости общественного производства, металло- и энергоемкости произведенного национального дохода, приближающиеся к уровню экономически развитых стран, и содержать с учетом этого качественно новую, строго выверенную расчетами материально-вещественную и стоимостную (ценностную) сбалансированность. Одним из ее аспектов мог бы стать структурный сдвиг в пользу опережающего создания и наращивания производства новых и сокращения выпуска традиционных конструкционных материалов.

В качестве примера можно было бы привести необходимость решения проблемы замены части черных металлов алюминием и конструкционными пластмассами, эффективность которой доказана хозяйственной практикой. Быстрое, тем более прогрессирующее замещение одних материалов другими не произойдет само по себе. Оно станет возможным лишь в результате целенаправленной (обоснованно спланированной и последовательно осуществляемой) концентрации государственных (централизованных и нецентрализованных) капитальных вложений для ускоренного развития алюминиевой промышленности и увеличения производственных мощностей для переработки нефти и газа в пластмассы. Отметим кстати, что если в США на производство пластмасс идет свыше двух третей добываемой нефти, то в Советском Союзе — только десятая часть.

Новая структурная сбалансированность народнохозяйственного плана, увязанная с другими рычагами централизованного регулирования экономики (цены, налоги и т. д.), побуждала бы отрасли, регионы, объединения и предприятия формировать и реализовывать программы технологического обновления собственного производства. При таком подходе к планированию ориентиром деятельности трудового коллектива в расширении применения новых конструкционных материалов выступала бы экономическая необходимость, а не директивный заказ государства. Хотя в ряде случаев, очевидно, и он может использоваться для выдачи предприятиям и НИИ отдельных заданий по развитию специальной экспериментально-исследовательской базы, созданию специализированных мощностей для выпуска прогрессивных материалов, определенного объема их производства.

Другим важнейшим инструментом ресурсосбережения должна стать система государственной стандартизации. В стандартах целесообразно определять совокупность требований к параметрам продуктов труда, к

среде, условиям и факторам их производства таким образом, чтобы эти требования, например, по надежности, ресурсу и производительности техники изменились в сторону ужесточения сообразно намеченным срокам осуществления тех или иных ресурсосберегающих программ.

На достижение параметров, заложенных в перспективных стандартах, должны быть сориентированы и другие элементы хозяйственного механизма. Так, в ценообразовании это могло бы быть определение такого соотношения цен (и для изготовителей, и для потребителей) на традиционные и прогрессивные конструкционные материалы и продукцию из них, которое делало бы замену первых на вторые экономически эффективной. Например, в реальных условиях можно проверить действенность введения для потребителей более высоких цен на традиционные, особенно дефицитные, виды материалов и энергоносителей, разница которых с ранее утвержденными ценами не увеличивала бы доходы предприятий-изготовителей таких ресурсов, а перечислялась в государственный бюджет. Эти средства могли бы использоваться как целевой источник покрытия повышенных (по сравнению с утвержденной ценой и нормативной рентабельностью) затрат на изготовление, допустим, полимерных материалов коллективами, осваивающими их производство.

Финансирование следовало бы строить на предпочтении первоочередных вложений имеющихся финансовых средств в реализацию более эффективных проектов и вариантов решений, где экономический эффект от применения новых материалов будет особенно весомым.

Система распределения прибыли между государственным, местным бюджетом, вышестоящей организацией и предприятием могла бы базироваться на обязательном внесении установленной платы за ресурсы, параметры использования которых должны соответствовать нормативным требованиям стандартов, а потом в силу вступало бы налогообложение. На характер распределения прибыли оказывали бы влияние те налоги и льготы, с помощью которых наказывались или, наоборот, поощрялись негативные или позитивные отклонения от названных требований. Потребителей новых материалов можно было бы освобождать от платы за ту часть производственных фондов, которая необходима (эквивалентна стоимости) для замещения соответствующего количества первичных традиционных ресурсов. По отношению к предприятиям, допускающим отклонения от перспективных стандартов, целесообразно применять санкции, дифференцированные в зависимости от степени отклонения фактической величины того или иного параметра от нормативной.

Поскольку три четверти возможной экономии материалов закладывается на стадиях исследования и проектирования новых материалов и изделий, оплату труда разработчиков также следовало бы увязать с достижением перспективных параметров более эффективных продуктов труда и размером потенциального (авансовые выплаты) и реального экономического эффекта от их производства и применения.

Уже сейчас, не ожидая решения вышеперечисленных проблем, Госплану СССР, ГКНТ СССР, Госснабу СССР, другим государственным органам важно было бы заняться формированием самостоятельных структур, назначение деятельности которых — организация создания и расширения производства новых перспективных материалов. Имеются в виду специальные подразделения в управленческих звеньях и отдельные лаборатории, отделы, опытные участки и производства в существующих НИИ, цехи и производства на действующих предприятиях, а также новые специализированные научные организации, заводы, объединения, кооперативы, МНТК, ассоциации и т. д. Важно добиться, чтобы курс на расширение объемов выпуска и использования новых прогрессивных материалов стал конструктивной основой ресурсосбережения, а следовательно, и всей современной научно-технической, инвестиционной и экономической политики. В этом — будущее советской экономики.

УПРАВЛЕНИЕ ТРУДОВЫМИ РЕСУРСАМИ И ЗАНЯТОСТЬЮ НАСЕЛЕНИЯ

В. Кулаков,

нач. отдела Госплана СССР

Основные цели и задачи этой системы управления

В настоящее время создается, по существу, новая экономическая модель социалистической системы хозяйствования на основе тесного взаимодействия различных форм собственности — государственной, кооперативной и личной, развития арендных отношений, обеспечения полной хозяйственной самостоятельности и материальной ответственности всех товаропроизводителей, органического слияния товарно-денежных отношений и планового ведения народного хозяйства. В связи с этим перестраивается управление народным хозяйством, в том числе трудовыми ресурсами и занятостью населения — ведь человек, трудящийся становится в самом широком смысле основным действующим лицом перестройки, ее движущей силой.

Управление трудовыми ресурсами и занятостью должно обеспечивать наиболее эффективное использование имеющегося трудового потенциала для получения максимального экономического и социального эффекта, который, в свою очередь, гарантировал бы создание необходимых предпосылок для всестороннего и гармоничного развития человеческой личности. Исходя из этого система управления трудовыми ресурсами предполагает достижение следующих основных целей:

обеспечение научно обоснованного воспроизводства населения в целом по СССР, союзным республикам и экономическим районам;

достижение полной и рациональной занятости населения, т. е. создание условий, при которых удовлетворяется потребность людей в работе и учебе во всех районах страны;

эффективное использование всего трудового потенциала и отдельных групп населения (молодежи, женщин, лиц старшего трудоспособного возраста) на основе внедрения достижений научно-технического прогресса и улучшения организации производства, труда и управления;

обеспечение отраслей народного хозяйства квалифицированной рабочей си-

лой, количество и качество которой соответствовало бы реальным потребностям народного хозяйства на каждом этапе экономического и социального развития страны.

Для реализации этих целей важно методологически грамотно «встроить» подсистему управления трудовыми ресурсами и занятостью населения в единую систему управления народным хозяйством с учетом происходящих в ней изменений.

На систему управления трудовыми ресурсами и занятостью населения воздействует множество отношений: политические, социальные, производственно-экономические и административно-правовые. Хозяйственное управление может быть успешным лишь в том случае, если оно опирается на правильный **политический подход** к решению стоящих задач, т. е. необходима выработка правильной политической линии, отражающей экономические требования общества, и реализация ее в хозяйственном строительстве. Современная политика государства и КПСС, направленная на коренное улучшение всех сторон жизни и деятельности советского общества, включая перестройку хозяйственного механизма, обуславливает существенное изменение всей концепции занятости населения.

Важнейшей предпосылкой эффективного функционирования экономики и рационального использования трудовых ресурсов является и **социальный аспект управления**. Он направлен на совершенствование тех производственных отношений, которые определяют установление сбалансированных отношений между целями и задачами развития производства и многогранными интересами работников, в том числе личной заинтересованностью, которая становится все более реальным стимулом развития. Сильная социальная политика не может не сказываться на системе управления трудовыми ресурсами и занятости населения, которая тоже становится все более «социальной».

Производственно-экономический аспект предполагает управление трудовыми ресурсами как совокупностью уже

работающего населения и лиц, обучающихся с отрывом от производства. Объектом воздействия здесь является множество отношений, от состояния которых зависят эффективность использования рабочей силы и ее профессиональный уровень.

Административно-правовой аспект управления предполагает необходимость координирования деятельности всех элементов системы управления трудовыми ресурсами и занятостью населения. В условиях расширения сферы воздействия на экономику товарно-денежных отношений, особенно на первом этапе становления нового хозяйственного механизма, этот элемент управления будет еще играть важную роль. А что касается соблюдения правовых норм и гарантий для трудящихся, то этот вопрос — один из главных. Правовая форма воздействия обеспечивает законодательное закрепление прежде всего форм собственности, а также других элементов новой системы хозяйствования, гарантируя тем самым устойчивое функционирование всей системы в целом и подсистемы управления трудовыми ресурсами и занятостью населения в частности.

Каждый из рассмотренных аспектов управления трудовыми ресурсами и занятостью распадается, в свою очередь, на множество других элементов, которые в тесном взаимодействии и должны обеспечить эффективное функционирование всей системы в целом.

Другой немаловажной теоретической посылкой для правильного построения системы является трактовка категорий «трудовые ресурсы» и «рабочая сила». Несмотря на то что научные споры по этому поводу ведутся многие годы, довольно часто указанные категории отождествляются, что порой приводит к неправильной постановке задачи и обрекает решение исследуемой проблемы на неудачу уже вначале. Примером тому является так и неудавшаяся попытка сбалансировать трудовые ресурсы и рабочие места...

Чтобы избежать подобных ошибок, необходимо четко представлять то общее, что объединяет указанные экономические категории и что их разъединяет. К. Маркс писал: «Под рабочей силой, или способностью к труду, мы понимаем совокупность физических и духовных способностей, которыми обладает организм, живая личность человека, и которые пускаются им в ход всякий раз, когда он производит какие-либо потребительские стоимости»¹. Трудовые ресурсы также обладают «совокупностью физических и духовных способностей». Именно в этом состоит то общее, что объединяет указанные категории. Вместе с тем «рабочей силой» может стать не вся совокупность, а только часть ее и только тогда, когда человек реализует в труде свои физические и духовные способ-

ности. В этом заключается принципиальное различие рассматриваемых экономических категорий, т. е. рабочая сила является частью целого.

Таким образом, выступая как целое, трудовые ресурсы включают в себя действующую рабочую силу (рабочие и служащие, колхозники, кооператоры, лица, занятые в крестьянских хозяйствах и индивидуально-трудовой деятельностью, в личном подсобном хозяйстве) и трудоспособное население, обучающееся и повышающее квалификацию с отрывом от производства, занятое в домашнем хозяйстве, служащее в Вооруженных Силах и др. Трудовые ресурсы выступают в качестве объекта государственного и территориального управления и образуют ведущую подсистему во всей системе управления ими и занятостью населения.

Другая подсистема оперирует экономической категорией «рабочая сила», последняя является объектом непосредственно производственного управления (на предприятиях и в организациях, кооперативах и колхозах, в личном подсобном и крестьянском хозяйстве и др.). Именно в этой подсистеме через постоянно совершенствующиеся производственные отношения достигаются эффективное функционирование рабочей силы и рациональная занятость. Чем выше уровень развития производительных сил, тем интенсивнее миграционная подвижность населения. В нашей стране, например, во всех миграционных перемещениях участвуют ежегодно не менее 25 млн. человек. Естественно, что обществу далеко не безразлично, насколько рационально происходит эта миграция. В рамках старой административной системы движение кадров происходило в основном стихийно. На долю организованных форм перераспределения рабочей силы (централизованная подготовка и распределение квалифицированных рабочих и специалистов, организованный набор рабочих, общественный призыв молодежи и др.) приходилось не более 35—40% всех перемещений. В связи с этим в системе управления трудовыми ресурсами и занятостью населения все большее значение приобретает еще один блок: подсистема профессиональной ориентации, переобучения и трудоустройства работников и незанятого населения.

Подсистема управления трудовыми ресурсами: состояние и пути совершенствования

Подсистема должна вырабатывать оптимальный вариант формирования и использования трудовых ресурсов по СССР в целом, союзным и автономным республикам, краям, областям и крупным городам. Для этого широко используется балансовый метод, а конечный результат отражается в сводном балансе трудовых ресурсов. Он является

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 178.

одним из синтетических балансов, которые применяются в практике планирования, при анализе и оценке процессов и тенденций, происходящих в экономике и во всем обществе, и разрабатывается с учетом демографических процессов в стране и всех основных показателей развития народного хозяйства: роста объемов производства, повышения производительности труда, развития сферы обслуживания населения и других производственных отраслей. По существу, баланс трудовых ресурсов в окончательном виде является концентрированным выражением разрабатываемого плана экономического и социального развития в виде оптимального варианта занятости населения.

Если совершенствование народнохозяйственного планирования в настоящее время происходит в направлении децентрализации, то с разработкой балансов трудовых ресурсов дело обстоит иначе. Здесь вряд ли что можно убавить или ликвидировать. Скорее наоборот. Речь должна идти о дальнейшем углублении этой работы и насыщении балансов новыми показателями занятости. Балансы трудовых ресурсов и в условиях развития рыночных отношений остаются важным инструментом сбалансированного развития всего народного хозяйства, его отраслей и территорий. Более того, переход на долгосрочное перспективное планирование, усиление роли союзных и автономных республик, краев и областей в комплексном социально-экономическом развитии своих территорий ставит балансы трудовых ресурсов в один ряд с важнейшими экономическими методами управления экономикой и занятостью населения.

Существующая методология предусматривает, как известно, разработку балансов трудовых ресурсов в два этапа: предварительный, когда еще не определены основные показатели развития народнохозяйственного комплекса страны и союзных республик, и окончательный — в тесной увязке с этими показателями.

Переход на долгосрочное перспективное планирование предъявляет более высокие требования к разработке **предварительного баланса трудовых ресурсов**. К сожалению, он еще не нашел своего места в практике государственного регулирования экономики. Первая попытка исправить это положение была предпринята Госпланом СССР при разработке Концепции экономического и социального развития СССР до 2005 г., когда такой баланс был впервые разработан с разбивкой по пятилетним периодам, по видам деятельности и отраслям народного хозяйства по СССР в целом и союзным республикам. Предполагалось, что на его основе, применяя дополнительно разнообразные нормы и нормативы, можно будет выйти на альтернативные варианты развития экономики в целом и особенно социальной сферы.

Человек является одновременно и потребителем, и производителем материальных благ и услуг. Достижение оптимального равновесия в указанной системе, т. е. между производством и потреблением, это и есть суть «сильной социальной политики», с одной стороны, и рациональной занятости населения — с другой. Сегодня пока не удалось оптимизировать эти важнейшие пропорции в народном хозяйстве, используя метод предварительного прогнозирования занятости и социально-экономического развития. Но именно эта работа должна стать одной из главных функций Госплана СССР и других плановых органов в новой системе управления экономикой. При этом, конечно, человек, его «физические и духовные потребности», а также «способность к труду» должны быть поставлены не на словах, а на деле во главу угла государственного регулирования социально-экономического развития.

Новые условия требуют кардинальных изменений и методологии составления баланса трудовых ресурсов. Первая трудность, с которой сталкивается разработчик, — правильно определить общую численность трудовых ресурсов на перспективу. И если прогноз естественного движения населения не представляет особых трудностей (его законы имеют сравнительно устойчивый характер), то прогноз миграции в современных условиях — дело достаточно сложное. Многие новые элементы миграции населения просто не поддаются достаточно точному прогнозированию, а их достоверность в большей степени зависит от компетентности эксперта. Например, далеко не просто определить миграцию населения за пределы СССР. В последнее время ее интенсивность резко возросла. По некоторым оценкам, только за 1989 г. из страны выехало более 200 тыс. человек. А что будет завтра, когда, возможно, будет принят Закон СССР о свободном передвижении граждан? Пока лишь только весьма приблизительно можно сказать, что ближайшие пять лет будут в этом отношении очень трудными до тех пор, пока население не удовлетворит этой новой для себя потребности — свободного выбора места жительства и работы, в том числе и за пределами СССР, или пока не произойдет перенасыщения рынка рабочей силы в других странах.

Не менее сложным является и прогноз межреспубликанской миграции. Переход союзных республик и отраслей народного хозяйства на принципы хозяйственной самостоятельности и самофинансирования, модернизация структуры народного хозяйства, осложнение внутриполитической обстановки и в первую очередь на почве межнациональных отношений, уже породили новые процессы во внутрисоюзной миграции населения. Еще вчера мало кто мог предположить, что в СССР со всей остротой встанет проблема беженцев, вопросы возвращения целых народов на свою

исконную территорию или все более жесткой консолидации наций в ряде союзных республик. И эти новые отношения разработчик должен уметь спрогнозировать и заложить в расчеты баланса. И здесь, конечно, никак не обойтись без союзных республик и без их компетентного подхода в оценке степени миграционной подвижности своего населения.

Величина трудовых ресурсов зависит от численности работающих лиц старше трудоспособного возраста. В настоящее время в народном хозяйстве их занято почти 8 млн. человек. А завтра? Какие факторы будут определять степень участия в трудовой деятельности этой части населения? Один из основных — их общая увеличивающаяся численность. Если, например, в настоящее время численность пожилых людей составляет 51 млн. человек, или 18% всего населения, то в 2010 г. она возрастет до 56 млн., или 19%. Вторым по значению фактором является уровень жизни пожилых людей. Если он низок, то пенсионер будет стремиться заработать, помимо пенсии, дополнительные средства для своего существования. При повышении уровня благосостояния, в частности после введения в действие Закона о пенсиях, относительная численность работающих пенсионеров будет сокращаться. Важен и социальный аспект занятости: стремление пожилых людей быть полезными обществу, если для этого сохранилось еще достаточно сил и имеется богатый профессиональный опыт. Этому стремлению иногда препятствует нежелание предприятий принимать на работу лиц, достигших пенсионного возраста. Проблема эта в основном законодательного характера. И решать ее необходимо, не откладывая в «долгий ящик», например, при уточнении Закона СССР о государственном предприятии.

Учитывая все эти факторы, а также ожидаемое увеличение прироста трудовых ресурсов и высвобождение работников из материального производства, можно предположить, что в перспективе относительная численность занятых в народном хозяйстве лиц старше трудоспособного возраста сократится. Однако в абсолютном выражении она может и возрасти, если для таких работников будут создаваться специальные рабочие места и широко внедряться режимы труда с неполным рабочим временем.

В прогнозировании использования трудовых ресурсов новым является то, что «реконструкции», по существу, подлежат вся распределительная часть баланса, что обуславливается изменениями в отношениях собственности. Основным формам собственности (государственной, кооперативной и личной) в балансе трудовых ресурсов теперь должны соответствовать: работники государственных предприятий, колхозники, кооператоры лица, занимающиеся крестьянским хозяйством и индивидуально-трудовой деятельностью. Не следует путать понятия

собственности и форм владения этой собственностью, которых может быть сравнительно много: владение трудового коллектива, арендное владение, акционерное и т. д. Поэтому вряд ли правомерными являются предложения отдельных экономистов о включении в баланс новых понятий: «акционер», «арендатор» и т. д.

Представляется необходимым изменить учет занятых в личном подсобном хозяйстве. По действующей методологии до последнего времени эти лица включались в число незанятого населения, а при распределении ресурсов труда по сферам производства — в материальное производство, что являлось явным противоречием. Личное подсобное хозяйство — достаточно крупная отрасль, там производится 59% картофеля, 31 — овощей, 54 — плодов и ягод, 28 — мяса, 27% молока и т. д. Поэтому и учитываться работники этой сферы должны в структуре занятых в народном хозяйстве.

И еще один новый элемент — появление в балансе дополнительного показателя «занято профессиональной переподготовкой». Необходимость выделения в балансе трудовых ресурсов указанного показателя продиктована ускорением высвобождения рабочей силы с действующих предприятий и организаций. По нашим расчетам, например, за 1991—2005 гг. должно быть переподготовлено из числа только высвобождаемых работников более 10 млн. человек в среднем годовом исчислении.

В уточненной методологии разработки предварительного баланса изменяется порядок распределения трудовых ресурсов. Очень важно сначала определить минимум занятых в домашнем хозяйстве. Это непростое дело, если учесть, что до сегодняшнего дня сюда «сбрасывалась» численность Вооруженных Сил СССР, неработающих заключенных, тунеядцев, а также женщин, воспитывающих детей. В настоящее время Госкомстат СССР пытается разобраться со структурой численности этих лиц. Вместе с тем для прогнозирования целесообразно использовать простое статистическое правило: выбрать в любом множестве наиболее репрезентативное большинство, которое в количественном отношении может представлять (как минимальная величина) весь объект наблюдения. Таким большинством в домашнем хозяйстве являются женщины, воспитывающие малолетних детей в возрасте до 1,5 лет (в перспективе до 3 лет), многодетные матери и матери, использующие отпуск по беременности и родам, а также военнослужащие. Указанную численность нетрудно подсчитать, пользуясь половозрастной структурой населения и данными военкоматов. Например, по СССР в целом из 13 млн. занятых в домашнем хозяйстве более 10 млн. человек приходится в настоящее время на указанный контингент, что составляет 80% общей численности.

Информационная емкость предварительного баланса трудовых ресурсов может быть гораздо большей, если он будет составляться в республиках не только в разрезе видов занятости, но хотя бы по важнейшим сферам народного хозяйства: производственной и непроизводственной. Причем численность работающих в непроизводственной сфере должна определяться в первую очередь на основе научно обоснованных норм и нормативов занятости в ее отраслях: в просвещении, здравоохранении, науке и научном обслуживании, в пассажирском транспорте, связи и т. д.

Таковы основные особенности разработки предварительного баланса трудовых ресурсов в современных условиях. Располагая этим балансом, а также комплексом норм и нормативов, различных бюджетов и лимитов, контрольных цифр, союзные республики и местные органы могут приступать к конкретной работе по разработке проектов планов экономического и социального развития «снизу», т. е. по предприятиям, стройкам и организациям независимо от их ведомственной подчиненности. Непременным условием при этом должно быть согласование всеми без исключения предприятиями (в том числе кооперативами, арендными предприятиями, акционерными обществами и т. д.) своей численности с местными органами. Только при этом условии можно составить единую картину занятости в городе, области, республике и стране в целом.

На основе согласованных данных о численности работников должен составляться окончательный баланс трудовых ресурсов города, области, республики и СССР в целом. Показатели занятости при этом могут не совпадать (как это чаще всего и бывает) с данными предварительного баланса трудовых ресурсов. Численность трудовых ресурсов может быть больше или меньше требующейся для выполнения намечаемых объемов производства (работ), услуг и размеров отвлечения населения на учебу и переподготовку кадров. Если спрос на рабочую силу превышает ее предложение, то разрабатываются дополнительные меры по стимулированию притока трудовых ресурсов в данный регион или город. В противном случае следует предусматривать повышение загрузки действующих мощностей и дополнительное размещение новых производств.

На данном этапе целесообразным является разработка целевых комплексных территориальных программ занятости населения как инструмента достижения оптимальной сбалансированности развития экономики в увязке с эффективным использованием трудовых ресурсов. Для республик Средней Азии, Казахстана, Азербайджана, южных автономных республик РСФСР и других трудоизбыточных районов такая программа должна быть нацелена на более полное вовлечение в народное хозяйство незанятого

трудоспособного населения за счет улучшения использования действующих производственных мощностей, совершенствования структуры производственных отраслей, создания новых рабочих мест в районах концентрации незанятого населения, подготовки национальных квалифицированных кадров и др. В Сибири и на Дальнем Востоке главное внимание должно уделяться проблеме закрепления кадров на основе создания приоритетных по сравнению с другими районами страны жилищных и социально-бытовых условий. В центральных районах основной упор должен быть сделан на ускорение темпов интенсификации производства и на этой основе — высвобождение, переобучение и перераспределение работников.

Составленный таким образом окончательный баланс трудовых ресурсов, увязанный и согласованный в отраслевом и территориальном разрезе, действительно отражает истинные условия занятости населения в плановом периоде. В нем заложены предпосылки рационального формирования, использования, распределения и перераспределения огромных масс трудоспособного населения по сферам деятельности и отраслям народного хозяйства. Однако предпосылки могут остаться просто предпосылками, если не будут подкреплены системой мер по организации эффективного функционирования трудового потенциала. Эта задача возлагается на другую подсистему управления рабочей силой.

Подсистема управления рабочей силой

Первый вопрос, на который необходимо ответить при разработке указанной подсистемы: «Сколько и какого качества рабочей силы необходимо народному хозяйству в целом, а также его отраслям для эффективного функционирования?». Еще совсем недавно такой вопрос не возникал, поскольку система планового управления предусматривала разработку по вертикали и горизонтали расчетов дополнительной потребности в рабочих и служащих и колхозниках и источников ее обеспечения, включая подготовку квалифицированных работников. В настоящее время в ожидании развития рыночных отношений эта работа не проводится ни по каким направлениям. Управление рабочей силой, подготовка кадров пущена на самотек, и уже никто сегодня не в состоянии квалифицированно изложить концепцию кадровой политики даже на ближайшую перспективу. Между тем общество не может развиваться вслепую. Иначе не избежать серьезных упущений и просчетов в наращивании интеллектуального и профессионального потенциала.

При определении дополнительной потребности в рабочей силе должны использоваться данные баланса трудовых ресурсов о численности рабочих и служащих, колхозников, кооператоров, лиц,

занятых индивидуальным трудом, и пр. В этом проявляется одна из сторон взаимодействия двух подсистем. Вместе с тем в подсистеме управления рабочей силой следует учитывать еще и движение кадров, которое происходит в результате выбытия работников по уважительным причинам (на пенсию, в Вооруженные Силы СССР, на учебу с отрывом от производства и т. д.) и в связи с текучестью кадров. В ряде отраслей, особенно производственных сферы, потребность в увеличении численности может и не возникать. Более того, из отдельных производственных отраслей начинается выбытие рабочей силы. Однако остается очень высокой дополнительная потребность на замену выбывающих. В 1989 г., например, в промышленности общая дополнительная потребность в рабочей силе составила около 12 млн. человек (при сокращении численности занятых на 0,1 млн.), в строительстве — почти 5 млн. человек. Удовлетворялась же эта потребность за счет организованных источников (подготовка квалифицированных рабочих и специалистов, организованный набор рабочих, трудоустройство и др.) едва на 35—40%. Остальных работников предприятия и организации набирали самостоятельно. Где уж здесь до повышения эффективности производства, когда товаропроизводитель по-прежнему ориентирован на «валовую» рабочую силу! Да и аргументы, выдвигаемые в настоящее время за «безработицу», в сложившихся условиях звучат по меньшей мере неубедительно.

Естественно, что положение дел в области прогнозирования и использования рабочей силы необходимо кардинально менять. Прежде всего следует законодательно закрепить обязанность предприятий (объединений), организаций и кооперативов обеспечивать реализацию населением конституционного права не просто на труд, а на труд, удовлетворяющий спрос на рабочее место в соответствии с полученным образованием и квалификацией. С другой стороны, и сам уровень подготовки рабочих и специалистов должен отвечать требованиям производства. Необходимо также расширить «географию» расчетов дополнительной потребности. Их следует разрабатывать как по рабочей силе в целом, так и отдельно: рабочие, и служащие, и колхозники, кооператоры, работники индивидуального труда. В свою очередь, это заставит позаботиться об источниках удовлетворения указанной потребности. До каких пор могут, например, кооперативы свою потребность в рабочей силе удовлетворять за счет переманивания работников с государственных предприятий? Пора уже задуматься о целевой подготовке рабочей силы для кооперативов, арендных предприятий, индивидуальных рабочих мест с учетом специфики организации производства.

Расчеты дополнительной потребности в рабочей силе должны измениться и в

качественном отношении. Имеется в виду прежде всего определение ее показателей по профессиям, квалификации и полу. Это позволит анализировать проблемы совершенствования профессионально-квалификационной структуры кадров и занятости женщин.

После проведения таких расчетов органы управления получат четкое и ясное представление о формировании дополнительной потребности в работниках и источниках ее обеспечения. Однако это еще полдела. Для их практического воплощения в жизнь необходим соответствующий механизм управляющих воздействий, включающий социально-экономические, административные и правовые методы.

Не имея возможности в рамках этой статьи подробно остановиться на всех многообразных факторах, воздействующих на использование и движение рабочей силы в народном хозяйстве, рассмотрим лишь важнейшие из них.

Как известно, для социально-экономического развития общества важнейшее значение имеет рост производительности труда. Он означает уменьшение затрат труда при производстве необходимого количества товаров и услуг, а значит, и улучшение использования имеющейся рабочей силы. В свою очередь, это дает возможность перераспределять высвобождаемых из материального производства работников в сферу услуг. Например, если удастся, как это намечено, увеличить к 2000 г. производительность общественного труда в 2,3—2,5 раза при одновременном удвоении национального дохода, то, по расчетам, из материального производства может быть высвобождено более 10 млн. работников. С учетом ожидаемого в этом периоде довольно высокого прироста населения в трудоспособном возрасте указанное обстоятельство позволило бы обеспечить рабочей силой непроизводственные отрасли и увеличить долю занятых в указанной сфере в 2000 г. до 39—40% вместо 28% в 1990 г., т. е. вплотную приблизиться к современному состоянию занятости в развитых странах мира.

Вместе с тем уже сейчас возникают сомнения в том, что указанные наметки могут быть выполнены, поскольку в результате последовательной «борьбы» с плановой экономикой вместе с водой выплеснут и ребенка. Так, в надежде, что Закон СССР о государственном предприятии (объединении), отраслевой хозрасчет и переход территорий на принципы самофинансирования будут стимулировать и обеспечить рост производительности труда, из государственных планов буквально искоренена сама идея регулирования этого важнейшего показателя народнохозяйственной эффективности. Последний удар был нанесен совсем недавно, когда были отменены нормативные соотношения между темпами роста производительности труда и средней за-

работной платой. Тем самым совершенна, на наш взгляд, серьезная ошибка, которая уже в 1989 г. привела наряду с другими факторами к значительному снижению темпов роста производительности труда. Так, в промышленности прирост производительности труда вместо 3,3% по плану на 1989 г. составил 3,1, в строительстве соответственно 4,1 и 3,4 и на железнодорожном транспорте — 0,8 и 0,1%. При этом следует учитывать, что по существующей методологии расчет темпов роста производительности труда производится по выработке продукции в рублях на одного работника. Естественно предположить, что с учетом резко возросшего влияния ценового фактора на величину валовых показателей, включая и объем продукции (работ), реальный прирост производительности труда в 1989 г. был гораздо меньше.

Еще больше проблем возникает с регулированием роста производительности труда по территории. Даже при жесткой плановой системе такое регулирование почти полностью отсутствовало. А как быть в условиях широкого внедрения рыночных отношений? Кто обеспечит решение сразу нескольких взаимосключающих задач: увеличить до 2000 г. производительность общественного труда в 2,3—2,5 раза, высвободить более 10 млн. работников и одновременно вовлечь на работу в народном хозяйстве почти 8 млн. человек прироста трудоспособного населения в республиках Средней Азии, Казахстане и Азербайджане? Простой арифметический расчет показывает, что решить эти задачи одновременно можно только в том случае, если другие районы страны обеспечат рост производительности труда в 3 раза и более! Готова ли к такой постановке вопроса новая система хозяйствования? И возьмут ли по собственному почину столь повышенные обязательства по росту производительности труда предприятия, организации и кооперативы? Судя по сложившейся ситуации — вряд ли...

В связи с этим ясно, что новая система управления должна не игнорировать саму идею регулирования роста производительности труда, а выработать нетрадиционные методы управления этим жизненно важным для эффективной экономики процессом. Может быть, следовало бы устанавливать союзным и автономным республикам, краям и областям контрольные цифры по росту производительности общественного труда на соответствующей территории, на которые они должны выйти при разработке проекта плана экономического и социального развития на 1991—1996 гг.

Учитывая, что производительность труда — показатель многофакторный, при проведении этой работы целесообразно выделять приоритетные направления, так сказать «болевые точки», для разработки отдельных программ по решению наиболее острых проблем, и «встраивать» их в технологию разработ-

ки государственных планов. На наш взгляд, к числу таких программ в первую очередь следует отнести Комплексную программу сокращения применения ручного труда в народном хозяйстве, разработка которой так и не состоялась. Между тем пора осознать, что перестройка не может дальше и шага сделать, имея на своих ногах тяжелейшие гири в виде почти 50-миллионной армии занятых ручным трудом! Сокращается же их численность очень медленно. Так, планом на двенадцатую пятилетку было предусмотрено высвободить из сферы материального производства за 1986—1989 гг. 4,2 млн. рабочих, занятых ручным трудом, фактически же высвобождено только 3,2 млн. человек. При таких темпах ликвидация ручного труда в СССР может затянуться лет на 50—60.

Не менее злободневной, а для текущего момента одной из самых актуальных проблем является ликвидация потерь труда за счет наведения порядка в народном хозяйстве и укрепления трудовой дисциплины, уровень которой в последнее время снижается. Так, за первое полугодие 1989 г. в промышленности потери рабочего времени из-за целодневных простоев возросли более чем на 30% и составили 0,5 дня на одного рабочего. Аналогичное положение было и в строительстве.

Значительные потери связаны с забастовочным движением. По данным Госкомстата СССР, например, за 11 месяцев 1989 г. из-за массовых невыходов на работу потери рабочего времени составили 7,5 млн. человеко-дней, недодано продукции в народном хозяйстве более чем на 2 млрд. руб. Отрицательное влияние на работу предприятий и организаций, колхозов и совхозов по-прежнему оказывают значительные отвлечения работников от основной деятельности, чрезмерная натурализация хозяйства, огромные потери продукции и т. д.

Примеры, которые характеризуют неэффективное использование в народном хозяйстве рабочей силы, препятствующие ее рациональному перераспределению в те отрасли, где ее действительно не хватает, можно было бы продолжить.

При идеальном функционировании подсистемы управления рабочей силой должна достигаться сбалансированность между наличием рабочей силы и рабочих мест, конечно, с учетом необходимого резерва мощностей, создаваемого на случай чрезвычайных обстоятельств. Однако вряд ли можно говорить о сбалансированности, когда, с одной стороны, рабочая сила используется нерационально, а с другой стороны, имеется в наличии значительное число незанятых рабочих мест, на которых можно было бы выпустить продукции более чем на 40 млрд. руб. (это равнозначно дополнительному вовлечению в народное хозяйство свыше 2 млн. человек). К этому можно добавить, что и действующие мощности используются крайне неэффективно, обес-

печивая коэффициент сменности рабочих, например, в промышленности всего 1,3. Доведение его хотя бы до 1,5 было бы равнозначно вовлечению в производство более 3,5 млн. работников. Кстати, это еще одна информация к размышлению по поводу ставшей сегодня модной темы о «безработице».

Все эти проблемы касаются использования действующей рабочей силы. Однако большое значение имеет и управление подготовкой потенциальных работников, временно занятых на учебе с отрывом от производства. Их численность в настоящее время составляет в среднем годовом исчислении почти 12 млн. человек. От организации этой работы зависит будущее нашей экономики, ее эффективность. Вместе с тем чрезмерно увлекшись количественными показателями подготовки кадров, мы упустили качественную сторону вопроса. Именно в этом направлении должна сегодня развиваться система подготовки квалифицированных кадров, причем не просто «рабочей силы», а современного работника, профессионально подготовленного и социально защищенного обществом.

Подсистема профессиональной переподготовки и трудоустройства работников

Главной задачей этой подсистемы является обеспечение профессиональной переподготовки высвобождаемых работников, подготовки и переподготовки других категорий работников, в том числе из числа трудоспособного населения, занятого в домашнем хозяйстве, временно неработающих граждан и др. В этом процессе должно соблюдаться право каждого гражданина страны на добровольный и свободно избранный труд, а вся подсистема выполнять как бы посредническую функцию по удовлетворению спроса на рабочую силу и ее предложения.

Естественно, что справиться с такой задачей в сложившихся социально-экономических и внутриполитических условиях далеко не просто. Наивно было бы полагать, что органы по труду Госкомтруда СССР смогут одни решить эту проблему. Это невозможно, даже если страна будет буквально «опутана» сетью центров и бюро по трудоустройству населения, технически оснащенных на самом современном уровне и обеспечивающих повсеместно учет желающих работать и вакантных рабочих мест. Количество и качество таких мест, их территориальное размещение не совпадают со спросом работников, а также размещением трудоспособного населения по территории страны. Поэтому подсистема профессиональной переподготовки и трудоустройства населения должна быть неразрывно связана со всеми предыдущими подсистемами и системой управления занятостью в целом. Она должна «выдавать» всей системе своеобразный сигнал тревоги, что

в определенной отрасли или районе, например, в Тюменской обл., в результате принимаемых мер по совершенствованию структуры производства, управления и труда высвобождается 100—150 тыс. работников. Подсистема трудоустройства может гарантировать работу в Тюменской обл., скажем, для 50—70 тыс. человек. Остальные работники должны быть перераспределены, например, на Дальний Восток, где крайне необходимы рабочие руки. В этом случае вся система должна среагировать на указанный сигнал и предусмотреть на Дальнем Востоке соответствующее количество рабочих мест, жилья, объектов социально-бытовой и культурной инфраструктуры. Здесь, правда, не обойтись без принятия некоторых законодательных актов, обеспечивающих практическую реализацию этих функций.

Например, сегодня одной из основных причин, сдерживающих миграционную подвижность населения, является дефицит жилья. Вряд ли можно реально рассчитывать, что Приморский край сможет принять указанных 50—70 тыс. работников, если там не хватает жилья даже для местного населения. Аналогичные трудности возникают и с беженцами, увольняемыми в запас военнослужащими и т. д. Идеально, конечно, было бы, если бы работник, переселяясь в другую местность, смог бы просто купить жилье или приобрести его на других условиях. Но такие возможности появятся, очевидно, не в ближайшей перспективе. Для более эффективного решения проблем миграции в настоящее время можно было бы законодательно закрепить право каждого гражданина на прежнее жилье, если он выезжает по заключенному срочному договору на работу в другую местность, создать развитую систему межрайонного обмена жилья, резко увеличить темпы его строительства, обеспечив хотя бы минимальные резервы жилья в ведении местных Советов. И здесь хороши все приемлемые средства: законодательная инициатива и хозяйственный расчет, равноправное развитие всех форм жилищной собственности (государственной, коллективной, кооперативной и личной), широкое привлечение средств населения, создание молодежных жилищных комплексов и др.

Особое значение в подсистеме приобретает в настоящее время вопрос переподготовки кадров. В той же Тюменской обл., например, при абсолютном высвобождении работников — линейных строителей (железных дорог, газопроводов) не хватает отделочников, а из-за этого срывается ввод жилья. Огромную потребность в кадрах испытывают и производственные отрасли народного хозяйства области. В этом случае не надо ждать помощи со стороны. Органам по труду и самим под силу справиться с этой проблемой, имея довольно развитую сеть уже действующих учебных заведений, на базе которых можно организовать переподготовку кадров.

Такой в общих чертах нам представляется система управления трудовыми ресурсами и занятостью населения в современных условиях. Некоторые элементы этой системы уже отработаны в течение

многих лет. Важно не растерять накопленный опыт и, приумножив его, дополнив новыми идеями, полностью использовать для повышения эффективности современного хозяйственного механизма.

ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

В. Ковнир,

канд. экон. наук

В последние годы серьезную озабоченность экономистов вызывает быстрый рост заработной платы на фоне снижения динамики других народнохозяйственных показателей. Однако опережающий рост заработной платы по сравнению с плановыми проектноразмками происходит уже несколько пятилеток подряд. Современная ситуация, на наш взгляд, объясняется как раз тем, что накопленный потенциал стал освободяться и дал результаты, которые были заложены во внутренней структуре процесса в течение длительного периода. Поэтому необходимо рассмотреть общие методологические основы планового управления заработной платой, его результаты и возможные пути перестройки системы оплаты труда.

Проблемы регулирования и управления процессами формирования и роста заработной платы в течение всего периода развития планового управления экономикой решались в русле концепции закона распределения по труду. Этот подход отражает один из базовых социальных принципов нашей экономической системы. Однако понимаемая достаточно плоско социальная справедливость практически свелась к обеспечению уравнительного подхода при распределении фонда заработной платы (или фонда жизненных благ) на основе учета индивидуальных затрат труда. Такой практический подход исходит из вполне четкой концепции распределения, предполагающей различие между принципами и системой формирования фонда оплаты по труду в обществе в целом и законом распределения по труду, который должен определять пропорцию или отношение между размерами индивидуальной заработной платы отдельных работников. Уровень заработной платы работника должен был устанавливаться в виде доли общего фонда индивидуального потребления, поэтому в конечном счете определялся пропорциями распределения общественного продукта. Величина индивидуальной заработной платы зависела не столько от пропорции, в которой делился между работниками фонд индивидуального потребления, особенно при доминировании социально-уравнительных теорий, но прежде всего от размеров

фонда потребления. Отсюда также вытекает, что закон распределения по труду предполагает разную по стоимости норму продукта для общества у разных групп работников при стабильности ее во времени. Это определяется тем, что рост заработной платы должен происходить соответственно изменению количества и качества труда, а сохранение пропорции между количеством труда и заработной платой возможно только при стабильной пропорции в распределении вновь произведенной работником стоимости. Поэтому норма продукта для общества у различных работников будет соответственно различной, так как закон распределения по труду учитывает индивидуальные затраты труда, а отношение необходимого и прибавочного продукта измерится через стоимость, в конкретной практике имеющей ценовое выражение. Такой подход был подробно разработан в ряде фундаментальных экономических исследований в 50—60-е гг. и отразил реальную ситуацию управления народным хозяйством из единого центра путем жестких директивных решений. В тот период экономическая теория следовала необходимости обоснования существовавшей формы управления экономикой, при этом задача научной защиты сложившейся структуры доминировала над необходимостью исследования реальной сложности объектов управления и связей между ними.

Стремясь к реализации описанных условий, хозяйственная система будет все больше походить на огромную фабрику, управляемую из одного кабинета. При этом стоимостные характеристики будут все больше вытесняться из сферы управления в сферу учета, а доминировать будут натуральные и квазистоймостные, например «валовая продукция». То, что такой теоретический подход не соответствует действительной структуре и тенденциям развития экономики, выяснилось уже давно и стимулировало поиски новых подходов как к формированию фондов заработной платы отраслей и предприятий, так и к самой системе организации заработной платы.

Все 80-е гг., а в более широком смысле начиная уже с 1965 г., шел поиск форм совмещения в хозяйственной практике ортодоксальных принципов распре-

деления по труду и усиления тенденций повышения значения стоимостных характеристик воспроизводства. В настоящее время при усилении товарных тенденций социалистической экономики стоит задача определить как теоретические основы, так и практические исходные позиции дальнейшего развития распределения по труду.

На наш взгляд, теоретические основы распределения по труду необходимо очистить от сугубо «этических» моментов, которые не проясняют проблему, а сводят ее к политическому диспуту. В противном случае опять будет противопоставляться труд рабочего и инженера, шахтера и колхозника, ученого и дворника, отыскиваться, кто из них полезнее, важнее и «социалистичнее». Но распределение по труду не сводится и к распределению «по результатам труда». Во многих случаях при этом «трудом» считается только труд непосредственного воздействия на продукт без учета условий его осуществления и реализации. Необходимо также преодолеть неконструктивное противопоставление производительного и непроизводительного труда, физического и умственного.

Попыткой перехода к распределению по результатам труда можно считать внедрение с конца 70-х гг. нормативных методов формирования фондов оплаты по труду и переход к остаточным методам и второй модели хозрасчета. Проблемы, которые при этом возникли, можно было бы предвидеть. Нормативные методы формирования фондов оплаты по труду отражали в определенной степени опыт развития экономики после 1965 г. В первой модели хозрасчета была реализована попытка перехода от прямого определения фондов заработной платы предприятиям к управлению условиями их формирования. Но нормативы устанавливались таким образом, чтобы не нарушать сложившиеся пропорции распределения в экономике и сохранить контроль за уровнем оплаты труда. Однако остаточный метод формирования фондов оплаты по труду имел, правда, в основном потенциально, существенное отличие от прежней системы централизованного определения фондов заработной платы. Теперь предприятие, выполнив план и перечислив все установленные ему платежи, могло самостоятельно распределяться своими фондами, в том числе и оплаты по труду. Если раньше предприятие получало «норму», а государство — все остальное, то теперь стало наоборот: «норму» получает государство (налоги, платежи, отчисления), а все остальное — предприятие. Дальнейший переход к безнормативным формам распределения дохода предприятия еще больше отдаляет условия формирования дохода предприятия (и фонда оплаты по труду) от общих условий регулирования этого процесса в народном хозяйстве, которые за это время тем не менее не изменились.

Возникшие проблемы можно сравнить со сходной ситуацией в Югославии. Многолетний опыт применения там системы остаточного формирования фондов оплаты по труду показал, что источником повышения личных доходов в хозяйственных звеньях в значительной мере стало перераспределение валового дохода, сокращение в нем доли накопления при увеличении доли потребления. Трудовые коллективы не ощущали накопления как основной фактор развития производства и роста личных доходов, как это предполагалось в теории, а при резком возрастании темпов увеличения денежной массы усиливалась инфляция. Постоянная нацеленность на повышение номинальных доходов, которые должны были в условиях инфляции следовать за уровнем цен, приводила к неоправданной деформации внутреннего распределения в рамках отдельных предприятий, увеличению дифференциации оплаты за одно и то же количество и качество труда в различных организациях. Поэтому возникла необходимость в ограничении дифференциации личных доходов. Стали приниматься меры по государственному регулированию личных доходов: ограничение темпов роста номинальной заработной платы и степени дифференциации в оплате труда, повышение уровня накопления в валовом доходе. Однако эти меры противоречат общей логике системы образования фондов оплаты по труду на основе остаточного распределения валового дохода.

Само по себе применение остаточного метода формирования заработной платы сильно видоизменяет на практике условия реализации распределения по труду. Чтобы сузить воздействие рыночных, ценовых, рентных и других факторов, государству приходится вводить в действие дополнительные регуляторы, которые нарушают чистоту теории остаточного метода и снижают воздействие стимулирующей функции заработной платы на конечные результаты. Но при этом они в некоторой степени восстанавливают воздействие закона распределения по труду на формирование фондов заработной платы. Таким образом, при введении систем остаточного формирования этих фондов закон распределения по труду существенно модифицируется законом стоимости. Это ведет к нарушению принципов равной оплаты за равный труд, усилению воздействия ценовых факторов на процесс формирования доходов по труду, отрыву динамики номинальных доходов от реальных и снижению степени управляемости процессом роста доходов со стороны государства. Реальные формы таких распределительных трудовых отношений приводят к корпоративно-рыночному социализму, если они распространяются на всю экономику. Однако при этом государство в скрытой форме все равно должно субсидировать часть предприятий через льготные кредиты или регулируя цены. Весь опыт развития на-

шей экономики последних десятилетий привел к практическому отрицанию такой системы ведения хозяйства. И тем не менее при переходе к новым условиям хозяйствования пути решения проблем распределения по труду обосновываются с помощью некритической интеграции старых положений, при этом доминируют эмоциональные, а не экономические оценки.

В новых условиях хозяйствования изменяется роль государства. В идеале государство должно лишь задавать внешние параметры деятельности самостоятельных участников экономической жизни, в значительной мере согласующих свои интересы через рынок. Пока эта проблема дискутируется в основном с точки зрения производных характеристик, в первую очередь дифференциации индивидуальных заработков. Но этой дифференциации предшествует и лежит в ее основе дифференциация качества рабочей силы и хозяйственных условий ее применения.

Это значит, что рабочая сила должна удовлетворять спрос на нее по качеству, структуре, быть мобильной в пространственном и временном измерениях. Было бы ошибкой думать, что эти характеристики обеспечиваются, например, в развитых капиталистических рыночных отношениях стихийно, только за счет существования резервной армии труда, т. е. безработицы. Эффективное функционирование рынка рабочей силы — одна из ведущих задач, которую решает государство. Оно активно участвует в подготовке и переподготовке рабочей силы, обеспечении системы социальных гарантий, преодолении социально-конфликтных процессов, удовлетворении и чисто социальных потребностей населения (в новых знаниях, развитии коммуникации, освоении культурного наследия и т. п.). Таким образом, факторами, влияющими на формирование рабочей силы и ее эффективное использование, являются не только измеряемые в стоимостном выражении затраты на ее подготовку. Важная составляющая этого процесса —

воздействие на среду формирования рабочей силы через государственные институты. Его нельзя сводить к хозрасчетным критериям, которые применимы к отдельным хозяйственным единицам. Если передать такие функции предприятиям или организациям, которые действуют только на основе этих критериев, то можно окончательно разрушить общественные структуры, обеспечивающие потребности общества в длительной перспективе.

При развитии рыночных отношений величина заработной платы определяется на основе затрат на воспроизводство рабочей силы и с учетом спроса на нее. Однако здесь должна действовать и развитая система социальных гарантий, формируемая законодательно с учетом позиций и интересов всех социальных групп и экономических институтов общества. Государство также должно влиять на уровень заработной платы через индексацию стоимостных характеристик уровня жизни. Таким образом, масштаб рыночных оценок централизованно регулируется.

Рабочая сила при любой системе производства является, конечно, не только фактором производства, это — сложная социальная категория. От того, как складываются и развиваются ее характеристики, будут зависеть и конкретные направления использования рабочей силы. Но для этого нужно рассмотреть динамику данного процесса в последние годы.

Политика в области распределения по труду в ближайшей и отдаленной перспективе будет разрабатываться и осуществляться в условиях, коренным образом отличающихся от тех, которые складывались в 70-е и 80-е гг. В первую очередь, это нерешенность основных структурных задач, которые ставились в эти годы в оплате труда. В 1980 г. завершилось централизованное повышение ставок и окладов в народном хозяйстве на базе минимума 70 руб. В одиннадцатой пятилетке общая политика в осуществлении нового этапа повышения оплаты труда несколько раз менялась. В 1982 г.

Среднемесячная заработная плата

Таблица 1

(в руб.)

	1970 г.	1980 г.	1985 г.	1988 г.
Народное хозяйство	122,0	168,9	190,1	219,8
В том числе отрасли:				
материального производства	126,8	178,5	203,2	235,7
непроизводственной сферы	107,0	121,3	153,9	176,9
из них отрасли социально-культурного комплекса (здравоохранение, физкультура и социальное обеспечение, народное образование, культура и искусство)	100,3	130,7	141,0	160,8

в угольной промышленности был введен новый минимум — 80 руб. и соответствующим образом изменены другие ставки и оклады. Но именно здесь в 1989 г. прошла первая общетраслевая забастовка, причем требование увеличить заработную плату было одним из основных. К 1985 г. программа одиннадцатой пятилетки фактически распалась и была заменена весьма мозаичным набором мероприятий, каждое из которых отражало какую-либо острую, но конъюнктурную проблему народного хозяйства. Они не объединялись общей направленностью структурной политики в оплате труда. При невысоких общих темпах роста средней заработной платы и незначительной инфляции вялая структурная политика была еще допустима (например, введение новых условий оплаты в системе образо-

вания началось в одиннадцатой пятилетке, а завершится в высшей школе в 1991—1995 гг.). Реального улучшения межотраслевых пропорций эти мероприятия не дали (табл. 1).

Разрыв между отраслями с максимальным и минимальным уровнем оплаты труда за 1980—1988 гг. вырос с 1,82 до 2,25. Если в 1970 г. уровень оплаты труда в отраслях социально-культурного комплекса составлял 82% средней по народному хозяйству, то в 1988 г. — всего 73%.

В табл. 2 представлен расчет темпов роста номинальной и реальной заработной платы в 1980—1988 гг. Для этого первый показатель скорректирован на индекс инфляции в розничных ценах и тарифах платных услуг: 1981—1985 гг. — 108,3%; 1986—1988 гг. — 110,5%¹.

Таблица 2

Темпы роста номинальной
и реальной заработной платы

(в %)

	1981—1985 гг.		1986—1988 гг.	
	Заработная плата		Заработная плата	
	номиналь- ная	реальная	номиналь- ная	реальная
Народное хозяйство	112,6	104,0	115,6	104,6
В том числе отрасли:				
материального производства	113,8	105,1	116,0	105,0
непроизводственной сферы . . .	108,9	100,6	114,9	104,0
из них отрасли социально- культурного комплекса	107,9	99,6	114,0	103,2

При такой динамике номинальной и реальной заработной платы государственно устанавливаемый ее минимум практически перестал играть роль базы, на которой строится система дифференциации оплаты труда, он утратил даже социально обеспечивающую роль. Как сообщил Госкомстат СССР, в 1989 г. прожиточный минимум составил 78 руб. и превысил действующий минимум заработной платы. Столь же неудовлетворительными оказались соотношения в оплате труда по категориям занятых: начиная с одиннадцатой пятилетки, например, инженерно-технические работники в строительстве и ряде других отраслей промышленности стали получать меньше рабочих.

В двенадцатой пятилетке введение элементов нового хозяйственного механизма наиболее ярко проявилось в изменении условий оплаты труда — она стала осуществляться в отраслях материального производства за счет собственных средств предприятий. В результате начиная с 1987 г. заработная плата там стала очень быстро повышаться, рост ее стал практически неуправляемым.

Расширение прав предприятий в этой области в условиях несбалансированной, но высокомонополизированной экономи-

ки породило тот самый эффект, который был описан выше при анализе остаточных методов формирования фондов заработной платы. И если предприятия не всегда могут перераспределять получаемый доход, то они стремятся увеличить валовой доход через повышение цен, изменение номенклатуры, снижение качества продукции.

Ситуация, сложившаяся к концу 1988 г., привела к необходимости введения различных экстренных мер по сдерживанию роста оплаты труда. Оценивая их в целом, можно сказать, что это были крайне непопулярные, противоречащие духу и букве Закона о государственном предприятии и просто неэффективные меры. Об этом свидетельствует их частая смена и в итоге изменение некоторых положений самого Закона.

Государственные меры по ограничению роста доходов основываются на вполне разумных соображениях — необходимости сбалансирования динамических пропорций развития народного хозяйства. Однако они вызывают протест со сторо-

¹ Эти индексы рассчитаны в статье А. Шмарова, Н. Кириченко. Инфляционный «всплеск»: масштабы и причины // Экономическая газета. 1989. № 13.

ны предприятий и работников, рассматриваются чуть ли не как прогрессивный налог на заработную плату. Это объясняется объективными и субъективными причинами. С одной стороны, конечно, средний уровень заработной платы низок и не соответствует потребностям воспроизводства рабочей силы. С другой — получаемый доход от деятельности предприятия воспринимается работниками как чисто потребительский, и ответственность коллектива за хозяйственное функционирование предприятия все же не ощущается. Поскольку государство противостоит работнику как собственник, работник считает возможным увеличивать свой доход и через перераспределение из общего государственного кармана. А регулирование государством общеэкономических пропорций воспринимается многими как попытка отнять принадлежащее только коллективу или работнику. Именно этим и объясняется, на наш взгляд, противодействие государственным мерам регулирования доходов.

Таким образом, в настоящее время происходят изменения в самом базисе отношений распределения по труду. Новая, соответствующая этим изменениям система планирования еще не сложилась, а разрабатываемые и принимаемые в текущий период меры в значительной степени являются только эмпирической реакцией на качественно новые явления. Эти явления характеризуются следующими моментами. Во-первых, практически выведено из научного оборота представление о труде в планово-управляемой экономике как непосредственно общественном, что лежало в основе централизованного распределения и планирования фондов заработной платы. Делаются попытки развивать косвенное регулирование заработной платы, однако границы прямого и косвенного воздействия на нее в новых хозяйственных условиях пока еще не определены. Опыт последних двух пятилеток показал, что внедрение новых методов установления плановых заданий на основе нормативов приводит к существенному дисбалансу денежных доходов и не решает задачи стимулирования труда. Таким образом, в данном случае государственная система регулирования не срабатывает.

Во-вторых, рынок должен стать постоянно действующим механизмом обеспечения и поддержания сбалансированности производственных возможностей и потребностей, а это значит, что труд будет оплачиваться по его результатам, реализованным на рынке. Вследствие этого возрастает дифференциация в оплате труда. Отношения распределения по труду из планово-обобществляемых будут преобразовываться в рыночно-обобществляемые, а это в некоторых случаях может приводить к социально-конфликтным ситуациям. Раньше общая концепция планирования исходила из представлений о гармоничных отношениях распределения по труду. Теперь мы видим, что

это отношения с противоречивыми социальными и экономическими интересами. Причем возникают конфликты и между отдельными категориями работников. Например, повсеместно раздаются жалобы рабочих, что им при пересмотре ставок и окладов в 1986 г. увеличили заработную плату заметно меньше, чем инженерам и управленцам. Но для того, чтобы удовлетворить эти требования, пришлось бы сохранять соотношения, сложившиеся в прошлый период, которые экономически не обоснованы. Еще более сложное положение может возникнуть при перепрофилировании или закрытии предприятий и производств, когда социальная значимость рабочего места для работника вступит в противоречие с экономическими или экологическими критериями оценки деятельности предприятия. Механизм разрешения социальных конфликтов в экономической сфере только лишь начал создаваться.

Формирующийся механизм хозяйственной деятельности предприятий предполагает, что величина заработной платы будет определяться без административного государственного воздействия. Однако при этом необходимо, чтобы она регулировалась, с одной стороны, минимальными гарантированными ставками, а с другой стороны системой налогообложения (особенно верхний ее уровень). Базой заработной платы, на наш взгляд, должны быть минимальные часовые ставки основных типов работ и минимальные уровни среднемесячной оплаты труда для различных территорий. Учет инфляционного воздействия должен происходить через регулярную индексацию этих ставок (например, по квартальной). На такой основе должно происходить заключение коллективных договоров между профсоюзами и предприятиями. Трудовые коллективы будут определять объективные границы фонда заработной платы в издержках производства, а государство иметь формируемый рыночными условиями объект налогообложения — чистый доход предприятия в виде прибыли.

Государственно-гарантированные уровни оплаты труда должны определяться путем разработки бюджета минимума материальной обеспеченности, а также бюджетов семьи среднего уровня доходов. На базе рассчитанного таким образом минимального социально гарантированного уровня часовой ставки следует устанавливать и дифференциацию часовых ставок, причем в более широком диапазоне по сравнению с существующим в настоящее время (например, 1:3 или 1:5). Суммарный доход (зависящий от часовой ставки, фонда отработанного времени и дополнительных заработков) будет регулироваться системой налогообложения. Заработная плата в настоящее время не является объектом реального налогообложения. Ведь взимаемые с любого уровня заработной платы 13% в действительности являются не нало-

гом, а общей корректировкой фонда заработной платы.

Таким образом, государственное регулирование использования труда должно включать:

- разработку системы социально гарантированных минимальных нормативов оплаты труда и их законодательное утверждение;

- индексирование доходов и расчет инфляции;

- развитие системы непрерывной переподготовки рабочей силы, которая должна предотвращать возможность появления структурной и циклической безработицы, способствовать адаптации рабочей силы к новым условиям производства;

- развитие системы мобильности рабочей силы, в начальной стадии хотя бы пространственной;

- создание единой системы учета и налогообложения личных доходов;

- поощрение создания новых форм отраслевых, профессиональных, территориальных объединений работников и хозяйственных единиц, различных форм их объединений, имеющих государственную, кооперативную, ассоциированную, акционерную и другие формы собственности.

Развитие таких структур и должно составить программно-целевое содержание средне- и долгосрочного государственного плана.

При государственном регулировании заработной платы в непроизводственной сфере необходимо учитывать ряд дополнительных факторов. В настоящее время эта сфера нуждается в «защите» от неблагоприятных последствий экономической конъюнктуры. Неуправляемый рост заработной платы в отраслях материального производства в 1988—1989 гг. усилил диспропорции в оплате труда по отраслям народного хозяйства. Поэтому необходимо обеспечить возможности ее повышения в зависимости от количества и качества труда во всех сферах деятельности. Это важно в связи с усилением воздействия социально-культурной сферы на социальное и экономическое раз-

витие, быстрым абсолютным и относительным ростом занятости в непроизводственной сфере. Для эффективного решения данной проблемы требуется создание комплексного интегрального механизма оценки так называемого непроизводительного труда. Это главным образом труд умственный, не воздействующий непосредственно на предмет труда. Оптимизация соотношений в оплате различных видов труда с помощью этого механизма будет осуществляться через централизованные мероприятия, которые должны обеспечивать не менее половины прироста фондов заработной платы в непроизводственной сфере.

Текущий рост оплаты труда в непроизводственной сфере должен происходить на основе децентрализованного регулирования. Для отраслей, которые могут быть переведены на самоокупаемость (бытовое обслуживание), принципы организации заработной платы могут быть близкими к материальному производству (аренда, акционерная собственность и др.). Для предприятий, бесплатно обслуживающих население (просвещение, и здравоохранение), регулирование роста заработной платы на основе централизованных источников должно дополняться мероприятиями, осуществляемыми местными Советами совместно с общественными организациями территориального уровня, например, ассоциациями потребителей.

В таких отраслях непроизводственной сферы, как прикладная наука, банковское и сберегательное дело, управление, необходимо развивать хозрасчет на основе платности и усиления экономической ответственности предоставления услуг предприятиям и учреждениям. Для научных учреждений, занимающихся фундаментальными исследованиями, крупнейших учебно-научных центров, связанных с решением наиболее важных долгосрочных целевых проблем развития экономики и общества, целесообразно сохранить плановое бюджетное финансирование.

ПРОБЛЕМЫ И ПРЕДПОСЫЛКИ ОБРАТИМОСТИ РУБЛЯ

Л. Корляков,

*ст. науч. сотр. НИЭИ при Госплане СССР,
канд. экон. наук*

Вопрос о введении обратимости рубля в свободно конвертируемую валюту широко обсуждается не только в нашей стране, но и в печати стран — членов СЭВ и других стран. Новые формы внешнеэкономического сотрудничества — совместные предприятия, возможная организация особых экономических зон, развитие сотрудничества с социалистическими странами на многосторонней основе — все это требует значительных изменений в системе валютного регулирования и, в частности, введения более свободного режима валютной конверсии.

Полная «свободная» валютная обратимость означает всеобщее и одинаковое для всех право и реальную возможность на равных условиях обменивать национальную валюту на иностранную и наоборот по единому для всех курсу. Если одни юридические лица и хозяйственные субъекты имеют право и фактическую возможность обменивать национальную валюту на иностранную, а у других их нет, то это уже режим валютных ограничений. В этом смысле нельзя вводить обратимость постепенно и поэтапно. Или она есть, или ее нет.

Каковы условия введения всеобщей возможности конверсии национальной валюты? Если речь идет об обмене, то возникает прежде всего вопрос о соотношении обмена — валютном курсе и режиме его установления и изменения. Известен целый ряд форм, в условиях которых осуществлялась свободная конверсия валют. Так, в период с 1958 по 1973 г. в капиталистических странах абсолютно преобладающей формой был режим твердо фиксированных валютных курсов, которые колебались в узких пределах относительно твердо установленных и официально зафиксированных в Международном Валютном фонде паритетов.

Но уже с начала 70-х гг. капиталистические страны — члены Международного Валютного фонда были фактически освобождены от обязательств поддерживать курс своей валюты по отношению к любым другим валютам в каких-либо строго установленных пределах. Наступила эпоха так называемых «плавающих», или «гибких», валютных курсов, когда стра-

ны, проводя валютную политику, руководствовались только своими собственными экономическими интересами.

Жесткие валютные курсы передают тенденции развития мирового хозяйства непосредственно на национальную экономику страны, увязывая ее с международным рынком. Валютный курс в этом случае не играет роли рыночного инструмента, амортизирующего и в определенной степени автоматически корректирующего воздействие мирового рынка на развитие экономики отдельной страны. Между тем состояние экономики в разных странах в определенный период существенно различается, неодинаково складываются темпы ее роста, положение в сфере обращения и в области финансов (темпы инфляции, уровень процента, состояние торгового и платежного балансов и т. п.), уровень безработицы, что вынуждает правительственные органы принимать активные действия по регулированию хозяйственного развития.

Система же гибких валютных курсов в определенной степени освобождает страны от необходимости предпринимать такие меры. Однако в этом случае колебания валютных курсов значительно увеличиваются, в связи с чем возрастает степень валютных рисков, возможность потерь и необоснованных доходов неэкономического (стихийного) характера. Валютные курсы становятся одним из основных факторов, влияющих на принимаемые хозяйственные решения.

Дестабилизируя внешнеэкономические отношения, «плавающие» курсы затрудняют расчеты экономической эффективности долгосрочных капиталовложений. Отрицательное воздействие новой системы валютных курсов на интеграционные процессы и вообще на развитие международного разделения труда сразу же было отмечено и поставило, в частности перед региональными экономическими группировками, задачу осуществлять внутрирегиональные мероприятия по унификации и стабилизации валютных режимов и искать пути по ограничению пределов колебаний валютных курсов в рамках региональных соглашений.

Вынужденный переход капиталистических государств к системе «плаваю-

щих» курсов, создав новые элементы неустойчивости в механизме их внешнеэкономических отношений, оказал определенное воздействие и на экономику социалистических стран.

Проводимыми в социалистических странах экономическими реформами предусматривается развитие товарно-денежных отношений. В связи с этим усиливается возможность быстрых диверсификаций, структурных изменений и спонтанно возникающих коррекций в сложившемся распределении производительных сил между отдельными видами и отраслями производства на основе самостоятельно принимаемых трудовыми коллективами и производственными объединениями решений. Принимая во внимание все это, следует предположить, что и нам со временем придется ввести систему изменяющихся курсов, чтобы оперативно балансировать внешние расчеты путем изменения валютно-обменных курсов. Будет ли это механизм определения валютного курса на основе спроса и предложения валют на рынке — «чистое плавание», или государственные органы предпочтут иные меры воздействия с целью скорректировать движение валютных курсов, насколько велико, в каких формах будет осуществляться коррекционное воздействие — все это надлежит решать уже сейчас.

Но система твердо фиксированных валютных курсов не дает полностью проявляться рыночным тенденциям и в определенной степени корректировать конъюнктурные влияния мирового рынка на экономику предприятий, активно участвующих в системе международного разделения труда. А поэтому введение конвертируемости в форме использования стабильных, жестко зафиксированных, длительное время не изменяемых валютных курсов вряд ли встретит поддержку тех сторонников экономической реформы, которые видят панацею от всех бед именно в развитии рыночных отношений.

Какой валютный режим требуется нам в период перестройки в соответствии с основными направлениями осуществления экономической реформы, в каком направлении должна развиваться система валютного регулирования, с тем чтобы она в максимальной степени способствовала усилению перестроенных процессов в экономике страны? Ответ на этот вопрос зависит от выбора основных направлений экономической реформы, поскольку валютное регулирование есть лишь часть общей системы хозяйственных отношений.

Рассматривать возможную новую систему регулирования валютных курсов в условиях свободной обратимости следует прежде всего с учетом общего состояния расчетов и платежного баланса страны. В частности, между уровнем валютного курса национальной валюты к другим валютам и состоянием внешних расчетов имеется прямая и очень существенная связь, во многом определяющая

платежный баланс, состояние курса валюты и конкретные условия поддержания ее конвертируемости.

Валюта остается конвертируемой, пока есть возможность обменять ее на другие свободно конвертируемые валюты, т. е. пока либо есть спрос на указанную валюту, либо национальные банки имеют валютные резервы иностранной валюты, которые позволяют удовлетворять спрос на нее. Движение валютного курса отражает спрос и предложение на валютных рынках, т. е. платежный баланс на текущий момент.

Известно, что влияние уровня валютного курса прямо противоположно по отношению к экспорту и импорту. При повышении курса национальной валюты экспорт сокращается, так как поступления от него, полученные в иностранной валюте, при пересчете в национальную дают меньшую величину. Обратный эффект достигается для импортных операций. Падение курса национальной валюты желательно для развития экспортной деятельности (и нежелательно для осуществления импортных операций) и таким образом способствует оздоровлению состояния расчетов по внешней торговле. Для других видов международных отношений те же изменения валютного курса приносят противоположные результаты. Например, при развитии национального туризма и осуществлении инвестиционной деятельности падение курса национальной валюты ведет к снижению объемов этих видов деятельности, и наоборот.

Общее же воздействие изменения курса в каждом отдельном случае зависит от структуры международных платежей, длительности тенденции изменения валютного курса, характера развития внутренней сферы обращения страны в сравнении с международными валютными отношениями и других факторов.

Постоянные стихийные фактические де- и ревальвации конвертируемых валют не способны автоматически обеспечить балансирование внешних платежей отдельных стран. Для этого требуются глубокие структурные изменения в их экономике и внешнеэкономических связях, и одними мерами валютного характера добиться стабилизации и установления равновесия во внешнеэкономических расчетах нельзя.

При обратимости национальной валюты (в условиях свободного выхода любых физических и юридических лиц на внешний рынок) покупатель может свободно выбирать поставщика не только на внутреннем, но и на внешнем рынках, в любой другой стране, валюту которой для оплаты импорта он может получить в обмен на национальные денежные знаки. Одним из необходимых условий введения свободной обратимости валюты является установление реального валютного курса, по которому покупатель может без каких-либо ограничений приобрести необходимую ему иностранную валюту.

ту. Современный валютный рынок носит международный характер и отражает общий спрос и предложение на отдельные виды валют, определяемый под воздействием многочисленных факторов. Поэтому заранее определить, вычислить движение курса хотя бы на ближайшую перспективу практически невозможно.

С введением обратимости рубля централизованное плановое распределение иностранной валюты, полученной от экспорта и других операций, в определенной мере заменяется рыночным. Соответственно будет иным регулирование внешнеэкономических отношений и связанных с ними внутренних расчетов, потребуется, в частности, перестроить систему таможенной защиты внутреннего рынка от иностранной конкуренции. Здесь уместно вспомнить, как В. И. Ленин, настаивая на введении монополии внешней торговли, указывал, что при иной системе организации внешнеэкономических связей конкуренция со стороны промышленно развитых капиталистических стран «сломит нашу туземную промышленность наверняка». То есть Ленин говорил о неконкурентоспособности российской промышленности того времени. И сейчас отдельные отрасли нашей промышленности еще не в состоянии конкурировать на равных с соответствующими отраслями капиталистических стран и нуждаются в таможенной защите. Пока не будет разработан и введен научно обоснованный таможенный кодекс в нашей стране, а также соответствующие изменения в системе налогообложения, нет смысла вводить обратимость рубля в валюты промышленно развитых капиталистических стран.

Сам термин «реальный» курс валюты, хотя и справедлив с точки зрения возможности купить в любых суммах соответствующую валюту на рынке, на самом деле часто является завышенным или заниженным исходя из цен на одни и те же товары в разных странах, т. е. из соотношения покупательной способности валют, или, как говорят некоторые экономисты, исходя из реального стоимостного представительства валют. Таким образом, «реальный» валютный курс с точки зрения возможности покупки валюты может быть нереальным с точки зрения стоимостных закономерностей. Доказательство тому — происходящие на международных валютных рынках резкие (до $\pm 40\%$) колебания курсовых соотношений между отдельными валютами капиталистических стран, которые не могут быть объяснены изменением цен, а следовательно, и покупательной способности валют соответствующих стран. В этих случаях экономисты капиталистических стран говорят о завышенности или заниженности курсов отдельных валют.

Поэтому одной из важнейших является задача разработать конкретные предложения о величине, порядке установления и использования валютного курса.

Валютная система страны, ее валютный режим не только тесно связаны с экономическим механизмом, существующей в стране системой экономических отношений, но и являются ее неотъемлемым элементом.

Введение обратимости означает децентрализацию валютных, а также внутри- и внешнеэкономических отношений. В валютной сфере это возможно путем валютных аукционов, но не между предприятиями, а между предприятиями и соответствующими государственными организациями, которые продавали бы часть валюты из централизованного фонда, находящегося в распоряжении государства в лице центральных плановых и финансовых органов. Только при этом условии возможны реальный валютный рынок и достаточная степень предсказуемости валютного курса. Именно путем выделения для реализации на валютных аукционах части централизованных валютных резервов организуют валютные отношения некоторые восточноевропейские страны в процессе перехода на рыночную экономику.

Известно, что валютный курс не только отражает уровень развития, а следовательно, и конкурентоспособность экономики страны на внешнем рынке, но и является инструментом, с помощью которого можно сделать товары, произведенные в стране, более конкурентоспособными на внешнем рынке.

Превращение неконкурентоспособных товаров в конкурентоспособные путем понижения курса валюты можно достичь на какое-то время, но эта чисто финансовая мера не имеет ничего общего с производственными процессами, не меняет их технологию, не повышает производительность труда, не снижает себестоимость продукции, не повышает качество (потребительную стоимость) товара. В известном смысле она может иметь даже отрицательные последствия, сделав предприятие с большой материалоемкостью, низкими качественными характеристиками искусственно конкурентоспособным.

В отношении оборудования и других промышленных товаров во многих случаях цена перестает быть элементом конкурентоспособности. Она определяется качественными параметрами, при отсутствии которых товар нельзя сбыть на рынке ни за какую цену. Во всяком случае, девальвация, в ряде моментов являясь необходимой и принося определенную временную выгоду стране, существенно ухудшает условия торговли, так как большее количество труда начинает обмениваться на меньшее и в итоге страна несет материальные потери, становится беднее.

Как уже отмечалось, в связи с переходом к экономическим методам управления предприятия некоторые изменения в системе внешнеэкономических расчетных отношений. Например, предприятия получили определенные права в отношении использования части валютных по-

ступлений от экспорта их продукции. Но в целом принцип балансирования внешних расчетов на уровне отдельного предприятия нельзя назвать прогрессивным, и, конечно, этим не решается проблема перестройки валютных отношений.

Необходимая для унификации курса рубля и выведения его на более реальный уровень корректировка валютного курса по-разному затронет интересы различных ведомств и других субъектов права. Серьезное влияние на валютные сметы ведомств, не имеющих своих валютных поступлений и получающих валютные средства целиком из централизованного государственного валютного фонда, окажет, например, изменение валютного курса в сторону его понижения. Понижение курса рубля увеличит «цену» валютных фондов в рублях и всю смету таких ведомств, что окажет прямое воздействие и на общесоюзный бюджет.

Корректировка валютного курса рубля в сторону снижения приведет к удорожанию импорта, а значит, повысит расходы ведомств, использующих импортное оборудование и материалы, следовательно, возрастет себестоимость изготовленной на их основе продукции. Вместе с тем в условиях перехода к полному хозяйственному изменению курса заставит предприятия и другие хозяйствующие субъекты более расчетливо относиться к валютным фондам, экономнее расходовать импортные материальные ценности, более полно и эффективно использовать импортное оборудование. Но одновременно корректировка курса рубля увеличит объем и эффективность экспорта, соответственно повысит и размер валютных поступлений.

Пока очевидно, что новый «реальный» валютный курс рубля должен быть ниже существующего официального курса к иностранным валютам. Насколько? Ряд экономистов в нашей стране придерживаются точки зрения, что в основу методологии расчета валютного курса рубля должна быть заложена идея сделать экономически эффективной определенную часть (объем) экспорта. На наш взгляд, такой подход нельзя признать правильным, так как, во-первых, валютный курс нельзя определять на базе только экспортных характеристик и задач по развитию экспорта. Во-вторых, валютный курс есть результат всех операций, по которым осуществляются валютные расчеты, а не только внешнеторговых и не только в области экспорта, при всей их важности; в-третьих, сами различные виды экспорта должны определить свою эффективность исходя из свободно складывающегося валютного курса, а не наоборот — «подстраивать» курс под уровень, при котором экспорт стал бы эффективным. Подобная ситуация, когда экспорт можно с помощью манипуляций с курсом сделать искусственно эффектив-

ным, рассмотрена была выше. В-четвертых, существенным является вопрос методологии расчета. Будет ли она постоянно действующей и на ее основе можно систематически определять основной уровень валютного курса, или расчет будет единовременным, так сказать, стартовой точкой, а затем курс станет определяться соотношением спроса и предложения? Наконец, рассчитанное таким путем курсовое соотношение не избавит нас от упреков в его неточности. Курс, установленный свободным валютным рынком, не зависит от каких-либо субъективных воздействий или влияний, ошибок, могущих затронуть интересы отдельных хозяйствующих субъектов. Это гарантируется размерами рынка, его всеобщностью и объективностью. Валютный курс не нормативный показатель, а экономическая категория, его нельзя определить расчетным путем, он сам является регулятором.

Пока что определенные в порядке эксперимента таким путем курсовые соотношения значительно (в 6—7 раз) отличаются от реально определенного проведенным у нас первыми валютными аукционами среднего валютного курса.

Очевидно, следует согласиться с мнением, что конвертируемость рубля может быть введена только после проведения комплекса мер, в том числе осуществления глубокой программы мер по развитию экспортного потенциала, реформы цен в целях приближения их структуры к соотношениям цен мирового рынка, перестройки организационной структуры внешней торговли, упорядочения системы лицензионных и других методов регулирования внешнеторговых операций и др. Остается лишь определить перечень этих мероприятий, их сроки и последовательность проведения, их относительную приоритетность. Это, безусловно, будет способствовать переводу вопроса о конвертируемости рубля из области теоретического обсуждения в сферу практических мер.

Для создания здоровой системы валютных отношений предстоит также сбалансировать внешние платежи, создать необходимые валютные резервы, для чего потребуются резко увеличить экспорт на свободную валюту.

Однако, по нашему мнению, не следует ждать, пока будут осуществлены все указанные меры по модернизации народного хозяйства и его экспортных отраслей, а содействовать развитию указанных процессов также валютными средствами, т. е. строить мост с обоих берегов, в частности путем установления более реального валютного курса, что сделает экспортные операции более эффективными, а значит, и более привлекательными для наших предприятий, увеличит поступления от экспорта, поможет создать финансовую базу для модернизации производства.

ПЯТИЛЕТНИЙ ПЛАН И ПЛАНОВАЯ РАБОТА

С. И. Шаров

Материальное содержание пятилетнего плана как системы хозяйственных установок, программы капитального строительства и производственных заданий проверяется и исправляется в живой действительности усилиями миллионов трудящихся.

Колоссальная задача выполнения и даже превышения программы великих работ поглотила общее внимание, и оно с некоторым трудом обращается к вопросам о порядке составления и структуре плана как правительственного документа и о его формально-логическом содержании и значении как системы предположений и аргументов. Между тем методологические и организационные итоги и уроки опыта работы над планом имеют огромную важность для правильной постановки хозяйственного проектирования в дальнейшем.

Место пятилетнего плана в истории плановой работы

Законодательное рассмотрение и утверждение пятилетнего плана завершили целую эпоху в истории «борьбы за план» — пользуясь излюбленным выражением Г. М. Кржижановского, — эпоху, которая началась работой ГОЭЛРО — Государственной Комиссии по электрификации России — и которая теперь расширенным фронтом заданий и сил вернулась к принципам этой работы.

План ГОЭЛРО, вдохновленный Лениным, продуманный и высчитанный группой избранных инженеров и экономистов, был актом и фактом стремительного взлета планового творчества. Практически он, ухватившись за важнейшее звено в производственной жизни страны, закладывал основы социалистической реконструкции ее силового хозяйства. Методологически он являлся образцом ясности построения, четкости формулировок и конкретности расчетов.

Работа ГОЭЛРО резко порвала с тем наивным подходом к далеким хозяйственным проектировкам, который нередко встречался в первые годы революции, она резко разошлась с той «системой», когда новые строители жизни в мечтах,

не прошедших еще через горнило действительности, и в преувеличенной вере к чужому знанию и умению будили фантазию старых строителей, она порвала с той системой, когда в ВСНХ, как вспоминал потом на XIII партконференции Рыков, было поставлено дело так, что по телефону скажешь, а через три часа тебе дают план с цифрами, расписанный и красными и синими кружочками, квадратами и т. д., когда, по выражению Смиги в предисловии к первым годичным контрольным цифрам по СССР, планы строились «одним полетом мысли».

Многим, изверившимся в таких планах, сам план ГОЭЛРО показался листом бумаги, прошлепанным кружочками и квадратами. И Ленину на самом Съезде пришлось разбивать ледяную кору неверия в возможность и необходимость широких и далеких хозяйственных расчетов. История доказала реальность и жизненное значение «творимой легенды».

И кинутое русской склонностью к насмешке над собой легкое словечко «электрификация» стало тяжелым для произношения, когда Шатурские торфяные болота и Волховские пороги бросили в столицы по проволоке высоковольтных передач силу и свет.

Тот же ход жизни, выдвигая на очередь одну за другой трудности хозяйственного восстановления и роста, повышая бытовые запросы населения, усложняя повседневную практику руководства советскими начинаниями, учреждениями, предприятиями, властно требовал от государственной власти учета перспектив, уяснения проблем, наметки мероприятий на длительное время вперед.

Но чтобы насущность этого требования отчеканилась в общем сознании, чтобы сомнения в его осуществимости потеряли почву, чтобы обрисовались формы его выполнения, понадобились не только разностороннее обсуждение задач и основ составления планов и не только многочисленные конкретные «перспективные ориентировки», «ориентировочные перспективы», но и усиление самой материальной базы планового хозяйствования в виде подъема общего производства страны и в виде роста и укрепления государственной промышленности, упоря-

дочения транспорта и улучшения правительственного аппарата.

В этом процессе вскрывались и проверялись реальные возможности развития производительных сил, подъема благосостояния трудящихся масс, обобществления — возможности, которые определяются с положительной стороны громадностью природных богатств страны и ее трудовых ресурсов, а с отрицательной — отсталостью и слабостью производственного и транспортного оборудования страны, недостатком в ней капиталов, разнобразием бытовых укладов и огромностью ее плохо между собой связанных пространств.

Восемь с половиной лет укрепления советской системы и подъема народного хозяйства, накопления хозяйственного знания и умения, организационных и методологических исканий, количественного и качественного роста плановых аппаратов и плановых работников прошли после первого советского плана Великих Работ. Появился второй план Великих Работ, который на новый ряд лет охватывает все хозяйственное и культурное развитие всей советской части мира, по всем отраслям и социальным секторам и в разрезе всех основных районов. Этот план как по своей принципиальной установке, так и по предметам своего содержания и в связи с этим по системе составления и изложения является документом, не имеющим прецедента.

Конечно, плановый подход к проблемам народнохозяйственного развития не представляется совсем чуждым для буржуазной и даже для феодальной государственно-хозяйственной мысли. И пролетариат СССР, перестраивающий свою страну из аграрно-индустриальной в индустриально-аграрную, может указать как на свое плановое наследие на контуры промышленной реконструкции страны, начерченные Менделеевым в ряде его трудов, начиная от Толкового тарифа. И Кржижановский в отчете о деятельности Госплана за 1921—1923 гг. отметил, что план как система экономических мероприятий отнюдь не является специфическим атрибутом советского социалистического строительства. Бюджетная календарная разверстка, говорил он далее, уже вводит жесткое начало плановой диспозиции даже в хозяйство страны, находящиеся под знаком капитала.

А между тем в документах, имеющих, пользуясь также выражением Кржижановского, «диспозиционный» характер, вопрос существа, вопрос о качественных установках в ведении народного хозяйства и о количественных итогах непосредственно переходит в вопрос формы — в вопрос о структуре и объеме изложения этих установок и итогов их.

Буржуазная государственность выработала определенно и четко формально-логическую концепцию и схему текстового и таблично-цифрового изложения только для одного вида документов ши-

рокого народнохозяйственного охвата — именно для бюджета.

Но бюджет включает в себе расчеты только по той части народного хозяйства, которая находится в непосредственном ведении государства и только со стороны денежных доходов и расходов государственного казначейства.

Наш план охватывает все народное хозяйство, и в наш план входит ряд сложнейших расчетов, остающихся в стороне при работе над бюджетом буржуазного государства. Сами вопросы финансового хозяйства, которыми занимается бюджет, в нашем плане выходят далеко за пределы последнего, разрастаясь в построение общего единого финансового плана народного хозяйства, охватывая сверх операций государственного казначейства также и операции кредитных учреждений, и доходы и расходы хозяйственных предприятий — государственных, кооперативных и частных хозяйств.

Состав показателей, которые требуют включения в комплексный план многолетнего развития народного хозяйства, порядок исчисления количественных предположений, схемы таблиц и текста, — все это советским работникам, а в особенности плановым работникам, пришлось выработать наново — применительно и к той широте охвата, которую должен иметь этот план, и к тем началам социалистического строительства, которым он призван служить.

Сложность этой задачи не всеми наблюдателями и даже исполнителями оценивается справедливо. Но эту сложность можно представить себе, если вспомнить, что бюджету при его относительной простоте потребовались десятилетия и даже столетия практики и критики, чтобы оформиться в документ определенного экономического содержания, определенных приемов изложения, определенных технических форм, определенной номенклатуры статейных подразделений и занять прочное положение в системе государственно-хозяйственных актов, в научной трактовке и в бытовом представлении. И теми же десятилетиями сложились в буржуазном правопорядке: взаимодействие отдельных органов в бюджетной работе, распределение между ними обязанностей по сборанию, движению, обработке материалов бюджета.

Вопросы о составе и структуре текстового и табличного содержания комплексного плана и о взаимоотношениях отдельных аппаратов в плановой работе далеко не получили общепризнанного разрешения ни в момент приступа к составлению пятилетнего плана, ни даже теперь. Но откладывать это составление не было возможности — по соображениям спешной необходимости в плане, и не было смысла, так как опыт показал неразрешимость методологических разногласий и недоразумений путем предварительных теоретических споров. Работа над пятилетним планом стала одновременно ареной «борьбы за план» как

борьбы за усиление планового начала, социалистически-планового начала в развертывании народного хозяйства, и как борьбы за концепцию и конструкцию самого составления планов.

Ближайшие к нему по времени и значительнейшие по содержанию плановые документы — план сельского хозяйства на пятилетие с 1925/26 по 1930/31 гг. и контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1925/26 г. в подходе к вопросам народного хозяйства резко отошли от плана ГОЭЛРО. Последний четко формулировал хозяйственные задачи, намечал систему их решений. Это был акт субъективный, волевой, целевой. Комиссия по выработке контрольных цифр народного хозяйства на 1925/26 г. видела свою задачу в том, чтобы дать на предстоящий год основные контуры важнейших народнохозяйственных элементов, установить их взаимную связь и обрисовать то состояние народнохозяйственного целого, которое, по всей вероятности, будет достигнуто в грядущем году.

Эта формулировка комиссии ее задачи очень немного теряет в своей характерности от довольно неопределенного добавления: одновременно коммиссия считала необходимым наметить систему экономических мероприятий, потребных для осуществления тенденций и плановых заданий, лежащих в основе перспективного народнохозяйственного баланса. Предисловие же к контрольным цифрам говорит: «Теперь о практическом значении этих цифр. Мы предлагаем эти цифры ведомствам в крайне осторожной форме. Предлагая им свои плановые предположения, говорим: стройте свои планы с учетом наших контрольных цифр».

Это речь не правительственного центра, вырабатывающего свою систему хозяйственных решений и предлагающего ее к исполнению своим агентам, а некоего консультационного органа, рекомендующего вниманию разрозненных руководителей отдельных отраслей результаты своей попытки заглянуть в будущее. Таким пониманием плана проникнута была и упомянутая работа Наркомзема. Авторы его ставили себе в заслугу, что они верно предусмотрели темпы стихийного роста сельского хозяйства.

Впоследствии методологическое существо и практическое значение контрольных цифр были охарактеризованы главными вдохновителями работы над ними формулой «прогноз и директива». Но «директива» здесь не система решений и не «диспозиция».

Но было течение, которое не хотело признавать за контрольными цифрами даже и директивного значения: «В настоящее время контрольные цифры представляют собою по существу систему цифр, характеризующих предполагаемое развитие основных хозяйственных процессов в стране в их внутреннем между собою соотношении»... «Такая система цифр, нося в основном ори-

ентировочный характер, позволяет наметить основные вехи развития нашего народного хозяйства на год вперед, дать надлежащее направление и ориентировку в практическом руководстве хозяйственной жизнью страны. В этом, и именно в этом, основное значение и огромная польза контрольных цифр. Тогда же, когда они приобретают директивный характер, становятся из ориентировочных предположений обязательной директивой, они становятся опасны»¹.

Пятилетний план вернулся к воззрению плана ГОЭЛРО: он является не прогнозом и не прогнозом и директивой — он является конкретной системой государственных решений относительно задач, путей и средств развертывания народного хозяйства.

Принципиально — это только возврат на старую верную позицию. Практически — это новое огромное завоевание, поскольку эта позиция дает теперь господство над гораздо более широким фронтом: в плане ГОЭЛРО проектировалось главным образом электростроительство, теперь проектируется строительство во всех отраслях народного хозяйства. Правда, и тогда и теперь стержнем плана является энергетика, но в плане ГОЭЛРО она выступает только как энергия топлива, воды, ветра — теперь в ее понятие вошла и физическая и интеллектуальная рабочая сила человека как объект планирования.

И значение плана ни в какой мере не колеблется ни трудностями выполнения плана, ни возможностями отступления от него, которые, впрочем, пока намечаются только в сторону ускоренного его выполнения.

Пятилетний план будет той базой, от которой будет отправляться наше хозяйственное мышление и наша хозяйственная практика. Наметками пятилетнего плана будут измеряться наши предположения и наши достижения. Наметками пятилетнего плана будет регулироваться разрешение ряда вопросов, которые без него решались бы без системы и связи, и решение их будет стоить гораздо меньших затрат сил и времени, чем до него, гораздо меньших споров и пререканий. И при этих решениях общегосударственная точка зрения найдет в плане совершенно конкретную опору.

«Управлять — значит предвидеть» — любят повторять сторонники взгляда на план как на прогноз. Злоупотребление этим афоризмом пора прекратить. Конечно, для того, чтобы управлять, надо, между прочим, и предвидеть. Но предвидеть солнечное затмение еще не значит управлять Солнцем и Землей. И прежде чем пытаться предвидеть, надо установить, а что именно в данном случае надо предвидеть. Управлять — это значит объединять усилия людей на разрешение определенных задач и вносить порядок в их работу. Именно в этом смыс-

¹ Грузман. Контрольные цифры промышленности // Вестник финансов. 1926. № 10.

ле пятилетний план есть великий акт управления.

И вместе с тем пятилетний план есть великий шаг в создании «единой хозяйственной доктрины» — в привитии хозяйственным работникам привычки смотреть на хозяйственные процессы с единой точки зрения, чем создается единство их понимания, а затем и действия.

Преодоление генетизма

Каким же образом случилось, что после активно целеустремленного плана ГОЭЛРО наши планы отошли от методов его работы? Случилось это потому, что содержание плановой работы должно было охватить и область сельского хозяйства, в которой особенно сильны были в первые годы революции стихийные факторы и отношения. Случилось это и потому, что в области сельского хозяйства публицистика имела гегемонию не практических организаторов крупных хозяйственных начинаний, а экономистов-статистиков. Руководящая роль в обсуждении и в проектировке судеб сельского хозяйства — и вместе с нею очень большое влияние на составление предположений относительно развертывания других отраслей народного хозяйства — попала в руки людей, мышление которых привыкло работать не в плоскости постановки задач для конкретного ответственного их разрешения и не в плоскости исчисления практических путей и средств этого разрешения; мышление этих людей привыкло работать в плоскости наблюдений, хотя, конечно, не бесстрастно и иногда не беспристрастно, — стихийного развития обстоятельств, изучения тенденций этого развития и его циклов в прошлом и настоящем и установления статистических вероятностей на будущее время. Вместо составления планов эти работники занялись составлением конъюнктурных прогнозов, называя их планами, и вместо взвешивания организационно-технических возможностей — установлением эмпирических коэффициентов хозяйственного движения.

Существо упоминавшегося «плана» сельского хозяйства было справедливо указано одним из его критиков, Батуринским, в следующих словах: «Как строились «перспективы»? Взята была довоенная действительность и показано — вот какие были подъемы, вот какие падения, факторы, причины, а в дальнейшем механически была протянута линия, и рассуждалось таким образом: так как были такие-то падения и такой-то рост, отсюда по аналогии должны появиться такие-то и такие-то результаты.

Этим методом велась и работа над контрольными цифрами на 1925/26 г. Вот что писала комиссия о своем подходе к делу: «Комиссия применяла три главные метода: 1. Метод динамических коэффициентов, полученных путем анализа фактической

эволюции нашего народного хозяйства за последние годы... При экстраполяции временных рядов, при выяснении тенденций развития и отыскании коэффициентов, характеризующих динамику настоящего и ближайшего будущего, комиссия использовала в качестве регулятивных принципов построение ряда закономерностей, наметившихся в нашей послереволюционной экономике... Эмпирическое исследование открывает ряд довольно устойчивых количественных коэффициентов (например, ценностное соотношение между сельскохозяйственной и промышленной товарной массой колеблется в узких пределах около величины 37:63), позволяющих установить не только для текущего времени, но и для ближайшего будущего динамическую систему равновесия».

Весьма характерным представляется то обстоятельство, что Струмилину, ближайшим образом руководившему первым опытом составления пятилетнего плана по народному хозяйству СССР и выдвинувшему правильное положение, что составление планов есть «социальная инженерия», не удалось провести работы в соответствующем стиле. Критика, весьма компетентная, судящая не в пылу полемики, а спустя годы, и в общем благожелательная, говорит: видимо, в настоящий момент без всякой опасности впасть в ошибку можно констатировать тот непреложный факт, что дефекты первой пятилетки союзного Госплана проистекли из одного источника, а именно из того ограниченного метода планирования, которым пользовались его составители и которая в своем существе заключалась в статистической экстраполяции закономерностей довоенного и восстановительного периодов хозяйственного развития, без серьезной попытки действительно вскрыть на основе современных достижений науки и техники и современного опыта передовых капиталистических стран возможности широкой реконструкции и рационализации в различных отраслях народного хозяйства.

Характерным, в смысле отношения к количественным выражениям в планах, представляется то обстоятельство, что контрольные цифры Госплана РСФСР на 1927/28 г. по ряду важнейших элементов народного хозяйства ограничиваются приведением одних процентов роста, без указания абсолютных цифр, от которых этот рост идет и к которым он приходит.

По существу, вопрос о значении эмпирических закономерностей и эмпирических коэффициентов давно разрешен. Формальная логика давно сказала: когда непосредственные причины социальных факторов недоступны для прямого наблюдения, то эмпирический закон следствий дает нам в то же время и эмпирический закон причины — и это все, чего мы можем достигнуть в подобных случаях. Но эти непосредственные причины зависят от причин отдаленных, и на эмпи-

рический закон, установленный при помощи такого непрямого способа наблюдения, можно положиться в применении к ненаблюдавшимся случаям лишь постольку, поскольку есть основание думать, что ни в одной из отдаленных причин, от которых зависят данные ближайшие причины, не произошло никакой перемены. Поэтому, когда мы на основании самых лучших статистических обобщений умозаключаем, хотя бы только предположительно, что те же эмпирические законы будут иметь силу и для того или для другого нового случая, мы должны хорошо знать более отдаленные причины, для того чтобы не приложить данного эмпирического закона к случаям, отличающимся от прежних такого рода обстоятельствами, от которых в конце концов зависит истинность самого закона.

В грехе подмены плана конъюнктурными прогнозами повинны экономисты разных школ и разных политических толков. В немалой степени этот грех падает на Н. Д. Кондратьева, одного из составителей первого плана Наркомзема. Но наиболее упорным апостолом веры в эмпирические «закономерности» и эмпирические коэффициенты был В. Г. Громан, а наиболее отчетливая формулировка взгляда на план как акт чистого предвидения принадлежит В. А. Базарову: «Сельское хозяйство, раздробленное на 20 с лишком миллионов мелких самостоятельных единиц и в своей продукции ориентированное в значительной мере на экспорт, является той областью, где генетическое исследование играет преобладающую роль. Прямое плановое воздействие на крестьянское хозяйство мы можем оказать лишь в той мере, в какой государственная промышленность предъявляет определенный спрос на сельскохозяйственное сырье. Конечно, через фонд заработной платы размах оперативной деятельности государственных предприятий и учреждений определяет ту долю товарной продукции, которую потребляет рабочий и служащий. В остальном перспективы сельского хозяйства должны базироваться на объективном изучении исторически намечившейся закономерности внутреннего роста и тенденции мирового рынка»².

Так писал В. А. Базаров в то время, когда громадное влияние различных систем сельскохозяйственного обложения на размер посевных площадей и состав культур, на рост стада и на поголовье отдельных видов скота било в глаза с каждой переменной этой системы — а она менялась почти каждый год; это было писано тогда, когда значение землеустройства для подъема производительности хозяйств прокламировалось со всех советских трибун, когда наши государственные заготовки и контрактации осваивали и сельскохозяйственное сырье для промышленности и продовольственные хлеба, когда расширение технических куль-

тур наглядно связывалось со снабжением их районов хлебом, когда промышленность широко стала снабжать деревню сельскохозяйственными орудиями и на очередь выдвинулся в своем реконструирующем полеводстве виде вопрос о минеральных удобрениях, когда очевиднейшим образом подтверждалась зависимость сельского хозяйства в его качественных и количественных моментах от транспортных условий, когда Дунаевский уже горячо пропагандировал на страницах «Планового хозяйства» идею тракторных станций³, а Маркевич начинал ее практическое осуществление.

И два года спустя Базаров писал: «Если бы мы располагали идеальным познанием, мы могли бы на любое число лет вперед с точностью рассчитывать путем генетического научного исследования и развитие материального базиса в данном обществе, и трансформацию надстроек, и результаты взаимодействия базиса и надстройки. Ни о каких априорных плановых заданиях, ни о каких конструкциях в нашей плановой работе не было бы тогда и речи. Мы не строили бы нескольких вариантов, но, опираясь исключительно на изучение прошлого, сумели бы с полной логической непрерываемостью начертать единственный возможный путь грядущего. К сожалению, мы бесконечно далеки от такого бесконечно глубокого и исчерпывающего познания. Поэтому в плановой работе мы, не умея предвидеть, вынуждены предвосхищать результаты развития в форме априорных условных заданий и уже потом, апостериори, научно оправдывать и обосновывать их»⁴.

Это — детерминизм, перешедший уже в «нецесситаризм» и фатализм. Это полное отрицание волевого подхода к жизни; не только возможным, но и вполне естественным считается полное подавление человеком в себе чувства свободы выбора, вывод им своих целей не из ощущаемых им собственных потребностей, а из догадок о predetermined будущем. Это призыв, и призыв при совершенно ясном представлении В. А. Базарова о недостаточном знании прошлого и о невозможности предвидения будущего очень странный, к составлению городского и к подчинению их предсказаниям. Это вовсе не похоже на марксовское «изучать факты, чтобы их переделывать».

Энгельс дал очень резкую характеристику нашего исторического познания: «В области человеческой истории мы с нашей наукой еще гораздо более отстаем, чем в области биологии: если когда-либо и познается внутренняя связь между общественными и политическими формами существования известной эпохи, то это случается обыкновенно только тогда, когда формы эти уже наполовину изжиты и приближаются к полному исчезновению... Наиболее ценным результатом

³ Плановое хозяйство. 1927. № 12.

⁴ Принципы построения перспективного плана // Плановое хозяйство. 1928. № 2.

² О методологии построения перспективного плана // Плановое хозяйство. 1926. № 7.

рассуждения должно бы явиться крайнее недоверие к нашему жизненному познанию, так как мы, по всей вероятности, находимся лишь в начале истории человечества, и поколения, которые станут исправлять наши ошибки, будут, конечно, гораздо многочисленнее тех, результаты познания которых мы в состоянии исправить».

И тут же находим предостережение против игнорирования законов внешней необходимости: свобода заключается не в мнимой независимости от естественных законов. Но далее мы читаем: «Она заключается в познании этих законов и в получении, таким образом, возможности планомерно пользоваться ими для определенных целей. Свобода воли значит поэтому не что иное, как способность со знанием дела принимать то или иное решение»⁵.

У Базарова отказ от цели в силу представления о неизбежной необходимости; у Энгельса познание естественных законов, для того чтобы использовать их в своих целях. У Базарова отказ от решения потому, что все предрешиено, и подчинение гороскопу, у Энгельса — умелый выбор решений.

Конечно, при этом выборе, чем шире и тверже у человека причинные знания, тем сильнее его мимолетное желание может быть задержано мыслью о всех тех последствиях, которые он предвидит.

Чрезвычайную характерность приобретает это стремление построить картину будущего развития народного хозяйства на основании исчерпывающего знания прошлого, если принять во внимание, что сами наши генетики всегда подчеркивают скудость нашего знания вообще и недостаточность и неудовлетворительность наших статистических материалов в частности, и данных нашей сельскохозяйственной статистики в особенности.¹

Насколько велики эти неточности, они, кажется, все-таки отчета ясного себе не отдадут. И так как вопрос о служении статистики плановым построениям и о достоверности статистики имеет очень большую важность не только для генетиков, но и для всех думающих о судьбах народного хозяйства, то приведем несколько данных.

Проф. Дояренко целым рядом опытов на небольших делянках посева старался разными способами составить такой сноп, который, заключая в себе определенную часть всего посева, наилучшим образом представлял бы всю делянку и обмолот которого при умножении на соответствующее число давал бы цифру сбора со всей делянки, наиболее подходящую к фактической, получаемой уборкой и обмолотом хлеба со всей делянки. И такова неравномерность густоты растений и величины колоса, что пробный сноп при методах выборки и экстраполяции не хуже тех, которыми оперирует наша сельскохозяйственная статистика, давал представление о всей делянке с

ошибкой до 15—16%, а при наиболее благоприятном методе — с ошибкой около 5%, и такую неточность проф. Дояренко считает приемлемой для научных опытов. Это показатель объективных трудностей сельскохозяйственной статистики. Но кроме объективных есть трудности субъективные.

В Иваново-Вознесенской губернии в 1923 г., по данным «Статистического Ежегодника ЦСУ» за 1922/23 г., было 1200 свиней, в том числе: старше 1 года — 100 и старше 4 месяцев — 400, а в 1924 г., по «Статистическому Справочнику ЦСУ», свиней стало уже 42 300 голов.

Помпадур Сережа Быстрицын, утверждавший, что «мир экономический есть мир чудес» и поразивший Щедрина темпом роста своего стада ютландских свиней, все-таки не дошел до того, чтобы получить в один год от одной свиньи потомство в 80 голов.

Здесь чудотворцем был уже не продкомиссар «скептического склада», а сельхозналог 1923 г., освободивший свиней от обложения. Но в какой мере рост цифры свиней объясняется действительным увеличением их поголовья в силу права «безданно, беспошлинно» разводить их, в какой чистосердечным раскрытием тайны, окутывавшей хрюкающие объекты обложения, — этого не скажет теперь не только ни один профессор статистики, но и ни один секретарь сельсовета.

В 1925 г. в Сталинградской губернии в деревне Петропавловской 2-го Донского округа значилось, по сельхозналоговым данным, 555 га посева. Поля пройдены были инструментальной съемкой по натуре, и площадь посева оказалась в 1476 га. Тут чудо объясняется тем, что в Сталинградской губернии облагается не вся земля, а только засеваемая. Но беда, как и видно было по фактам, взятым из практики проф. Дояренко, вовсе не в том только, что «люди хитры».

В Рязанской губернии одна и та же площадь озимого посева 1925 г. в одном и том же «Статистическом Ежегоднике» значится в одном месте в 643 тыс. га, а в другом в 677 тыс. га — здесь крестьянское хозяйство облагается не по засеянной земле, а по всей пахотной: разница в 5 с лишним процентов получалась только потому, что хозяйства, взятые при двух выборочных спросах для представительства за все крестьянство губернии, были не совсем однородными.

Но надо иметь в виду и то, что вопреки довольно распространенной легенде крестьяне сами своих земельных площадей часто точно вымерять не умеют и точно не знают.

По Костромской губернии, где сельскохозяйственной статистике уделялось много серьезного внимания, в трех изданиях встречаются за один и тот же 1924 г. цифры сбора ржи — 67,3 тыс. т, 78,6 тыс. т, 86,9 тыс. т с разницей между нижней и высшей цифрой около 30%, при-

⁵ Энгельс Ф. Анти-Дюринг.

чем эта разница вытекает главным образом из того, что урожайность десятины принималась по разным данным.

Проф. Лосицкий в своей обработке данных о расходовании продовольственных продуктов сельскохозяйственным населением на одного человека приводит по одной и той же местности три варианта, из которых один получен текущими записями, проводимыми в отдельных хозяйствах, другой — экспедиционными исследованиями крестьянских бюджетов, третий — специальными обследованиями питания, разница между этими вариантами достигает 20 и больше процентов.

Перечень таких неувязок и неточностей можно дополнять очень долго. В масштабе СССР они ведут к огромным общеизвестным просчетам. Никакой закон больших цифр, никакие поправки не помогают, когда первоначальный документ неточен и когда быстро меняющаяся жизнь — меняющаяся и по условиям производства, и по нормам потребления — не дает возможности установить к неточностям этого первоначального документа мало-мальски надежных поправочных показателей.

Выбор исходных цифр для последующих экстраполяций весьма широкий. И возможности разнообразить коэффициенты, беря по годам то одни цифры, то другие, тоже большие.

Любезное сердцу наших генетиков составление ретроспективных сельскохозяйственных балансов, опирающихся на соображения примерно такого порядка, что, судя по данным текущей статистики, в такой-то местности должны были иметься излишки хлеба, а в действительности его не хватило ни на еду, ни на семена или, наоборот, надо бы населению помирать с голоду, а оно не только не померло, но продавало хлеб, да еще курило самогонку, — это составление балансов, открывая широкую почву для различных сопоставлений и догадок и представляя специфический историко-методологический и исторический интерес, не имеет ни малейшего планового значения.

Вопрос не в том, чтобы ретроспективно уточнить все статистические цифры, вопрос в том, чтобы в возможной мере улучшать текущие статистические работы, и в том, чтобы в статистических данных выделить существенные для плана, установить пределы их достоверности и представить их себе в верной связи.

«Правильный, единственно достоверный метод не тот метод, при котором за неимением достоверных сведений пользуются недостоверными, стараясь сделать их более или менее вероятными, но тот метод, при котором твердо и резко разграничивают, что следует считать правильным и что нельзя считать правильным»⁶.

⁶ Этот постулат историка Дельбрюка с сочувствием приводит Ф. Меринг в своих

Наша статистика никогда этому правилу не следовала. Лишает ли нас эта неточность данных, доставляемых нашими статистическими органами, возможности вести плановую работу? Разумеется, нет, хотя она и осложняет ее.

Но при тщательном подходе к разграничению правильного от неправильного, достоверного от недостоверного в общей массе наших данных, рисующих состояние и движение сельского хозяйства в отдельных его элементах и сторонах — а эти данные далеко не исчерпываются сведениями ЦСУ, — можно найти достаточный материал для оценки исходного положения и для наметки заданий на будущее в определенных количественных выражениях.

Ценнейшие количественные данные по сельскому хозяйству можно почерпнуть из военно-конского учета, из налоговых сведений, из землеустроительных актов, из отчетов торговых организаций.

Пятилетний план решительно преодолел тенденции пассивного генетизма. Методология его не рассказана в каком-либо специальном очерке, но она видна из самого его построения. Метод его построения, единственно правильный метод плановой работы, заключается в том, что на основе возможно точного изучения современного положения народного хозяйства в его существенных сторонах и элементах и на основе учета достижений современной науки и техники произведена оценка той обстановки, в которой приходится действовать пролетарской государственности, строящей социализм, и в соответствии с этой оценкой, взвесившей и сопоставившей важнейшие, решающие моменты этой обстановки, благоприятные и неблагоприятные, установлены те задачи, которые в социалистическом строительстве можно осуществить в пятилетие, намечены пути разрешения этих задач и исчислены необходимые средства с указанием их источников.

Заключает ли в себе этот метод легкое отношение к исторически сложившимся тенденциям? Конечно, нет. Но он подходит к ним и взвешивает их направление и их силу с точки зрения целей, преследуемых носителями плана, и выбирает способы — ликвидировать или ослабить вредные и усилить полезные для этих целей.

Пятилетний план — это план социалистического наступления. Можно сказать, что он в то же время является методологическим наступлением и методологической победой, которая открывает пути дальнейшего подъема нашей плановой работы, дальнейшего уточнения и углубления ее методов, дальнейшего укрепления планового начала в нашем народном хозяйстве.

«Очерках по истории войны и военного искусства».

НОВЫЕ АСПЕКТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ В КНР

Ю. К а л м ы к о в,

нач. отдела Госплана СССР,
канд. экон. наук

Экономическая реформа, которая была начата в КНР более десяти лет назад, способствовала ускорению социально-экономического развития страны и повышению уровня жизни народа. За этот период валовой национальный продукт и доходы городского населения удвоились, среднегодовые темпы прироста производства валовой промышленной продукции составили 12%, продукции сельского хозяйства — 6,5, внешнеторгового оборота — 17%. По темпам экономического роста Китай примерно в 4 раза опережал среднемировой уровень.

Однако, несмотря на определенные достижения в повышении эффективности общественного производства, положение в ведущих отраслях экономики остается сложным: по-прежнему узким местом являются энергетика, сырьевой комплекс, транспорт и связь. Из-за нехватки энергии, сырья и материалов мощности перерабатывающей промышленности недогружены. Положение в сельском хозяйстве против прошлых (до проведения реформы) лет заметно улучшилось, но этого еще недостаточно для обеспечения отраслей переработки сырьем, а прироста населения продуктами питания. Поэтому КНР вынуждена осуществлять закупки некоторых продовольственных товаров, в том числе зерна, за рубежом. Непомерно разрослись масштабы капитального строительства, повсеместно спрос на капитальные вложения опережает предложение. Доля накоплений в национальном доходе составляет около 34%. Причем ежегодно капитальные вложения в основные фонды значительно превышают плановый уровень. Обострилось положение в области финансов и сфере денежного обращения, потребление растет быстрее производства. На фоне нарастающего дефицита государственного бюджета провинции и предприятия имеют значительные остатки денежных средств, большая часть которых возникла из-за нехватки материальных ресурсов. В стране нарастают процессы роста цен и увеличения количества денег в обращении. Индекс цен в 1989 г. возрос по сравнению с 1988 г. более чем на 22% (по предварительной оценке).

Отмеченные выше, а также другие не-

достатки в развитии народного хозяйства КНР являются в немалой степени следствием ускоренного перехода к рыночным отношениям, слишком поспешного сокращения сферы директивного планирования, желания получить от мероприятий реформы быструю отдачу. Представление о масштабах развития рыночных отношений в экономике КНР дают данные, приведенные в таблице¹. Из них видно, что количество показателей, доводимых Госпланом КНР до предприятий, значительно сократилось. Например, по ассортименту потребительских товаров — почти в 8 раз, по номенклатуре централизованно распределяемых материальных ресурсов — в 12,5 раза. Заметно уменьшился и удельный вес централизованно-планируемых цен, в том числе — на средства производства.

Однако демократизация планирования и внедрение других рыночных элементов в экономику КНР (развитие частной и кооперативной форм собственности, расширение хозяйственной и финансовой самостоятельности провинций, рост нецентрализованных источников накопления, децентрализация кредитных ресурсов и т. д.) не сопровождалась адекватными им процессами формирования эффективных государственных регуляторов. С большим отставанием шло и создание важнейших институтов рынка, в том числе государственной налоговой службы и службы по контролю за ценами. Все это вместе взятое оказалось благодатной почвой для возникновения незаработанных доходов, обострения местничества, монополизации частным и кооперативным сектором сферы обращения и розничной торговли, массового уклонения от налогов, усугубления деформации оптимального соотношения между спросом и предложением как на рынке средств производства, так и на потребительском рынке.

Сползание экономики КНР к кризису и обострение социальных отношений в обществе, связанное с расслоением населения по уровню доходов, вызвало не-

¹ Ремыга В. Н. Реформа системы управления промышленностью КНР. М.: Наука, 1989. С. 124.

	1978 г. (до проведе- ния реформы)	1988 г.
Укрупненная номенклатура продук- ции, планируемая Госпланом КНР, количество позиций	более 300	60
Доля продукции, планируемая Гос- планом КНР в общем объеме вы- пускаемой продукции, %	более 40	ниже 20
Номенклатура централизованно рас- пределяемых материальных ресур- сов, количество позиций	256	20
Ассортимент потребительских товаров, закрепленных за Минторгом КНР, количество позиций	188	23
Удельный вес централизованных цен в общей массе цен, %		
сельскохозяйственная продукция .	100	25
товары народного потребления .	100	50
средства производства	100	около 70
Директивно планируемая экспортная продукция, количество позиций . .	70	36

обходимость принятия ЦК КПК и Госсо-
ветом КНР ряда защитных мер в
этой области, которые были одобрены
на состоявшемся в ноябре 1989 г. пятом
Пленуме ЦК КПК 13-го созыва. В круп-
ном плане они направлены на рационали-
зацию структуры отраслей народного хо-
зяйства, сокращение масштабов капи-
тального строительства, повышение ро-
ли государственного бюджета, синхрони-
зацию спроса и предложения, устране-
ние расточительства в использовании ма-
териальных, финансовых и кредитных
ресурсов, упорядочение и повышение
эффективности внешнеэкономической
деятельности.

В составе мер по стабилизации эконо-
мики и укреплению бюджета страны
важное место отведено выработке новых
подходов к управлению народным хозяй-
ством, усилению государственного регу-
лирования хозяйственной жизни. Речь в
первую очередь идет о том, чтобы впредь
внедрение новых методов управления
самым тесным образом увязывалось с
состоянием развития производительных
сил, перестройкой структуры производ-
ства, оздоровлением финансов и денеж-
ного обращения, мерами по социальной
поддержке населения. Существенный ак-
цент делается на постепенность освоения
новых принципов работы. В настоящее
время, и это подтверждено на пятом Пле-
нуме ЦК КПК, возобладала точка зрения
большей осторожности и взвешенности в
отношении нововведений. Все больше до-
минируют взгляды, что при осуществле-
нии экономической реформы не должно
быть места для излишней торопливости,
стремления к получению быстрого ре-
зультата.

И еще. Во главу угла проведения ре-
формы управления поставлены комплекс-
ность подхода, тесная взаимоувязка
внедряемых элементов нового хозяйст-

венного механизма. Решено, что при воз-
никновении тех или иных диспропорций
и отклонений от ранее намеченных це-
лей реформы незамедлительно должны
вноситься коррективы в хозяйственный
механизм, вплоть до отмены или времен-
ного замораживания отдельных меро-
приятий. Значительно большее внимание
теперь будет уделяться оценке (прогнозу)
экономических и социальных последст-
вий внедрения новых инструментов уп-
равления.

**Претерпела изменения позиция и в ча-
сти перехода к рыночной экономике.**
Решение проблемы плана и рынка по-
ставлено в зависимость от конкретных
условий, фактора времени и баланса
между спросом и предложением. В од-
них случаях может и должен доминиро-
вать план, административные рычаги, а
в других — рынок, экономические мето-
ды управления.

Под конкретными условиями понима-
ются особенности, присущие отраслям
народного хозяйства: уровень обобщес-
твления производства, направленность
деятельности предприятий на выполнение
общегосударственных и межпровинци-
альных задач. В базовых отраслях (на-
пример, в энергетике, на морском, же-
лезнодорожном и воздушном транспорте,
в производстве зерна, хлопка и расти-
тельного масла) ведущую роль будет за-
нимать план. Что же касается таких от-
раслей, как легкая, текстильная промыш-
ленность, гражданское машиностроение,
производство овощей и др., то они мо-
гут работать на рыночных началах. Дей-
ствие плана здесь резко ограничено.

Фактор времени означает, что соотно-
шение плана и рынка в отдельные пери-
оды может меняться. При ухудшении
экономического положения роль плана и
плановых рычагов возрастает, и наобо-
рот. В настоящее время в связи с необ-

ходимостью стабилизации экономики границы рыночных отношений и связанных с ними экономических рычагов и стимулов сужаются.

Что касается соотношения спроса и предложения, то при увеличении предложения плановое регулирование соответственно сокращается и наоборот.

Важно отметить, что при стремлении оптимально сочетать план и рынок, предпочтение в последнее время отдается плану. Это мотивируется тем, что в качестве стратегии выбрана ориентация на укрепление государственного сектора экономики, упрочение государственной собственности. Другим формам собственности отводится вспомогательная роль, во всех случаях они не должны занимать ведущее место.

В настоящее время активно ищется решение проблемы оптимального сочетания интересов центра и мест. Перегрев экономики, неоправданный рост капитального строительства, в том числе за счет дублирования производственных мощностей и объектов, интенсификация потребления и доходов и другие недостатки во многом проистекают из-за ослабления централизованного управления и возобладания местничества, игнорирования государственных интересов. Поэтому реформа в данной области преследует цель уйти от чрезмерной централизации в управлении экономикой, поднять инициативу и повысить ответственность провинций, уездов и городов за решение жизненно важных для населения вопросов.

Особое внимание при этом уделяется совершенствованию финансовых распределительных отношений. Так, внедряется порядок, при котором провинции и регионы получают широкие права в формировании своей финансовой базы, а их взаимоотношения с центром в области распределения доходов и получения субвенций ставятся на нормативную базу. Провинциям, которые имеют превышение доходов над расходами, устанавливаются твердые нормы отчислений доходов в центральный бюджет, рассчитанные по итогам работы за пять предыдущих лет. Это значит, что чем больше провинция будет иметь налоговых поступлений от предприятий и доходов от местного хозяйства, тем шире ее возможности в преобразовании своей экономики и решении социальных задач.

В ходе осуществления мер по стабилизации и повышению роли центра в структурной перестройке народного хозяйства начиная с 1990 г. введена специальная прогрессивная шкала отчислений провинциями доходов в государственный бюджет. Шкала учитывает уровень развития производительных сил в провинциях: чем мощней производственная база и больше возможностей для роста доходов, тем выше процент (шаг) платежей, и наоборот.

По провинциям, находящимся на дотации, также устанавливаются твердые

финансовые нормативы. В случае превышения плановых расходов с учетом суммы дотации всю ответственность за жизнеобеспечение региона берет на себя руководство провинции. Такой подход активизирует поиск дополнительных доходов и оптимизирует использование бюджета провинции.

Новым элементом хозяйственного механизма управления регионами является введение в практику планирования и учета показателя добавленной стоимости и налога на добавленную стоимость. Использование в управлении добавленной стоимости позволяет правильно оценить вклад провинций в совокупный общественный продукт и национальный доход страны и обеспечить с учетом этого вклада справедливое, обоснованное распределение централизованных финансовых ресурсов. Что же касается налога на добавленную стоимость, то, как показывает опыт его применения в развитых капиталистических странах, это один из наиболее эффективных косвенных регуляторов уровня потребления населения и надежный источник формирования доходов местных и центрального бюджетов.

Ключевым вопросом реформы остается совершенствование производственных отношений в основном звене экономики — на государственных предприятиях. Важно также отладить механизм государственного регулирования деятельности частного предпринимательского сектора. Для повышения эффективности работы государственных предприятий, на долю которых приходится 80% доходов бюджета, используются различные формы подряда, в том числе перевод на систему целевой ответственности директоров, взятие предприятий под залог и в аренду на конкурсной основе и др.

Система целевой ответственности директора означает конкурсность отбора руководителя, а затем заключение с ним срочного контракта (договора), который предусматривает выход предприятия на те или иные количественные и качественные показатели работы (в частности, снижение себестоимости и получение определенной суммы прибыли или ее рост). Ход выполнения контракта напрямую связан с оплатой труда директора: при невыполнении взятых обязательств он не только лишается премий и вознаграждений, но и 50% основного оклада. Нарушение выполнения контракта в течение двух лет влечет за собой снятие директора с должности. Следует отметить, что при системе целевой ответственности директора партийные организации не имеют права вмешиваться в текущую хозяйственную деятельность и принятие решений директором, их прерогативой является лишь осуществление контроля за выполнением условий контракта и проведение идейно-воспитательной работы.

Еще одна перспективная форма подряда, которая начала применяться на средних и малых предприятиях — взятие предприятий под залог. Она предусматри-

вает материальную ответственность всего коллектива предприятия за нанесенный государству ущерб, в том числе за убытки от производственно-финансовой деятельности. Возмещение ущерба производится из специального фонда риска, который образуется за счет дохода, оставаемого в распоряжении предприятия, а также отчислений части заработной платы всех работников.

Наряду с внедрением новых форм хозяйствования совершенствуется система распределения доходов государственных предприятий, направляемых как в бюджет, так и на собственные нужды трудовых коллективов. При этом плановые и финансовые органы исходят из оптимального сочетания интересов трудовых коллективов с общегосударственными. Опыт показал, что если в распоряжении предприятий остается мало прибыли, то заинтересованность их в улучшении хозяйственной деятельности снижается. Напротив, избыток финансовых ресурсов, образующийся на предприятиях вследствие дефектов механизма распределения денежных накоплений, осложняет положение государственного бюджета и ухудшает управляемость экономикой.

До проведения экономической реформы большая часть заработанной прибыли и начисленной амортизации на реновацию направлялась предприятиями в бюджет, что крайне отрицательно сказывалось на техническом уровне производства и обновлении продукции (например, на автомобильном заводе «Освобождение» — г. Чанчунь — не было обновления продукции в течение 30 лет). Учитывая это, в ходе реформы была введена система индивидуальных отчислений от прибыли в бюджет, которая позволила предприятиям создать возможности для самофинансирования развития производства и решения ряда важных социальных задач. Однако данная система консервировала существующие условия работы и не формировала дополнительных стимулов к повышению эффективности. Кроме того, она привела к ослаблению роли государственного бюджета и неоправданному распылению финансовых ресурсов. В настоящее время отчисления от прибыли заменены единым (линейным) подоходным налогом в размере 55%. При разработке последних нововведений в системе налогообложения был использован опыт западных стран, учтены интересы бюджета, необходимость повышения его роли в структурной перестройке и стабилизации экономики. В целом хочется отметить гибкость проводимой налоговой политики. Так, для предприятий, которые в силу нерациональной структуры цен имеют сверхприбыль, введен дополнительный регулирующий налог, в то же время для предприятий, находящихся в специальных экономических зонах, применяется пониженный размер ставки налога.

Представляет интерес и система распределения прибыли, остающейся в рас-

поряжении предприятий. Установлено, что более 50% такой прибыли должно быть реинвестировано.

Объектом регулирования стали и трудовые, внутрипроизводственные отношения. На предприятиях вводится договорная система использования рабочей силы, на начало 1990 г. ею было охвачено свыше 10 млн. чел. На половине предприятий общественной собственности применяется «плавающая» модель формирования фонда заработной платы, при которой размер средств на оплату труда прямо увязан с эффективностью работы предприятий.

Изменились подходы к финансированию убыточных производств, составляющих свыше 15% общего числа государственных предприятий. В частности, если убыточность связана с нерациональной структурой централизованно планируемых цен (например, стоимость угля на сегодня ниже стоимости кварцевого песка), то при сравнительно стабильных объемах производства вводится система подряда, а в случаях больших потребностей рынка в продукции устанавливаются дотации на единицу изделия. Как в первом, так и во втором случаях вся ответственность за превышение запланированных убытков ложится исключительно на предприятие (за счет сокращения фонда оплаты труда и фондов экономического стимулирования).

При убыточности из-за плохой организации работы или просчетов в создании мощностей, если по продукции есть неудовлетворенный спрос, устанавливаются ежегодные суммы дотаций с графиком их снижения в течение трех лет (например, первый год — 1 млн. юаней, второй — 700 тыс. юаней, третий — 400 тыс. юаней). Может быть и другой вариант финансирования, когда дотации (исходя из жестких норм их получения) выделяются предприятию сразу на весь плановый период работы с убытком. При невыходе на рентабельную работу в установленный срок такие предприятия подлежат реорганизации — передаче в аренду, слиянию с устойчивыми производствами или ликвидации.

Тринадцатый съезд КПК на основе анализа и обобщения исторического опыта социалистического строительства и проведения реформ в стране пришел к имеющему исключительно важное значение для выработки экономической политики выводу, что КНР находится на начальном этапе, на начальной стадии построения социализма. Эта стадия в силу отсталости производительных сил и неразвитости товарно-денежных отношений имеет ряд отличительных особенностей, и прежде всего **наличие многоукладности в экономике, функционирование наряду с общественным сектором других.**

В соответствии с действующим в КНР законодательством принадлежность к частнопредпринимательскому сектору обуславливается главным образом тем, что собственность на средства производства

находится в частном владении (единолично или на паевой, акционерной основе и т. п.), а также превышением числа наемных работников восьми человек. Однако они признают, что четкого, универсального критерия, показывающего различия между индивидуальным и частным предпринимательством нет, в каждом отдельном случае необходим конкретный анализ. Так, некоторые индивидуальные дворы и индивидуальные предприятия, имея менее восьми наемных работников, за счет хорошего технического оснащения оперируют значительным (насчитывающим десятки, а то и сотни тысяч юаней) капиталом. В то же время у частных строительных предприятий с большим числом наемных рабочих основной и оборотный капитал сравнительно небольшой.

Частные предприятия² в КНР получили заметный импульс развития лишь со второй половины 80-х гг., когда правомерность частной собственности была закреплена в конституции. В 1988 г. их насчитывалось 225 тыс. с общим числом наемных работников 3,67 млн. чел. Размеры таких предприятий, как правило, невелики — в среднем на них заняты 16 работников. На предприятиях с численностью более 20 человек производится около 70% всей продукции частного сектора. Доля подобных предприятий с чис-

лом занятых более 100 работников составляет менее 1%. Лишь отдельные частные предприятия имеют наемную рабочую силу свыше 1 тыс. чел. В среднем на одно частное предприятие приходится капитал в размере около 50 тыс. юаней. Многие предприниматели обладают основными и оборотными фондами в несколько сот тысяч юаней, и лишь отдельные — свыше 1 млн. юаней.

В отличие от индивидуальной трудовой деятельности, которая по преимуществу вовлечена в сферы торговли, снабжения, оказания услуг и т. п., большая часть частных предпринимателей занимается трудоемким производством. Среди них доля занимающихся промышленной деятельностью, кустарными ремеслами, транспортом, связью и строительством составляет 87,8%, здесь занято более 87% их работников и свыше 83% основных фондов. В последние годы сферой деятельности частных предприятий все больше становится выпуск высокотехнологичной продукции (электроники, автоматики и др.), а их персонал комплектуется по большей части из выпускников университетов, технических специалистов и исследователей.

По мнению китайских экономистов, частная предпринимательская деятельность отличается мобильностью, гибкостью и имеет значительные возможности решения ряда острых социально-экономических проблем китайского общества: повышения эффективности использования всех видов ресурсов, поглощения временно незанятых и безработных, подготовки квалифицированных хозяйственных кадров (менеджеров), оказания финансовой поддержки государству (путем покупки облигаций, подписки на займы, благотворительной деятельности и т. п.), насыщения рынка потребительскими товарами и т. д. Однако, несмотря на указанные преимущества, частный сектор не занимает пока сколько-нибудь заметного места в экономике страны. Например, в 1988 г. доля индивидуальных и частных предприятий в общем объеме производства валовой продукции КНР составила лишь около 2%.

В условиях дефицита многих видов материальных ресурсов и разбалансирования денежного обращения государство сдерживает развитие частнопредпринимательского сектора, используя для этого соответствующие финансовые и кредитные рычаги. Так, для частных предприятий введен прогрессивный налог на прибыль со шкалой от 10 до 60%, а при получении прибыли свыше 50 тыс. юаней в год устанавливается дополнительный налог. С учетом последнего ставка налога может составлять 85%.

Особенно жестко регулируются направления использования прибыли: при вложении ее в развитие производства она не облагается налогом, а если расходуется на потребление, то предприятие уплачивает специальный налог в размере 40%. В то же время тем частным

² Частные предприятия в КНР по собственности на основной и оборотный капитал и распределению полученного дохода (прибыли) подразделяются на (важнейшие типы):

принадлежащие независимому предпринимателю, единолично владеющему капиталом и прибылью. Это наиболее распространенный вид частного предпринимательства, занимающий более 50% среди предприятий данного сектора;

паевое — базирующееся на совместном капитале и управлении. Пай может быть внесен в виде предоставления помещения, оборудования, технологии и др. Основатель такого предприятия имеет преимущества перед другими пайщиками капитала при распределении прибыли;

созданное на капитале родственников, членов семьи;

организованное по типу компании с ограниченной ответственностью, когда инвесторы рискуют лишь величиной предоставленного ими капитала;

смешанные, когда государство или коллективное предприятие (кооператив) предоставляет оборудование, технический персонал, материалы и т. д. для производства продукции и выполнения работ совместно с капиталом частника;

основанные на капитале хуацяо (иностранном). Соотечественники из Гонконга, Аоминя, Тайваня, Макао и др. жертвуют или дают займы капитал для организации предприятий своим родственникам или «хорошим друзьям», а те в соответствии с китайским законодательством образуют частные предприятия.

предприятиям, которые работают на экспорт или оказывают помощь государственным предприятиям в расширке узких мест, были созданы более благоприятные условия для осуществления своей хозяйственной деятельности: они в приоритетном порядке обеспечиваются дефицитными видами сырья, материалами и комплектующими, имеют право пользоваться внешнеторговыми каналами для реализации своих изделий, для них установлен льготный порядок кредитования и налогообложения.

Как отмечают многие китайские экономисты, логика экономической реформы неизбежно приведет к расширению и укреплению позиций частного сектора. По их мнению, число частных предприятий в КНР к 2000 г. возрастет до 1 млн., а количество наемных работников, занятых на этих предприятиях, составит 15—20 млн. чел. В результате частно-предпринимательский сектор, включая индивидуальные формы деятельности, может охватить до 30% общего объема производства продукции в народном хозяйстве. При этом многие частные предприятия, осваивая горизонтальные и кооперационные связи, будут функционировать на совместной основе, партнерском управлении, что в последующем приведет к объединению большей их части в акционерные общества.

Значительное развитие в последние годы получили в КНР специальные экономические зоны (СЭЗ), которые, с одной стороны, играют все возрастающую роль в торговом и платежном балансе страны (на них приходится более 37% общего объема экспорта Китая), а с другой — служат полигоном для отработки принципиально нового хозяйственного механизма, основанного на широком использовании рыночных отношений и привлечении иностранного капитала.

Этим зонам присущ высокий динамизм развития. Так, среднегодовые темпы прироста в крупнейшей специальной экономической зоне КНР Шэньчжэнь за 10 лет с момента ее образования (1979) составили: по валовому национальному продукту — 49,5%, национальному доходу — 50, объему промышленного производства — 73, розничному товарообороту — 61, валютной выручке — 80,1, поступлениям доходов в бюджет зоны — 60%. Если в 1979 г. иностранный капитал в экономике зоны вообще не использовался, то в 1989 г. было заключено 6627 контрактов на общую сумму 5,1 млрд. долл., из которых уже освоено 2,33 млрд. долл. Близкие к этим экономические показатели имеет и специальная зона Чжухай.

Важно подчеркнуть, что в экономике таких зон все большую роль играют производство, базирующиеся на передовой технологии, импортируемой из Японии, США и Западной Европы, которая в недалекой перспективе может получить широкое распространение в других регионах Китая. По мере накопления опыта веде-

ния хозяйства, основанного на совместном предпринимательстве, в СЭЗ получает развитие современная система хозяйственного законодательства, формируется принципиально новый тип управленческого персонала, внедряются прогрессивные формы организации и оплаты труда.

И еще, в указанных зонах заметно улучшились социальные условия: осуществляется высокими темпами программа жилищного строительства, решена проблема насыщения товарами потребительского рынка, повышен уровень доходов работников, занятых на предприятиях, выполнен большой объем работ по формированию инфраструктуры. Учитывая это, есть основание предполагать, что в 2000 г. зоны достигнут такого уровня жизни, который вся страна будет иметь лишь в 2020 г.

Перечисленные выше результаты по специальным экономическим зонам стали возможны благодаря проведению центральным правительством и местными органами власти специальной экономической и финансовой политики, обеспечившей как благоприятные (с точки зрения КНР и мировой практики) условия для привлечения инвестиций (в форме прямых вложений или предоставления кредитов), так и их надлежащую страховую и юридическую защиту.

Особый интерес представляют меры в области организации финансовых отношений указанных зон с центром, с одной стороны, и находящимися на их территории предприятиями — с другой. В первом случае речь идет о долгосрочном финансовом подряде: все потребности зоны в финансовых ресурсах, включая расходы на создание инфраструктуры, покрываются за счет долгосрочных и краткосрочных кредитов и налогов, уплачиваемых подчиненными предприятиями. Например, из 13,2 млрд. юаней капитальных вложений, направленных в СЭЗ Шэньчжэнь на строительство объектов инфраструктуры, из госбюджета было выделено только 200 млн. юаней, или 1,5%, которые к тому же имели целевое назначение (для обустройства границы). В свою очередь и специальные экономические зоны до определенного срока освобождены от платежей в центральный бюджет. Таков режим финансовых взаимоотношений требует от плановых и финансовых органов управления зон использования нетрадиционных подходов в формировании и проведении бюджетной политики, делового, а не формального сотрудничества со всеми партнерами.

В то же время введение финансового подряда отнюдь не означает, что СЭЗ строит свою работу автономно, в отрыве от экономической политики центра. Как текущие, так и перспективные планы развития зон (в части достижения общеэкономических показателей, воспроизводства отраслевой структуры, условий оплаты труда, выпуска отдельных, имеющих

важное народнохозяйственное значение товаров, принципов налогообложения и кредитования, таможенных пошлин и сборов) разрабатываются с учетом целевых установок Госплана КНР, имеющих индикативный (направляющий) характер. Формой же реализации их планов служат конкретные контракты с иностранными инвесторами и хозяйственные договоры с китайскими предприятиями и организациями.

Отлично от внутренних районов Китая строятся в СЭЗ и финансовые отношения с предприятиями. Это проявляется в проведении особой налоговой, кредитной и таможенной политики. Во-первых, все совместные, иностранные или китайские предприятия уплачивают налог с прибыли по ставке 15%, что обеспечивает им более благоприятные условия для производства продукции и выполнения работ по сравнению с предприятиями, находящимися во внутреннем Китае (последние, как отмечалось, платят налог в размере 55%). Во-вторых, взимание налогов с предприятий тесно увязано с системой налоговых льгот и привилегий, использование которых позволяет органам управления зоны активно влиять как на размеры привлечения иностранных инвестиций, так и на их структуру.

Практический интерес представляют следующие льготы и привилегии:

льготы для новых предприятий. В первый год работы предприятие полностью освобождается от уплаты налога, а в последующие четыре года уплачивает его в половинном размере;

стимулирование заключения контрактов на длительный срок. Если контракт заключен на срок 10 и более лет, то налог взимается лишь с третьего года работы и в половинном размере;

стимулирование экспорта и применения прогрессивной технологии. Если в контракте указывается, что свыше 70% выпускаемой продукции идет на экспорт, то ставка налога устанавливается в размере 10%. По такой же ставке берется налог и с предприятий, использующих передовую технологию, соответствие которой мировому уровню определяется специальной экспертной комиссией;

стимулирование использования высококачественных материалов и комплектующих. При получении из-за рубежа сырья, материалов и комплектующих изделий на уровне мировых стандартов для использования в производстве экспортной продукции применяются льготные таможенные пошлины.

Наряду с перечисленными действуют стимулы также в отношении вложений средств в развитие инфраструктуры, реализации высококачественной продукции на внутреннем рынке, использования заработанных валютных средств внутри зоны и др. В конечном счете особая финансовая и кредитная политика в совокупности с финансовым подспорьем обеспечивают приоритетность развития СЭЗ по отношению к другим районам Китая.

Однако было бы неправильным считать, что создание специальных экономических зон идет гладко, без каких-либо помех и проблем. Имевший место в последние годы инвестиционный бум и недостаточное эффективное государственное регулирование этого процесса привело к существенным диспропорциям в развитии СЭЗ. Неоправданно большой удельный вес заняли инвестиции зарубежных компаний в непроемкую сферу — гостиничное хозяйство, оказание услуг, недвижимость. В Шэньчжэне, например, он достиг 40% общего объема инвестиций, а в Чжухай еще выше. Такая структура инвестиций, обеспечив на первом этапе развития зон значительный приток валюты, в настоящее время (в связи с известными событиями на площади Тяньаньмэнь) уже не может рассматриваться как устойчивый источник таких поступлений. Наиболее перспективный путь в этом деле — развитие производственной сферы.

Однако и здесь, из-за опережающего роста обрабатывающих отраслей, наблюдается значительное отставание сырьевой базы и инфраструктуры (тепло- и энергоснабжение, железные и автомобильные дороги, порты, канализация и водоснабжение). Стремление иностранных и китайских инвесторов к максимально быстрой окупаемости своих капиталовложений обусловили низкий уровень вложения средств в данные низкорентабельные отрасли. Учитывая это, органы управления СЭЗ перешли к осуществлению новой структурной политики, когда приоритет отдается инвеститорам, готовым вложить свои капиталы в развитие инфраструктуры. Используются также активная кредитная и процентная политика, различные налоговые льготы, предлагаются максимально выгодные условия аренды участков земли для проведения работ по подготовке к обустройству территорий будущей промышленной и жилой застройки. Причем преобладает аренда на срок от 50 до 90 лет с возможностью сдачи в субаренду после проведения обустройства иностранным компаниям и совместным предприятиям.

Говоря о механизме создания и функционирования специальных экономических зон в КНР, следует подчеркнуть, что он имеет ярко выраженную специфику и не может быть один к одному использован в других странах, в том числе в нашей. Его особые черты обусловлены, во-первых, тем, что преимущественную долю иностранных инвестиций осуществляют лица китайской национальности, проживающие за рубежом (в основном в Гонконге и Макао). Во-вторых, наличие благоприятной ситуации на рынке труда КНР. По данным международной организации труда (МОТ) средняя заработная плата китайского рабочего в 6 раз ниже чем в Гонконге, и в 25 раз ниже, чем в Японии. Кроме того, в стране существует постоянная безработица, которая в последнее время заметно возросла.

Все это дает возможность привлекать рабочую силу на весьма выгодных для предпринимателя условиях. Анализ данных о деятельности некоторых предприятий в СЭЗ Шэньчжэнь показал, что удельный вес оплаты труда в объеме их валовой продукции не превышает 2—3% (в СССР данный показатель в среднем по промышленности в 1988 г. составил 13,8%, а в развитых странах — около 30%). Нельзя не отметить и такой факт, что до 50% трудовых ресурсов привлекается на срок до 3 лет (с постоянной ротацией части работников), что позволяет экономить средства на расходах, связанных с социальным обустройством населения. В-третьих, СЭЗ непосредственно граничат с Гонконгом и Макао и экономически тесно связаны с ними (в части энергоресурсов, поставок сельскохозяйственных продуктов и др.).

Важно отметить также и то, что создание специальных экономических зон сопряжено с крупными капиталовложениями в инфраструктуру и другие общехозяйственные объекты. Из-за низкого уровня отдачи таких затрат и длительных сроков их окупаемости они полностью ложатся на бюджет страны — организатора зон. Так, для освоения 1 доллара иностранного капитала в СЭЗ КНР вкладывалось 7,5 юаня государственных средств. И в настоящее время более 50% расходов бюджетов зон направляются на эти цели.

Многоукладность экономики КНР, существование и дальнейшее развитие наряду с общенародной собственностью индивидуального и частного предпринимательства, совместных и иностранных предприятий предъявляют высокие требования к государственному регулированию хозяйственной жизни. Актуальность данной проблемы возрастает и в связи с необходимостью стабилизации экономики и оздоровления финансов. Учитывая это, Госсовет КНР в последнее время принял

ряд принципиально новых решений: увеличение доли централизованных капитальных вложений и перевод их на кредитование (кроме убыточных предприятий); введение специального налога на новое строительство; установление потолка розничных цен на средства производства; планирование цен на важнейшие продукты питания и товары первой необходимости; введение государственной монополии на торговлю 10 видами материальных ресурсов (нефть и нефтепродукты, цветные металлы, химические удобрения, каучук, стальной прокат и др.); организация финансового рынка, в том числе открытие фондовых бирж в небольших городах, проведение валютных аукционов и стимулирование денежных вкладов. Нельзя не сказать и о создании Министерства по управлению материальными ресурсами, мощной налоговой службы в центре и на местах с подчинением ее непосредственно Госсовету КНР, а также об усилении контрольно-ревизионного аппарата.

Таким образом, анализ отдельных аспектов проводимой в КНР экономической реформы свидетельствует о том, что она вступила в новый этап своего развития, который характеризуется укреплением общественных форм собственности, поиском гармоничных форм соединения плана и рынка, расширением масштабов государственного регулирования социальных и хозяйственных процессов (на основе преимущественного использования экономических инструментов). Близость, а во многом и преемственность перечисленных выше целей и задач проводимой в нашей стране, в соответствии с решениями II Съезда народных депутатов СССР, практической работе по перестройке и обновлению хозяйственного механизма делает необходимым и полезным изучение опыта КНР в осуществлении реформы, тех проблем и трудностей, с которыми она сталкивается.

Проблемы хозяйственного расчета

Полный хозяйственный расчет: теория, практика, проблемы. Под ред. акад. Л. И. Абалкина. М.: Экономика, 1989. 270 с.

Радикальная экономическая реформа предполагает как одно из своих важнейших направлений коренное изменение хозрасчетных отношений. Авторский коллектив на основе анализа практики перехода к новой системе хозяйствования в начале перестройки намечает пути формирования отношений подлинного хозяйственного расчета. В этом, пожалуй, главное содержание и значение рецензируемой работы. Обобщая начальный опыт перестройки хозяйственного механизма, авторы, естественно, не могли в полной мере учесть динамичную практику последующих лет. Отсюда возникающее при чтении стремление «достроить» отдельные постановки монографии дополнительными и вопросами, и ответами. Вместе с тем само такое стремление подчеркивает и своевременность выхода, и актуальность содержания монографии.

Подлинный хозяйственный расчет формируется лишь на базе обновленных отношений собственности. Что же происходит с хозяйственным расчетом в условиях развития многообразия форм собственности и форм их реализации? Как соотносятся хозрасчетная, арендная, акционерная формы хозяйствования, все ли формы общественной собственности предполагают свою реализацию в хозрасчетных отношениях? Представляется, что обновление отношений собственности обнаруживает, что хозяйственный расчет есть форма реализации общенародной (государственной) собственности на средства производства, когда возникают особые экономические отношения общества с трудовыми коллективами.

Авторы придают большое значение роли хозяйственного расчета в экономике социализма, но отмечают, что хозяйственный расчет сам по себе не в состоянии решить всех проблем. Здесь с ними нужно согласиться. Однако с развитием этого тезиса хочется поспорить. В книге говорится, что хозяйственный расчет ориентирует, как правило, на достижение относительно кратковременных результатов, а такие аспекты, как техническое перевооружение производства, освоение принципиально новой техники и технологии требуют иного режима финансирования и регулирования.

Да, такова была практика многих лет. Более того, формальный хозяйственный расчет не ориентировал подчас и на кратковременные результаты. Но чем это объясняется: содержанием хозяйственного расчета или административными методами его осуществления? Ответ можно найти в самой книге. Последовательно проводится мысль о том, что хозяйственный расчет — это элемент единого механизма. И вместе со всеми другими его элементами он должен обеспечивать и долговременные, перспективные результаты, прежде всего ускорение НТП. То, что нам не удается до сих пор это обеспечить, в том числе в практике первых лет самофинансирования, «вина» не хозяйственного расчета, а следствие нашей неумелости овладеть стимулирующей функцией этой экономической формы индивидуального воспроизводства. Подобную ситуацию во многом можно объяснить не использованием товарно-денежных форм и механизмов, неотделимых от хозрасчетных отношений. Авторы многократно подчеркивают это обстоятельство, исходя из органичного сочетания в хозяйственном расчете планомерных и стоимостных отношений, недопустимость односторонней реализации его содержания. Соответственно переход к подлинному хозяйственному расчету они связывают как с обязательной перестройкой планирования, так и с формированием планомерно организованного рынка (гл. 4 и 5).

Одна из центральных проблем теории и практики хозрасчетных отношений — какова экономическая основа взаимосвязи их участников: общества и трудовых коллективов. Последние научные разработки позволяют уточнить: многосубъектность отношений общественной (общенародной) собственности означает, что собственником средств производства выступает не только общество в целом (государство), но и каждый работник, каждый трудовой коллектив. Отсюда все они также являются субъектами присвоения и результатов производства, т. е. объективно результат должен делиться между обществом и трудовым коллективом.

В книге это обстоятельство отмечается, однако оно не стало методологиче-

ской основой последующего анализа. Здесь встречается и другое понимание: «Трудовой коллектив владеет, распоряжается и использует средства производства как хозяин, но не становится их коллективным собственником» (с. 19). По нашему мнению, «разнотечение» воспринимается как внутреннее противоречие работы. Из него вытекает ряд вопросов, например: как, по какому принципу делить результат? Такой вопрос встает с переходом на экономические методы управления, отношения подлинного хозяйственного расчета, обеспечения реальной самостоятельности трудовых коллективов предприятий как товаропроизводителей. Авторы дают здесь двойственное решение.

С одной стороны, они считают наилучшим способом распределения — по ресурсам, а с другой — по результатам. Каждая позиция подкрепляется интересным анализом существующей практики и соответствующими предложениями по ее совершенствованию. Конечно, оба способа связаны. Более того, противоречивость монографии, очевидно, есть лишь отражение противоречивости практики, где оба способа применяются одновременно, параллельно. Однако, на наш взгляд, реализация и стимулирующей и воспроизводственной функций хозяйственного расчета предполагает прежде всего строгий учет ресурсов, находящихся у трудового коллектива, определение на этой основе потенциального результата, а далее — той его части, которая должна быть передана обществу.

Большое внимание уделяется в работе конкретному механизму хозрасчетного регулирования различных форм чистого дохода и заработной платы, характеристике отдельных платежей и др. Переход к экономическим методам управления, отмечают авторы, открывает возможность использования двойного принципа изъятия части чистого дохода у предприятий: нормативного и налогового. Более перспективным они считают налоговый принцип, но основное внимание уделяют применяемому на практике нормативному принципу.

Читатель, интересующийся проблемами оплаты труда, найдет в монографии своеобразный и важный аспект их анализа. Суть его — рассмотрение фонда заработной платы через призму хозрасчетных отношений. Авторы подчеркивают существующий и в теории, и на практике ошибочный отрыв этого фонда от конечных результатов деятельности трудовых коллективов (с. 191), обосновывают необходимость обеспечения соответствия между ними.

Как видно из сказанного, не все в книге изложено до конца или достаточно ясно. Однако работа будит мысль, толкает на поиск решений поставленных в ней проблем, а следовательно, и должна быть интересной для читателя.

В. Радаев,

д-р экон. наук, профессор

Эффективность научного потенциала отрасли

Берзон Н. И., Паламарчук А. С. Резервы интенсификации отраслевой науки. М.: Экономика, 1989. 200 с.

В рецензируемой книге рассматриваются пути повышения эффективности создания и использования научного потенциала, а также экономический механизм стимулирования научно-технической деятельности. В ней классифицируются различные направления и формы интенсификации общественного производства в зависимости от соотношения темпов экономики затрат овеществленного и живого труда. Представляют интерес критерии разграничения этих форм.

Авторы справедливо отмечают, что возможности общества по выделению ресурсов на развитие науки не безграничны. По численности занятых в данной отрасли, доле затрат на проведение научных исследований и разработок в национальном доходе наша страна занимает ведущее место в мире. Однако отдача от созданного научно-технического потенциала остается низкой, о чем свидетельствует проведенный в книге анализ развития науки и техники за длительный период времени.

Для выявления причин снижения эффективности научно-технической деятельности авторы исследуют состав и структуру научного потенциала отраслей промышленности. Системный подход к анализу позволил им наиболее полно выявить резервы повышения эффективности отраслевых научных организаций. Рассматривается состав и структура материально-технического, кадрового и информационного потенциала, обосновывается система его показателей. На примере отраслевых НИИ раскрывается методика проведения анализа. При этом все показатели четко разграничены на две группы: характеризующие состояние научно-технического потенциала и степень прогрессивности развития каждого его элемента; показатели уровня загрузки созданного потенциала.

Большая роль в реализации выявленных резервов интенсификации научно-технической деятельности принадлежит планированию. В книге раскрыты основные направления перестройки планиро-

вания науки и техники, концепция формирования государственного заказа и механизм стимулирования научных организаций для усиления заинтересованности в выполнении работ. С переводом отраслевой науки на хозрасчет и самофинансирование возрастает значение формирования сбалансированного по всем позициям плана научно-технического и социально-экономического развития научных организаций. Авторы предлагают обоснованную методику разработки данного плана, обеспечивающего эффективное использование накопленного потенциала.

Заслуживает внимания предложенная система унифицированной планово-учетной документации для получения объективной информации о состоянии и использовании научно-технического потенциала, проведения анализа, выявления резервов и их мобилизации в процессе планирования. Достоинством книги является то, что в ней приводится сквозной пример анализа деятельности научной организации и показан механизм реализации выявленных резервов.

Авторы предприняли попытку в концентрированном виде изложить сущность и основные принципы нового экономического механизма управления развитием науки и техники. Рассмотрены финансово-кредитные рычаги ускорения НИОКР. Значение финансового механизма определяется не только тем, что он должен обеспечить бесперебойное поступление денежных средств в НИИ и КБ, но и играть активную стимулирующую роль в интенсификации процесса исследований и разработок.

Проанализированы хозрасчетный ме-

ханизм формирования финансовых ресурсов для целей научно-технического развития, вопросы оптимизации централизованных и хозрасчетных источников финансирования науки и техники, система ценообразования на научно-техническую продукцию. Критически оценены экономические нормативы, утверждаемые научным организациям при переводе их на новые условия хозяйствования, высказаны предложения по совершенствованию нормативов.

Рецензируемая книга не свободна от недостатков. В частности, в ней недостаточно внимания уделено рассмотрению новой системы управления деятельностью научных организаций в условиях хозрасчета и самофинансирования. Сформулированные предложения дают лишь общую ориентацию в направлении дальнейшего развития хозяйственного расчета в сфере науки и не раскрывают конкретный механизм их реализации.

Нельзя не согласиться с мнением авторов, что существует два основных подхода к методам исчисления цен на научно-техническую продукцию: затратный и в зависимости от потребительских свойств научно-технической продукции. Однако следовало бы показать все многообразие оттенков и модификации этих методов, так как конкретные условия хозяйствования не приемлют какого-то единого подхода.

В целом же книга представляет интерес для ученых, специалистов и практиков, занимающихся проблемами управления наукой.

А. Казаков,
зам. нач. отдела ГКНТ СССР,
канд. экон. наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

П. А. Игнатовский (главный редактор), Р. А. Белоусов, В. П. Воробьев, О. С. Ефимов (зам. главного редактора), Е. В. Жаренков (ответственный секретарь), А. М. Зайчиков, Ю. П. Калмыков, В. Н. Кириченко, А. Н. Комин, А. А. Модин, В. А. Орлов, О. К. Рыбаков, В. В. Симаков, Д. В. Украинский, Е. И. Уваров.

Технический редактор Е. Б. Березкина.

Сдано в набор 30.03.90.

Подписано в печать 18.04.90.

А 10456.

Формат 70×108^{1/16}.

Печать высокая.

Усл. печ. л. 11,2.

Усл. кр.-отт. 11,57.

Уч.-изд. л. 13,13.

Тираж 40 121 экз. Заказ № 2143. Цена 70 коп.

Адрес редакции: 103009, Москва, К-9, пр. Маркса, 12. Тел. 292-15-77; 292-17-97.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865 ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.